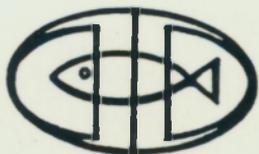

Б. А. Успенский, А. Б. Шишкин

ТРЕДИАКОВСКИЙ И ЯНСЕНИСТЫ

SIMVOL

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
И РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

Б. А. Успенский, А. Б. Шишкин

ТРЕДИАКОВСКИЙ И ЯНСЕНИСТЫ

§ 1. Пролог: загадки биографии Тредиаковского*

В биографии Тредиаковского, особенно раннего периода, много неясного и загадочного. Как известно, в 1710-х — начале 1720-х гг. он учился у итальянских ученых монахов-капуцинов — по всей видимости, у Патриция из Милана [Patritius da Milano, 1662—1753], бывшего в Астрахани в 1710—1713 гг. и в 1716—1718 гг., Бонавентуры из Читта ди Кастелло [Bonaventura Celestini da Città di Castello] и Джанбаттисты из Норчии [Giovan Battista Primavera da Norcia], бывших в Астрахани в 1716—1718 гг., и определенно у Антония Марии д'Амелиа Луалда [Antonius Maria ab Amelia Lualdi, +1741], бывшего в Астрахани в 1718—1723 гг. (Захария, 1942, с. 534 сл.; Захария, 1955, с. 57—59; Флоровский, 1962, с. 332—334; Читтаделла, 1944, с. 218—219; Шишкин, 1984, с. 129; о Патриции и д'Амелиа см.: Словарь капуцинов, 1951)¹. Есть основания полагать, что обучение Тредиаковского у капуцинов началось в 1712 г. и продолжалось около десяти лет; не исключено, впрочем, что это обучение началось несколько позже, а именно в 1715 г.² До нас дошла грамматика церковнославянского языка, собственноручно переписанная Тредиаковским в 1721 г. в

---

*В нижеследующем изложении даты даются по старому стилю, если речь идет о документах и событиях, относящихся к России, но по новому стилю в том случае, когда мы пишем о том, что произошло за границей.

период учебы в капуцинском училище (ГИМ ОР, Чертк. 337; ср.: Черниловская и Шульгина, 1986, с. 85; Марков, 1980; Марков, 1983; Успенский, 1985, с. 112, примеч. 74)³; оригинальной частью этой рукописи является предисловие, подписанное «ученик латинских школ: *Basilius Trediacovensis*» и датированное 30 сентября 1721 г., а также силлабическое четверостишие, которые и представляют собой, по-видимому, наиболее ранние из дошедших до нас произведений Тредиаковского⁴.

В начале 1722 г. Тредиаковский просит астраханского вице-губернатора выдать ему паспорт для проезда в Киев «для учения латинскому языку» (челобитная Тредиаковского в губернскую канцелярию от 13 февраля 1722 г. — Самаренко, 1962, с. 360). Тредиаковский получил паспорт, однако в Киев не поехал и, по-видимому, продолжал учиться в капуцинской школе.

В начале 1723 г. Тредиаковский, как он сам писал позднее, «по охоте [...] к учению, оставил природный город, дом, и родителей, и убежал в Москву» (автобиографическая «ведомость» Тредиаковского 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30)⁵. Весной того же года Тредиаковский был принят в московскую Славяно-греко-латинскую академию — прямо в майскую треть (т. е. весенний триместр) синтаксисы («ведомость» Академии — ОДДС, X, столб. 1342), в 1724 г. он числится в сентябрьской трети риторики (см. там же). Как указывает Тредиаковский, в Академии он закончил курс риторики: «по окончании Реторики» он покидает Академию (автобиографическая «ведомость» 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30). Это произошло в 1725 г.⁶: по справке Академии, составленной ректором архимандритом Гедеоном Вишневым и выданной 5 апреля 1728 г. в ответ на запрос Синода, «бывшей в латинских школах [...] ученик Василий Третьяковский, во оныя школы в ученики определен был в прошлом 723 году из поповых детей, и был в риторической науке, и в прошлом 725 году из оной Академии бежал» (Чистович, 1859, столб. 158; ОДДС, VIII, столб. 206).

Учителем риторики в Славяно-греко-латинской академии в 1724—1726 гг. был иеромонах Софроний Мигалевич, бывший впоследствии (в 1731—1732 гг.) ректором Академии; до этого в 1723 г. он преподавал пиитику (ОДДС, V, столб. 135; ОДДС, VI, столб. 355; ОДДС, VIII, столб. 516—517; ОДДС, X, столб. 1331; Смирнов, 1855, с. 197; Харлампович, 1914, с. 655, 658). Именно у него и должен был заниматься Тредиаковский. Учителем синтаксисы в 1723 г. был иеромонах Георгий Данилов, который в 1724 г.

покинул Академию и о котором почти ничего не известно (ОДДС, X, столб. 1331; ср.: ОДДС, IV, столб. 254—255, 343; ОДДС, VII, с. CLII).

«В начале 1726 года» Тредиаковский, по его словам, «получил [...] оказию выехать в Голландию» (письмо Тредиаковского в Синод из Парижа от 1/12 декабря 1727 г., — Чистович, 1859, столб. 157); почти в тех же выражениях он пишет об этом и позднее: «По окончании Реторики, нашел я способ уехать в Голландию» (автобиографическая «ведомость» 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30). Сам Тредиаковский объяснял свой отъезд желанием продолжить образование в Европе: «Проходя мои науки в Москве в Спасском Заиконном монастыре [...], превеликое я [...] имел желание, чтобы оныя окончить в Европейских краях, а особливо в Париже: для того, как всему свету известно, что в оном наиславнейшия находятся» (письмо в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 157; ср. еще доношения в канцелярию Академии наук от 2 мая, 17 мая и 18 августа 1743 г. и в Сенат от 28 февраля 1744 г. — Материалы АН, V, с. 680, 837; «Москвитянин», 1853, № 15, с. 31; «Москвитянин», 1851, № 11, с. 228). Тредиаковский знал о предстоявшем ему путешествии за границу, еще учась в Славяно-греко-латинской академии: об этом свидетельствует «Песенка, которую я сочинил еще будучи в Московских школах на мой выезд в чужия краи», опубликованная впоследствии в приложении к «Езде в остров Любви» (Тредиаковский, III, с. 769—770)⁷. Можно полагать, что он выехал через Петербург (об этом говорится в посмертно опубликованной биографии Тредиаковского, правда, не всегда достоверной, — Тредиаковский, 1775, л. 1)⁸. Итак, по всей вероятности, Тредиаковский отбыл из Москвы в Петербург в конце 1725 г. с тем, чтобы выехать оттуда в Голландию в начале 1726 г.

Заметим, что в упомянутой «Песенке [...] на [...] выезд в чужия краи», которую Тредиаковский «сочинил, еще будучи в Московских школах», описывается путешествие морем, и при этом речь идет о весне. В действительности же путешествие состоялось зимой, когда морем было выехать невозможно: Тредиаковский, очевидно, прибыл в Голландию сухим путем. Итак, Тредиаковский первоначально предполагал уехать весной, однако ему представилась возможность (он «получил [...] оказию выехать в Голландию») сделать это раньше.

В Голландии Тредиаковский пребывал до осени 1727 г., «при полномочном министре, Его Сиятел[ьстве] Графе Иване Гавриловиче

Головкине обретаяся» (письмо Тредиаковского в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 157—158); это означает, что Тредиаковский жил в Гааге. Именно в Голландии Тредиаковский овладел французским языком (письмо в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 157; автобиографическая «ведомость» 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30)⁹. В ноябре 1727 г. Тредиаковский отправился в Париж (письмо И. Г. Головкина к А. Б. Куракину от 7 ноября 1727 г. — ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 94, л. 21—21 об.; это письмо мы цитируем ниже в § 3), где по крайней мере первое время жил в доме кн. А. Б. Куракина (1697—1749), главы русской дипломатической миссии во Франции (письмо Тредиаковского в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 158). Как он позднее указывал, он прибыл в Париж «с крайним претерпением бедности, и куда дошел [...] пеш из самага Антверпена» (доношение в Сенат 1744 г. — «Москвитянин», 1851, № 11, с. 228; ср. также доношения в канцелярию Академии наук от 2 мая, 17 мая и 18 августа 1743 г. — «Москвитянин», 1853, № 15, с. 31; Материалы АН, V, с. 680, 837; автобиографическую «ведомость» 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30).

В Париже Тредиаковский жил с конца 1727 г. (см. письмо Тредиаковского в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 157—158)¹⁰ и, видимо, до осени 1729 г.; о пребывании Тредиаковского в Париже еще в июле 1729 г. писал И. Калужкин кн. А. Б. Куракину 14/25 июля 1729 г. (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 226; это письмо мы цитируем в § 3 и 4 настоящей работы). Здесь Тредиаковский, по его свидетельству, «в Университете [...] обучался Математическим и философским Наукам, а Богословским тамже в Сорбоне» (автобиографическая «ведомость» 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30)¹¹; соответственно, в письме в Синод от 1/12 декабря 1727 г., написанном вскоре после прибытия в Париж, он просит определить ему «годовое жалованье» с тем, в частности, чтобы «науки [...] богословския и философския привести к окончению» (Чистович, 1859, столб. 158). Основное место среди этих занятий занимала, по-видимому, философия¹².

С начала ноября 1729 г. по середину августа 1730 г. Тредиаковский находился в Гамбурге: о времени его пребывания в Гамбурге свидетельствует счет комиссионера Куракина Брюгие [Alexandre Brugier], подписанный в Гамбурге 18 августа 1730 г.: «payé en plusieurs fois au Sr. Trediakoffski pour son entretien [...] depuis le 5: 9bre jusqu'au 9: août 1730: dont il m'a donné quittance» (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 74, л. 384)¹³. В Гамбурге Тредиаковский оказывается в

связи с предполагавшимся назначением А. Б. Куракина на дипломатическую миссию в Пруссию: Куракин, который в июле 1728 г. уехал из Франции в Россию (Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 97), в июле 1729 г. был назначен посланником в Берлин (де Лириа, 1869, с. 176) и распорядился поэтому часть своего багажа перевезти в Гамбург¹⁴. Назначение это было, однако, отменено: 31 августа 1729 г. вместо Куракина определено было ехать в Берлин кн. С. Д. Голицыну (Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 50; де Лириа, 1869, с. 180)¹⁵, и, таким образом, Куракин остался в России¹⁶. Тредиаковский прибыл в Гамбург в первых числах ноября 1729 г., возможно, вместе с куракинским багажом; во всяком случае, ему было поручено позаботиться об имуществе Куракина, прибывшем в Гамбург на пути в Берлин (в том числе и об охотничьей собаке Куракина), и переправить его из Гамбурга в Петербург (см. об этом в письме Тредиаковского к С. Д. Голицыну из Гамбурга в Берлин от 3/13 июля 1730 г. — ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, с. 287—287 об.); сопровождая это имущество, Тредиаковский и отбывает в Россию. Тредиаковский отплывает из Гамбурга в середине августа 1730 г. на корабле «Die Liebe» (см. об этом в письмах Брюгге к Куракину из Гамбурга в Москву от 8 и 18 августа 1730 г., а также его приписку к счету, подписанному в Гамбурге 18 августа 1730 г., — ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 261—261 об., 263 об., 264 об.; № 74, л. 384 об.)¹⁷.

В сентябре 1730 г. Тредиаковский возвращается в Россию (время приезда указано в его трактате «О древнем, среднем и новом стихотворении Российском» 1755 г. — Тредиаковский, I, с. 783). Здесь он очень скоро — в том же году — оказывается причислен к Академии наук. С 1730 по 1733 г. Тредиаковский числится студентом при Академии наук (иначе говоря, он является студентом Академического университета); так, в прошении на высочайшее имя от января 1759 г. он писал: «Служу я [...] при Академии наук [...] с 1730 года студентом, а с 1733 [...] секретарем» (Пекарский, 1866, с. 185). То же показывал сын Тредиаковского, Лев, при прохождении смотра в петербургской Герольдмейстерской конторе 23 марта 1758 г.: согласно его показанию, «отец ево Василии Кирилов сын Тредьяковъской сначала в службы определен в 730^М году и был студентом при Академи наук, в 733 году определен при той же Академи секретарем [...]» (справка из Герольдмейстерской конторы — ЦГАДА, ф. 286, № 472, л. 538)¹⁸. О том, что Тредиаковский «служил» при Академии наук уже с 1730 г., он сообщает и в других

документах, см., например, доношение в Академию наук от 14 ноября 1737 г. (Пекарский, II, с. 70; Материалы АН, III, с. 518; то же повторено в справке Академии от 30 ноября 1737 г. — там же, с. 529) или доношение президенту Академии наук графу К. Г. Разумовскому от 8 марта 1751 г. (Тредиаковский, I, с. 802; «Москвитянин», 1842, № 1, с. 122)¹⁹. В России перед Тредиаковским открываются широкие возможности, и он быстро приобретает высокие знакомства при дворе (см. ниже, § 6).

Это все, что нам достоверно известно. Эти факты ставят перед нами целый ряд вопросов. Не вполне понятна, в частности, причина «бегства» Тредиаковского из Астрахани. Неясно, почему он сперва намеревался учиться в Киеве и каким образом он оказался в Москве. Некоторые исследователи полагают, что для поездки в Москву Тредиаковский воспользовался паспортом, выписанным для путешествия в Киев (Самаренко, 1962, с. 360); этому, кажется, противоречит признание Тредиаковского, что он «убежал» из Астрахани (см. выше). Существует также предположение, что отъезд Тредиаковского из Астрахани связан с отъездом оттуда кн. Д. Кантемира и его секретаря И. Ю. Ильинского, бывшего также учителем его детей (Майков, 1897, с. 6)²⁰; к этой гипотезе мы еще вернемся (см. ниже, § 3).

Далее. Как мог Тредиаковский оказаться за границей? Не только переходить границы российской империи, но и выезжать из города в город и передвигаться внутри страны без соответствующего паспорта было достаточно рискованно (ср.: Самаренко, 1962, с. 360); беспаспортных арестовывали и ссылали в столицу. Между тем нет никаких сведений о том, что Тредиаковскому был выдан заграничный паспорт (см. ниже, § 3). В московской Славяно-греко-латинской академии считали, что Тредиаковский «из оной Академии бежал [...], а не по отпуску из оной Академии отбыл, и в Париж для вышших наук ни по какому указу из оной Академии отправлен не был», и при этом намекали даже на его способность подделывать паспорта («[...] бежал знатно для того, что он, Третьяковский, к побегу Спасского училищного монастыря иеродиакону Трифилию, который приличился в краже, написал воровской пашпорт» — справка Академии от 5 апреля 1728 г., составленная ректором Гедеоном Вишневым и выданная в ответ на запрос Синода, см.: Чистович, 1859, столб. 158; ОДДС, VIII, столб. 206). Этому противоречит то, что, оказавшись в Париже, Тредиаковский обращается в Синод с просьбой о денежном вспомоществовании (письмо Тредиаковского от 1/12

декабря 1727 г. — см. там же, столб. 157—158); очевидно, он вовсе не считал себя беглецом и преступником²¹. Точно так же, вернувшись в Москву после своих заграничных скитаний — Тредиаковский приезжает в Москву из Петербурга 3 января 1731 г. (см. об этом в письме Тредиаковского к Шумахеру от начала января 1731 г. — Письма XVIII в., с. 44), — он очень скоро (видимо, не позднее 18 января 1731 г.) является к ректору Академии (см.: Успенский, 1985, с. 128—130).

Еще менее понятно, каким образом Тредиаковский мог быть принят в Гааге русским полномочным министром графом И. Г. Головкиным, сыном Г. И. Головкина, президента Коллегии иностранных дел, одного из самых влиятельных вельмож того времени и свойственника Петра I. Затем уже рекомендация гр. И. Г. Головкина вводит Тредиаковского в дом кн. А. Б. Куракина, также свойственника Петра I (см. упоминавшееся уже выше письмо И. Г. Головкина к А. Б. Куракину от 7 ноября 1727 г.).

Если считать, что Тредиаковский, как он это сам утверждал, отправился в Европу учиться, то совершенно непонятно, почему он потратил на учебу так мало времени: действительно, пробыв за границей около четырех с половиной лет, Тредиаковский учился только в Париже, где провел немного менее двух лет, — иначе говоря, он потратил на учебу менее половины того времени, которое он провел за границей. Обращает на себя внимание, что, покинув Париж, он провел в Гамбурге почти целый год; чем было вызвано столь длительное пребывание?

И, наконец, последнее. Вернувшись в Россию в сентябре 1730 г., Тредиаковский — безвестный студент, в свое время обвиненный в бегстве из Московской академии, — неожиданно делает быструю и удачную карьеру — он принят при дворе, пользуясь поддержкой очень влиятельных особ, почти сразу делается студентом петербургской Академии наук и затем претендует на должность адъюнкта или ассоциата, в конце концов предпочтя должность секретаря Академии наук (Успенский, 1985, с. 137—139, 149; ср. ниже, § 6).

Поставленные вопросы требуют объяснений. Для объяснений недостает прямых данных, и можно полагать, что недостаток данных объясняется не тем, что они до нас не дошли, но в какой-то мере и тем, что они были намеренно скрыты. Вместе с тем имеется ряд косвенных указаний, которые, как кажется, позволяют восстановить реальную картину. Все эти вопросы оказываются частью более широкого комплекса проблем, связанных с одним из ключевых эпизодов русской культурной и церковной истории первой трети XVIII в.

§ 2. Планы янсенистов; Тредиаковский и миссия аббата Жюбе

НЕОБХОДИМО иметь в виду, что во время пребывания за границей Тредиаковский был близок к янсенистским кругам. Как Голландия, так и Париж были центрами янсенизма. Янсенистом был Шарль де Роллен [Charles de Rollin, 1661—1741], на которого Тредиаковский ссылался как на своего учителя (Успенский, 1985, с. 114), янсенисты были сосредоточены и в Сорбонне, где Тредиаковский, как он позднее сообщал, обучался «Богословским наукам» (см. выше, § 1).

Знаменательно, что Тредиаковский имел какое-то отношение к одному эпизоду, самым непосредственным образом связанному с деятельностью янсенистов. В 1727 г. княгиня Ирина Петровна Долгорукая (1700—1751), урожденная Голицына, супруга князя Сергея Петровича Долгорукого (1697—1761) и дочь сенатора князя Петра Алексеевича Голицына (1660—1722), во время своего пребывания в Голландии перешла вместе со своими детьми в католичество²². С 1726 г. она несколько раз исповедовалась и причащалась у католического священника ван Даленноорта [Guillaume-Frédéric van Dalennoort] (Пирлинг, IV, с. 308—309; Пекарский, 1868, с. 26; Чистович, 1868, с. 372, примеч.). Находившийся в это время в Гааге Тредиаковский, несомненно, был знаком с И. П. Долгорукой и был в курсе этого дела. Обряд присоединения кн. И. П. Долгорукой был совершен 11 июня 1727 г. в Лейдене архиепископом утрехтским Бархманом [Cornelle-Jean Barchman Wuitiers], посредницей — своего рода духовной восприемницей — выступила при этом принцесса Овернская [Marie-Anne, princesse d'Auvergne], дочь принца де Линя [Philippe-Charles de Ligne] (История, 1765, с. 547; Бурсье, 1753, с. 315; Пирлинг, IV, с. 309—311; Толстой, 1863, с. 164; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 6—7). Здесь важно отметить, что утрехтская архиепископия возглавляла янсенистское движение, занимая вообще относительно независимое положение внутри Католической Церкви и находясь в оппозиции по отношению к папе Римскому: с 1723 г. утрехтский архиепископ избирался независимо от папы, причем Бархман (ставший архиепископом в 1725 г.) принимал активное участие в процессе отделения от Рима.

В Россию с кн. Долгорукой в качестве ее духовника отправился аббат Жюбе де ла Кур [Jacques Jubé de la Cour, 1674—1745], агент Сорбонны, которому Сорбонна поручила вести переговоры о

соединении Восточной и Западной Церквей, причем предполагалось воспользоваться той ролью, которую играли Долгорукие и Голицыны при дворе Петра II. Жюбе был одним из видных янсенистских священников, создавшим даже особый янсенистский обряд, известный под названием «аньерской литургии» («liturgie d'Asnières»); он подвергался преследованиям за свои убеждения и вынужден был покинуть Францию (где его приход в парижской диоцезии — в Аньере-на-Сене — стал одним из янсенистских центров) и искать прибежище в Голландии, не прекращая при этом связи со своими французскими единомышленниками (Пирлинг, IV, с. 312—314)²³. Вместе с тем он был полиглотом и, в частности, изучал славянские языки — церковнославянский («le Slavon») и польский²⁴. Аббату Жюбе было предложено вступить в переговоры с русскими епископами еще в начале октября 1726 г. (Бурсье, 1753, с. 317; ср.: Пирлинг, IV, с. 315). 21 ноября 1726 г. Сорбонна сносится по этому поводу с принцессой Овернской (Бурсье, 1753, с. 318); 3 декабря 1726 г. кн. И. П. Долгорукая обратилась к Жюбе с письмом, уговаривая его поехать с ней в Россию (там же, с. 324). 28 февраля 1727 г. архиепископ Бархман обратился к Жюбе с посланием, предлагая ему взять на себя эту миссию (там же, с. 324—325; Пирлинг, IV, с. 315), а 24 июня 1728 г. доктора Сорбонны выдали Жюбе письмо, уполномочивающее его вести переговоры от их имени с представителями Русской Церкви (Бурсье, 1753, с. 329; История, 1765, с. 548; текст письма на французском и латинском языках см. у Бурсье, 1753, с. 439—467). Официальные предписания он получает и от архиепископа Бархмана непосредственно перед выездом в Россию; этот документ датирован 20 октября 1728 г. (Бурсье, 1753, с. 476—485, ср. с. 331—332; Арх. Пирлинга, л. 206); при этом Бархман, по-видимому, намеревался дать Жюбе весьма широкие полномочия, которые в ряде моментов могли уподобляться епископским функциям²⁵. 27 сентября/4 октября 1728 г. кн. С. П. Долгорукий в письме из России благодарит Жюбе за согласие сопровождать его жену и детей (Библ. Труа, № 2333, л. 17; Арх. Пирлинга, л. 197). Жюбе выехал в Россию 20 октября 1728 г. и прибыл в Москву 30 декабря того же года по нов. стилю (Бурсье, 1753, с. 331—332; История, 1765, с. 549)²⁶; в Россию он приехал под именем Лакура, причем это имя он принял, по-видимому, в связи с данной миссией (см. ниже, § 5).

Непосредственное отношение к миссии Жюбе имел доктор Сорбонны Бурсье [Laurent-François Boursier, 1679—1749],

известный богослов и философ, который еще в 1717 г. во время пребывания Петра I в Париже был инициатором проекта о воссоединении Церквей.

Для того чтобы оценить действия янсенистов в интересующий нас период (т. е. во второй половине 1720-х гг.), необходимо иметь в виду, что Петр I во время своего посещения Сорбонны 14 июня 1717 г. отнесся к предложению о воссоединении Церквей достаточно благосклонно; во всяком случае, он явно предпочел вести переговоры об этом с янсенистами, а не с ортодоксальными сторонниками Рима (ультрамонтанами). Надо сказать вообще, что Петр I приезжает в Париж (7 мая 1717 г. по нов. стилю) в период, когда разногласия между янсенистами и Римом достигли критической стадии в результате папской буллы «Unigenitus» (1713 г.) — буллы, направленной против янсенистов и стимулировавшей раскол Католической Церкви. 5 марта 1717 г. — непосредственно перед приходом Петра I — четыре французских епископа выступили против этой буллы и призвали к обсуждению ее на Соборе Католической Церкви. К ним присоединились парижский архиепископ кардинал де Ноайль [Louis-Antoine de Noailles, 1651—1729] и сто докторов Сорбонны; принцип соборности противопоставлялся при этом авторитету папы. Петр I был хорошо информирован об этом конфликте и одобрял поведение кардинала де Ноайля как главы оппозиции (Бурсье, 1753, с. 288—289; Крейкрафт, 1971, с. 39). Программа янсенистов, ограничивающих авторитет папы чисто духовной сферой, определенно импонировала Петру²⁷. Здесь следует отметить, что поездка Петра в Париж непосредственно предшествовала созданию «Духовного регламента» (1718—1720 гг.), и нет никакого сомнения в том, что царь интенсивно думал в это время о церковной реформе: движение янсенистов воспринималось им в перспективе намечаемых преобразований. Ограничение папской власти, на котором настаивали янсенисты, соответствовало ограничению власти патриарха в России²⁸, а апелляция к Собору могла ассоциироваться с идеей коллегиального управления Церковью — идеей, которая реализовалась в «Духовном регламенте». Настаивая на том, что церковные власти должны сосредоточиться на духовных делах и не вмешиваться в сферу светского правления, янсенисты исходили из стремления сохранить чистоту Церкви, оградить ее от мирского. Однако то, что для янсенистов было связано с духовной моралью, для Петра представляло как основание для полной изоляции Церкви от административной и политической жизни государства. Янсенизм

представляет собой вообще реформационное движение в Католической Церкви, и Петр, который явно симпатизировал протестантам, мог видеть в янсенистах своего рода католических пуритан.

Показательно, что непосредственно перед посещением Сорбонны Петр имел встречу с папским нунцием архиепископом Бентивольо [Cornelio Ventivoglio], которая состоялась по настоянию Римской курии, причем разговор шел и о воссоединении Церквей; это предложение не встретило никакого сочувствия у царя, и разговор оказался совершенно бесплодным (Крейкрафт, 1971, с. 39—40; ср.: Пирлинг, IV, с. 239—244, 427—430; Тамборра, 1986, с. 183 сл.; Толстой, 1863, с. 150—153)²⁹. На следующий же день, утром 14 июня 1717 г. (по новому стилю), Петр появился в Сорбонне, где его встретил Бурсье, который завел с ним разговор на ту же тему; одновременно речь зашла о папской булле («Unigenitus») и о вызванных ей разногласиях в Католической Церкви (Бурсье, 1753, с. 285—291; Крейкрафт, 1971, с. 37—39; Журнал Петра, 1772, с. 411—412; Катифор, 1772, с. 354—355; Голиков, 1788—1789, V, с. 327—328; Голиков, 1790—1797, XI, с. 409—410). Замечательно, что на этот раз реакция царя на предложение о соединении Церквей была более благожелательной — во всяком случае, он не уклонился от данной темы³⁰. Петр предложил своим собеседникам составить записку по данному вопросу и обещал, что они получат ответ от русских епископов; записка была составлена 15 июня и вручена Петру 20 июня 1717 г. — окончательная редакция этого документа принадлежит Бурсье (см. французский текст записки: Бурсье, 1753, с. 369—392; Толстой, 1863, с. 368—377; латинский перевод: Бурсье, 1753, с. 393—410; церковнославянский перевод: Журнал Петра, 1772, с. 425—435)³¹.

Итак, Петр отказывается обсуждать проблему соединения Церквей с папским нунцием и соглашается обсуждать ее с янсенистами; эта разница была очень знаменательной, и она давала основания думать, что предложение Сорбонны имеет реальные шансы на успех³². Позднейшие действия Петра против иезуитов (в июле 1719 г. в связи с делом царевича Алексея Петровича иезуиты были изгнаны из России) могли также давать янсенистам основания для надежды: в самом деле, эти действия были вызваны чисто политическими причинами и отнюдь не носили антикатолического характера — таким образом, не будучи направленными против католиков, эти действия были направлены против главных противников янсенистов.

Вернувшись в Россию, в декабре 1717 г. Петр передал сорбонскую записку Стефану Яворскому, с тем, чтобы тот позаботился о переводе этого документа. По распоряжению Стефана, перевод с латинского на церковнославянский язык был осуществлен Феофилактом Лопатинским³³. И в дальнейшем Петр помнил о своем обещании: в его записных книжках первой половины 1718 г. дважды фигурирует одна и та же фраза: «О ответе на Сорбонское письмо, понеже я обещал» (Воскресенский, 1945, с. 55—56).

Ответ русских епископов был подготовлен Феофаном Прокоповичем и подписан им вместе со Стефаном Яворским и холмогорским архиепископом Варнавой (Волостковским); он датирован 15 июня 1718 г. (Журнал Петра, 1772, с. 436—438; Голиков, 1788—1789, VI, с. 171—175, ср. с. 157—158, 162; Стефан Яворский, III, с. 284—288; Бурсье, 1753, с. 411—424, ср. с. 292)³⁴, однако в Сорбонне смогли ознакомиться с его содержанием приблизительно через год (см. ниже). Стефан Яворский, по-видимому, остался неудовлетворенным этим текстом и несколько позже подготовил другой ответ, написанный от лица епископов Великой, Малой и Белой России и датированный сентябрем 1718 г. (Журнал Петра, 1772, с. 438а—438е; Стефан Яворский, III, с. 289—298; Бурсье, 1753, с. 425—439)³⁵; замечательно при этом, что ответ Стефана написан от имени всего епископата, а не правящего синклита — как это имеет место в случае первого документа. Бурсье получил возможность ознакомиться с этим посланием лишь несколько лет спустя — по всей вероятности, в 1722 г. (см.: Бурсье, 1753, с. 307—309). Следует полагать, что подготовленный Феофаном Прокоповичем ответ не был отправлен в Сорбонну по крайней мере до осени 1718 г.; и можно полагать, что он вообще не был туда отправлен официальным путем³⁶; это, несомненно, связано с противодействием Стефана Яворского. Что касается ответа, подготовленного самим Стефаном, то он во всяком случае не был официально послан³⁷. Так или иначе, оба ответа все же дошли до Сорбонны, и там имели возможность их сравнивать.

В обоих ответах говорится о невозможности в настоящий момент решить данную проблему, т. е. осуществить соединение Церквей, но при этом они очень отличаются как по стилю, так и по содержанию — послание Феофана написано очень сдержанно, послание же Стефана составлено в гораздо более благоприятных для Сорбонны выражениях; существенно, в частности, что Стефан Яворский подчеркивает близость православного и католического

вероисповедания, отмечая, что католики гораздо ближе православным, чем протестантам³⁸.

В послании Феофана невозможность соединения Церквей мотивируется тем, что Русская Церковь составляет лишь часть православной общины и в принципе не может решить этот вопрос самостоятельно, т. е. без согласования с другими православными Церквями, в противном случае соединение с католиками вызвало бы раскол в православном мире, соответственно, в принципе отвергается возможность созыва Собора Русской Церкви для решения данного вопроса. Таким образом обсуждение инициативы Сорбонны, говорится здесь, предполагает сношение с другими православными епископами, прежде всего с восточными патриархами, сама же Русская Церковь не правомочна вступать в переговоры; «и сия едина причина есть, — говорится здесь, — для чего мы и на ваша о примирении разсуждения публичным всея церкви именем ответствовать ныне оставили» (Журнал Петра, 1772, с. 438). Между тем в послании Стефана, написанном от имени всех епископов Русской Церкви, говорится, что этот вопрос невозможно решить постольку, поскольку в Русской Церкви сейчас нет патриарха: «[...] возбраняет нам канон Апостольский, который Епископу без своего старейшины ничтоже, а наипаче в толь великом деле церковном, творити попускает. Престол же святейший Патриаршества Российского празден и вдовствующий быти мним, яко известно есть и иностранным. И сего ради Епископам без своего Патриарха хотети что либо замышляти, тожде было бы, аки бы членам без своя главы хотети двигатися [...]. Сей есть предел крайний, который в настоящем деле больше нам не попускает глаголати что либо, или творити» (Журнал Петра, 1772, с. 438д). Здесь же Стефан указывает, что в создавшейся ситуации единственный выход — это обращение к восточным патриархам, которые только и правомочны решить данную проблему (там же, с. 438е). Такая позиция вообще соответствует представлениям Стефана об эклезиологической ситуации Русской Церкви: по мнению Стефана, лишившись патриарха, Русская Церковь не осталась безглавой (и, во всяком случае, не стала подчиняться царю), она оказалась в ведении восточных патриархов, которые и должны были сохранять иерархический порядок церковного устройства (см. особенно сочинение Стефана «Апология или словесная оборона о возношении явственном и воспоминании в молитвах церковных Святейших Православных Патриархов», 1721 г. — Живов, в печати)³⁹.

Стефан Яворский и в самом деле собирался связаться с восточными патриархами по вопросу о соединении Церквей — с тем, чтобы предоставить им решение данного вопроса. В списках послания Стефана содержится особый пассаж, отсутствующий во всех печатных изданиях⁴⁰; здесь говорится о созыве освященного Собора Русской Церкви — с соизволения царя — который и должен обратиться к восточным патриархам⁴¹. Как видим, Стефан вполне серьезно отнесся к предложению Сорбонны и решил предпринять шаги, необходимые для реализации этого предложения. Однако, вопреки планам Стефана, идея созыва освященного Собора не была, по-видимому, одобрена Петром I, и, таким образом, обращение к восточным патриархам от имени всей Русской Церкви стало невозможным; поэтому Стефан сократил свое послание, изъяв из него соответствующий пассаж. Необходимо иметь в виду, что после суда над царевичем Алексеем Петровичем в июне 1717 г., где Стефан достаточно определенно высказался против казни царевича и против расстрижения ростовского епископа Досифея, положение Стефана было крайне непрочным (Крейкрафт, 1971, с. 146 сл.)⁴². Если послание, подготовленное Феофаном, вероятно, не было официально отправлено ввиду противодействия Стефана, то послание Стефана вызвало, по-видимому, противодействие со стороны Феофана. В результате этого конфликта ни то, ни другое письмо, по-видимому, так и не было послано, и предложение Сорбонны повисло в воздухе⁴³.

Сравнивая содержание писем Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, мы видим, что их авторы расходятся в двух основных положениях, а именно в вопросе о необходимости созыва Собора Русской Церкви в связи с предложением Сорбонны и в вопросе о роли патриарха в решении данного вопроса⁴⁴. Из ответа Стефана явствует, что необходимым условием для соединения Церквей является восстановление патриаршества в России; обе эти проблемы оказались непосредственно связанными, и вполне закономерно, что янсенисты активизируют свою деятельность после смерти Петра I, когда вопрос о восстановлении патриаршества в России становится актуальным (см. ниже, § 5)⁴⁵.

Такова была позиция русских иерархов. Что касается Сорбонны, то объединение Церквей мыслилось — как в 1717 г. так и в 1728 г. — на янсенистско-галликанской основе, т. е. на основе признания авторитета папы, ограниченного исключительно духовной сферой, и полной самостоятельности христианских монархов во всех остальных вопросах (ср.: Крейкрафт, 1971,

с. 40—44; Тамборра, 1986, с. 190—191; Бурсье, 1753, с. 288)⁴⁶. Вместе с тем в 1728 г., в условиях раскола Католической Церкви, ознаменовавшегося фактическим отделением от Рима утрехтской иерархии, это объединение могло выглядеть как создание новой Церкви (объединяющей янсенистов и православных), противопоставляющей себя ультрамонтанскому Риму (ср.: Пирлинг, IV, с. 353, 316; Винтер, II, с. 38, 47).

Таким образом, миссия Жюбе является непосредственным продолжением предприятия Сорбонны, начатого в 1717 г., — об этом прямо говорится в предписаниях, которые получил Жюбе от Сорбонны 24 июня 1728 г. (Бурсье, 1753, с. 440). Связь миссии Жюбе с предприятием Сорбонны вполне эксплицитно подчеркнута в письме Жюбе к австрийской императрице от 28 апреля 1737 г.: «Провидение после моего возвращения из Рима, куда я отправился вместе с его преосвященством кардиналом де Ноайлем в 1725 г., чтобы обсудить некоторые дела с его святейшеством папой Бенедиктом XIII, дало мне новое поручение, а именно: трудиться для соединения Греческой церкви Московии с Латинской римской церковью в соответствии с запиской, представленной в Париже его царскому величеству Петру I, и вследствие двух ответов, подготовленных по его приказу русскими епископами, которые просили, чтобы Сорбонна послала кого-нибудь для беседы с ними, так как такое важное дело не может обсуждаться издали в письмах; мне поручили это дело от имени докторов, которые подписали эту записку; это поручение было изложено в письме, ими подписанном. Некоторое время до этого на меня была возложена обязанность наставлять в вере княгиню Ирину Петровну Долгорукую, урожденную княгиню Голицыну, которую направила ко мне принцесса Овернская д'Аремберг, и я ее привел к тому, что она отреклась от схизмы в 1728 г. [sic!]; в том же году я отправился с ней и ее семьей в Россию» («La providence, après mon retour de Rome où j'alley de concert avec son Em. M. le Card. de Noailles en 1725 pour une commission auprès de Sa Sainteté Benoit 13, me chargea d'une autre commission qui étoit de travailler à la réunion de l'Eglise grecque de Moscovie avec l'Eglise Latine Romaine conformément au Mémoire présenté à Paris à Sa M. Czarienne Pierre I par la Sorbonne et en conséquence de 2 réponses faites suivant ses ordres par les Evêques de Russie qui demandoient que la Sorbonne deputet quelqu'un pour conférer avec eux sur les lieux, une affaire de cette conséquence ne pourant se traiter de si loin et par lettres, je fus donc chargé de cette commission au nom des docteurs qui avaient signé le 1er Mémoire, avec un écrit signé

d'eux. Quelque temps auparavant m'étant trouvé à portée d'instruire M^e la Princ. Irène Petrowna Dolgorouky née Princesse Galitzin qui me fut adressée par M^e la Princ. d'Auvergne d'Aremberg, je lui fis faire son abjuration du schisme en 1728 et je partea la même année avec elle et sa famille pour la Russie» — Библ. Труа, № 2156, л. 322—322 об.; Арх. Пирлинга, л. 232).

Знаменательно, что Жюбе позаботился о переводе на русский язык сорбоннской записки 1717 г. (таким образом, помимо перевода Феофилакта Лопатинского, о котором мы упоминали выше, существовал еще один перевод этого документа) и распространял ее как в русской, так и в латинской и французской версиях (см. конспективную записку о деятельности Жюбе в России, составленную после его смерти, — Арх. Пирлинга, л. 222)⁴⁷. Вместе с тем Жюбе в России пытался раздобыть копии ответов русских иерархов сорбонским богословам; в частности, ему было поручено убедиться в аутентичности этих документов (Бурсье, 1753, с. 297, 444, 458—459).

Основная роль как в 1717, так и в 1728 г. принадлежала Бурсье, признанному главе сорбонских янсенистов. Именно после консультации с Бурсье, его коллегой Петипье [Nicolas Petitpied, 1665—1747], ораторианцем Фуке [P. Fouquet de l'Oratoire]⁴⁸, аббатом Этемаром [abbé d'Etemar] и их единомышленниками Жюбе отправился в Россию (Бурсье, 1753, с. 323, 328, 473; История, 1765, с. 548; Толстой, 1863, с. 164). Одновременно Жюбе получил в Париже какое-то поручение от парижского архиепископа кардинала де Ноайля, который, как мы уже знаем, покровительствовал янсенистам (Бурсье, 1753, с. 328—329); это поручение, по-видимому, имело то или иное отношение к миссии Жюбе в России⁴⁹.

Для дальнейшего изложения важно отметить, что деятельность Жюбе в России отнюдь не сводилась к переговорам о соединении Церквей. Он занимался религиозным просвещением, что выражалось прежде всего в распространении книг, способствующих ознакомлению с основами католического вероучения⁵⁰. Жюбе при этом в большой степени следовал инструкциям Сорбонны, которая придавала вообще первостепенное значение переводу и распространению в России духовной литературы, непосредственно связывая успех задуманного предприятия с миссионерской деятельностью. Так, перед отправлением Жюбе в Россию Бурсье наставлял его в письме от 11 июля 1728 г.: «[...] ничто не может быть более полезным для страны, куда вы направляетесь, чем перевод благочестивых книг, которые бы распространили там просвещение и дух подлинной религиозности. В частности, мне

казалось бы исключительно важным перевести хороший Часовник и Новый Завет. Часовник аббатства Пор-Рояль представлялся бы превосходным [для этой цели]; кажется, что в нем нет ничего такого, что могло бы как-то задеть чувства обитателей этой страны; и если бы они оказались захваченными духом подлинной религиозности, если бы они вышли из темноты, в которой они пребывают, они едва ли замедлили бы сделать все остальное» («[...] rien ne seroit plus efficace pour le bien du pays où vous allez, que de traduire quelques bons livres de piété qui y répandissent la lumière, et le vrai goût de la religion [...]. En particulier il me paroît infiniment important de faire traduire de bonnes Heures, et le Nouveau Testament. Les Heures de Port-Royal seroient excellentes; il me semble qu'il n'y a rien qui pût blesser les personnes de ce pays; et s'ils embrassoient le vrai goût de la Religion, s'ils sortoient de l'ignorance où ils sont, ils ne tarderoient guère à faire le reste» — Бурсье, 1753, с. 473—474). Не вполне понятно, что имеет в виду Бурсье, говоря о необходимости перевода Нового Завета, но мы можем догадываться, что речь идет о переводе на русский (не на церковнославянский!) язык⁵¹; ориентиром в этом отношении мог служить известный труд Кенеля [Pasquier Quesnel, 1634—1719] «Le Nouveau Testament en françois, avec des réflexions morales sur chaque verset» — книга, которая спровоцировала буллу «Unigenitus» (1713 г.), способствовавшую, в свою очередь, консолидации янсенистов как духовного движения. Как мы увидим, перевод и распространение «благочестивых сочинений» становится одним из центральных моментов практической деятельности Жюбе в России; не случайно в условном языке, которым пользуется Жюбе в своей переписке, миссионеры именуются «livres», т. е. книги (Пирлинг, IV, с. 333). Усилия Жюбе были специально направлены на воспитание русской молодежи в католическом духе, и он стремился даже к реформе русской духовной школы (см. ниже, § 3, 4); все это, конечно, части более общей программы религиозного просвещения.

В связи с миссией Жюбе аббат Бурсье вошел в контакт с кн. А. Б. Куракиным, главой русской дипломатической миссии в Париже; это произошло, видимо, летом 1728 г. — не раньше 24 июня 1728 г., когда Сорбонна выдала письмо Жюбе, и не позднее 11 июля, когда Куракин покинул Францию (Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 97). Бурсье и Куракин имели личную встречу, причем Бурсье совещался с Куракиным о соединении Церквей, поставив его в известность о предстоящем отправлении Жюбе в Россию

(Бурсье, 1753, с. 330). Отметим, что Жюбе приезжал в Париж перед своим отъездом в Россию — видимо, летом 1728 г. (Бурсье, 1753, с. 328; История, 1765, с. 548) — и Бурсье, по всей вероятности, рекомендовал его кн. А. Б. Куракину⁵². В письме от 11 июля 1728 г., которое мы отчасти уже цитировали выше, Бурсье извещал Жюбе: «[...] с тех пор, как я вам писал, я имел встречу со знатным вельможей той страны, куда вы направляетесь. Это его светлость князь Куракин, русский посол во Франции. Он соблаговолил распорядиться о том, чтобы вам доставлялись известия о ваших друзьях; и мы были им очарованы. Вы его, возможно, увидите перед получением этого письма [...]» («[...] j'ai vu, depuis les Lettres que je vous ai adressées, un grand Seigneur du pays où vous allez. C'est Son Altesse M. le Prince Courakin, Ambassadeur de Russie en France. Il a bien voulu se charger de vous donner des nouvelles de vos amis; et nous avons été charmés de lui. Vous le verrez peut-être avant la réception de cette Lettre» — Бурсье, 1753, с. 473). Предлагая Жюбе позаботиться в России о переводе «благочестивых книг» («quelques bons livres de piété») — речь идет, как мы уже знаем, о переводе как Нового Завета, так и специфически янсенистских текстов, вышедших из аббатства Пор-Рояль, — Бурсье подчеркивает в этом же письме: «Вы найдете вельможу, о котором я говорю, весьма расположенным к этому делу» («Vous trouverez le Seigneur dont je vous parle, très-disposé à cela» — там же). Бурсье, видимо, посвятил Куракина в свои планы, изложив их достаточно подробно; так или иначе Куракин получил исчерпывающую информацию о действиях Сорбонны⁵³ — при этом существенен как интерес русского дипломата к предпрятию янсенистов, так и степень его информированности. Во время этой встречи Куракин, между прочим, обещал Бурсье несколько книг на церковнославянском языке, а именно Библию и творения святых Григория Назианзина, Афанасия Великого и Иоанна Дамаскина (Бурсье, 1753, с. 330)⁵⁴.

Необходимо иметь в виду, что Библия или Новый Завет на церковнославянском языке были обещаны Сорбонне еще прежним русским послом в Париже князем Василием Лукичем Долгоруким; в свое время (а именно после получения Сорбонной ответа русских иерархов в 1719 г. и до отозвания в Россию в сентябре-октябре 1722 г. — Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 93) Долгорукий имел длительный разговор о соединении Церквей с Бурсье и рядом других докторов Сорбонны; в ходе беседы русский дипломат высказался за созыв конференции между сорбоннскими и

русскими богословами (Бурсье, 1753, с. 313). Из-за неблагоприятного отношения французского двора к этим переговорам Долгорукий тогда не выполнил своего обещания относительно книг (см. там же); таким образом, Куракин фактически выполнял то, что должен был сделать еще Долгорукий. Можно догадываться, что разговор о книгах был важен для Бурсье не столько сам по себе, сколько как предлог, позволяющий вернуться к прежде начатой инициативе⁵⁵. Следует думать, таким образом, что главной темой разговора и с кн. Куракиным было соединение Церквей. В дальнейшем, вернувшись в Россию, куда он прибыл 7 декабря 1728 г. («Санктпетербургские ведомости» № 99 за 10 декабря 1728 г., с. 400; Материалы АН, VI, с. 172), т. е. почти одновременно с Жюбе, Куракин весьма активно содействует миссии Жюбе (см. ниже, § 5). Знаменательно, что по пути в Россию Куракин несколько раз встречался с Жюбе и И. П. Долгорукой, причем встречи эти носили, по-видимому, конспиративный характер⁵⁶. Бурсье, как мы видели, предупреждал Жюбе о возможности такой встречи (см. цитированное выше письмо от 11 июля 1728 г.) — следовательно, ее нельзя считать случайной.

Итак, православные книги поступают в Сорбонну, а католические книги распространяются в России — этот обмен книгами явно преследует экуменические цели.

В этом контексте появляется имя Тредиаковского. Именно ему поручает Куракин передать книги в Сорбонну; и в этом случае книги оказываются своего рода предлогом, который связывает Тредиаковского с затеянным Бурсье предприятием.

После отъезда Куракина из Парижа Тредиаковский по поручению русского посланника и от его имени передает в дар библиотеке Сорбонны обещанные книги. 30 августа 1728 г. доктор и библиотекарь Сорбонны Салмон (François Salmon) и Бурсье написали по письму Куракину, находившемуся уже в Данциге, с выражением благодарности за полученные книги, причем в письме Бурсье упоминается Тредиаковский как лицо, их передавшее (см. автографы писем — ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 199—199 об., л. 5—6 об.; ср. также современные копии: ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 73, л. 66—67); здесь уместно отметить, что Салмон был одним из тех богословов, которые вместе с Бурсье подписали сорбоннскую записку 1717 г.; оба они подписали также письмо Сорбонны к Жюбе от 24 июня 1728 г., уполномочивающее последнего вести переговоры о соединении Церквей (см. выше)⁵⁷. В ответном письме Куракина к Бурсье из Данцига от 5 ноября 1728 г.

мы находим примечательный постскрипtum: «Господин Тредиаковский, в судьбе которого я принимаю участие, должен слепо следовать приказаниям всякого рода, которые вы будете давать ему, — это единственное [для него] средство мне угодить; я прошу вас почтить его этим» («Le Sr. Tretyakowsky, en qui je m'interesse, doit se conformer aveuglement aux ordres que Vous lui donnerez de toute façon; seul moyen de me plaire; je vous supplie de l'en honorer» — ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 73, д. 68; ср. копию: МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1732—1733, д. 54, л. 6; ср. также: Бурсье, 1753, с. 330—331)⁵⁸. Следует отметить, что это письмо Куракина было написано после консультации с Жюбе, с которым Куракин встретился в Данциге (см. упоминание об этом в письмах Жюбе, отправленных из Данцига, — Библ. Труа, № 2213, л. 39, 45; Арх. Пирлинга, л. без номера).

Этот постскрипtum для нас особенно важен. Ясно, что речь идет не только о книгах, но о «поручениях всякого рода», которые Бурсье может возлагать на Тредиаковского. Книги фигурируют скорее как дипломатический прием, позволяющий реализовывать намеченное, не говоря об этом открыто. Тредиаковский оказывается в новой роли агента Сорбонны.

Действительно, «поручения всякого рода» не ограничивались книжными интересами Сорбонны и имели прямое отношение к обращению в католичество кн. И. П. Долгорукой. Надо полагать, что Тредиаковский встречался с Жюбе как в Голландии, так и в Париже; как мы упоминали, Жюбе приезжал в Париж в 1728 г.⁵⁹ Естественно предположить, вместе с тем, что Тредиаковский должен был содействовать миссии Жюбе и по своем возвращении в Россию.

Эта деятельность Тредиаковского отразилась, может быть, в его раннем творчестве. Примечателен, в частности, его разговор с вестником Меркурием, который мы находим в «Стихах эпиталамических на брак его сиятельства князя [...] Куракина», написанных весной 1730 г. в Гамбурге:

Во един день, прошлога в город Гамбург лета
При самом ясном небе от солнечна света
Влетел вестник Меркурии; но весь запыхался
.....

Дышет Меркурии, а я: «Эх, сударь, уж скучиш!
Что хорошева? По что долго меня мучиш?
Веть я равно и тебе, как и Аполлону,
Служу, не болше чести имам твои ону»

(Тредиаковский, III, с. 742—743)

Итак, Тредиаковский, по его собственному признанию, служит Меркурию в той же степени, что и Аполлону: если в последнем случае идет речь о его занятиях поэзией, то в первом случае не имеется ли в виду роль агента-посредника? Другой намек на интересующую нас деятельность Тредиаковского при желании может быть усмотрен в его «Стихах похвальных России» 1728 г., где поэт говорит о России:

В тебе не будет веры двойныя
(Тредиаковский, III, с. 741)

Нельзя ли предположить, что речь идет здесь не о старообрядческом расколе — старообрядчество ассоциировалось вообще не с «двоверием», а с «суеверием» — а о расколе Западной и Восточной Церкви; иначе говоря, не намекает ли здесь Тредиаковский на предстоящее соединение Церквей?⁶⁰

§ 3. Тредиаковский за границей

В дальнейшем, как мы увидим, Тредиаковскому приходилось скрывать компрометирующие его связи с католиками (см. ниже, § 6). В то же время именно эти связи позволяют ответить — с большей или меньшей убедительностью — на те вопросы, которые были поставлены в начале настоящей работы. Действительно, в их контексте проясняются как некоторые моменты в биографии Тредиаковского, так и отсутствие информации о них.

В самом деле, в свете того, что Тредиаковский имел то или иное отношение к переходу кн. И. П. Долгорукой в католичество, правомерно предположить, что его переезд в Париж осенью 1727 г. был связан с намечавшейся миссией Жюбе. Как мы знаем, Жюбе был в Голландии тогда же, когда там был Тредиаковский, и не исключено, что их отношения завязались еще там. Позднее, по всей вероятности, они будут встречаться в Париже (см. выше, § 2).

Все это означало бы, в свою очередь, что граф И. Г. Головкин, русский дипломатический представитель в Голландии, сочувствовал этой миссии, поскольку он выдал рекомендательное письмо к кн. А. Б. Куракину. Подлинник этого письма сохранился в бумагах А. Б. Куракина; оно написано в Гааге 7 ноября 1727 г., и в нем говорится следующее: «Бывшей при мне российской студент Василей Тредьяковский, желая науки свои совершить, отправился

отсюда в Париж. И понеже он человек небогатой и требует протекции, того ради приемлю смелость вашу светлость просить, дабы изволили явить к нему свою милость, за что я в подобных случаях взаимныя мои услуги отдать не премину [...]». (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 94, л. 21—21 об.). Предположению о том, что Третьяковский был отправлен в Париж в связи с миссией Жюбе, ничуть не противоречит то обстоятельство, что в письме И. Г. Головкина, по-видимому, отсутствуют какие-либо намеки на это дело и что он ограничивается только указанием на интерес Третьяковского к наукам: в дипломатической переписке — письмо шло, по-видимому, по почте, а не было отправлено с Третьяковским — сведения о неофициальных сношениях с католическими кругами (которые к тому же не пользовались поддержкой французского двора) были по меньшей мере неуместны.

Позднее, излагая свою биографию, Третьяковский считает нужным подчеркнуть, что в Париж он «прибыл своею охотою, не бывши послан ни от кого, и следовательно с крайним претерпением бедности, и куда дошел [...] пеш из самага Антвэрпена (как то известно Обер-стал-мейстеру, сенатору и обоим Российских ординов кавалеру, Его Сиятельству, Князю Александру Борисовичу Куракину)» (доношение в Сенат от 28 февраля 1744 г. — «Москвитянин», 1851, № 11, с. 228; ср. доношения в канцелярию Академии наук от 2 мая и от 17 мая 1743 г. — «Москвитянин», 1853, № 15, с. 31; Материалы АН, V, с. 837, 680, 935). Создается впечатление, что эта фраза имеет особую модальность: Третьяковский, который имеет причины скрывать некоторые детали своего прошлого, заранее отвергает предположение, что он был кем-то направлен в Париж, заявляя о том, что обстоятельства его заграничных передвижений известны кн. А. Б. Куракину, — он как бы предупреждает возможное обвинение, прикрываясь именем влиятельного вельможи.

В предположении о том, что И. Г. Головкин, так же как и А. Б. Куракин, был в курсе миссии Жюбе, нет, вообще говоря, ничего невероятного. Русские дипломаты в рассматриваемый период — это особая среда (ср. ниже, § 4). Они говорили по-французски до того, как это стало общепринятым в русском дворянском обществе, они были прозападнически настроены, и, как правило, сочувствовали католицизму: достаточно назвать имена В. Л. Долгорукого, А. Б. Куракина, И. Г. и А. Г. Головкиных, С. К. Нарышкина, А. Д. Кантемира, А. А. Вешнякова; о Кантемире и Вешнякове нам придется специально говорить ниже.

Существенно, что в ряде случаев эти лица получили образование в московской школе иезуитов; в частности, это относится к И. Г. Головкину, а также к его брату А. Г. Головкину (Флоровский, 1962, с. 320).

Отметим, что гр. А. Г. Головкин (1689—1760) — младший брат И. Г. Головкина, в 1731 г. ставший русским послом в Голландии, — с мая 1728 г. по 1731 г. был на дипломатической службе во Франции (Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 49, 96—97). Для более позднего времени у нас есть вполне определенные сведения о его тесных связях с Жюбе (см. письмо Жюбе к Кантемиру от 6 мая 1743 г., которое мы цитируем в § 4); не исключено, что эти отношения завязались еще в 1720-е гг. А. Г. Головкин, несомненно, покровительствовал Тредиаковскому; так, сотрудник русского посольства Иван Калужкин в письме от 14/25 июля 1729 г. сообщал кн. А. Б. Куракину, что Тредиаковскому вполне хватает определенной князем пенсии: «ибо он всегда столуется у графа Головкина, который снабдил его платьем [...], при этом на месяц ему остается 400» («quant à la pension que votre altesse lui fait la grace de lui donner, il peut s'en passer facilement, parcequ'il est toujours nourri chez M^r le Comte de Golovkin, qui l'a fait habillé, ainsy il faut qu'il ait pour mois 400 de reste» — ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 226—226 об.)⁶¹.

А. Г. Головкин был одним из просвещеннейших русских вельмож своего времени — его знания научных кругов Европы много способствовали успеху основания петербургской Академии наук⁶²; связи А. Г. Головкина с петербургской Академией наук, возможно, объясняют то, что Тредиаковский был принят в Академию сразу после своего возвращения в Россию (см. ниже, § 6). Вместе с тем А. Г. Головкин интересовался религиозными вопросами⁶³. В дальнейшем он принял реформатское вероисповедание и вследствие этого не вернулся в Россию (см.: Головкин, 1912, с. 45); как видим, его религиозные искания шли в рамках западной религиозной мысли. Не исключено при этом, что именно связи с янсенистами в какой-то мере способствовали переходу А. Г. Головкина в протестантизм: янсенизм, как мы уже упоминали, в ряде отношений сходен с протестантизмом.

Очутившись в Париже, Тредиаковский оказывается прочно связанным с кн. А. Б. Куракиным, выступая как его доверенное лицо. В результате рекомендации И. Г. Головкина А. Б. Куракин принимает Тредиаковского к себе в дом (см. об этом в письме Тредиаковского в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 158). Выехав из Парижа в Россию 11 июля 1728 г.

(Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 97), Куракин распорядился о выплате Тредиаковскому пенсии; см. об этом в только что цитированном письме И. Калущкина к Куракину от 14/25 июля 1729 г. из Парижа⁶⁴. В дальнейшем пенсия выплачивалась Тредиаковскому в Гамбурге; см. счет на имя Куракина за содержание Тредиаковского в Гамбурге с 5 ноября 1729 г. по 9 августа 1730 г., который мы цитировали в § 1 настоящей работы. Комиссионер Куракина Александр Брюгие в письме к своему нанимателю из Гамбурга в Москву от 9 мая 1730 г. сообщал о рвении Тредиаковского к делам, касающимся Куракина: «il a du merite et un grand zèle pour le service de V. A.», указывая при этом, что он (Брюгие) каждый месяц должен был оплачивать расходы Тредиаковского (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 283 об.). Мы не знаем, были ли ограничены обязанности Тредиаковского в Гамбурге одними имущественными задачами; даже если пребывание Тредиаковского в Гамбурге и не связано непосредственно с миссией янсенистов, мы вправе, по-видимому, утверждать, что он оказывается здесь в конечном счете благодаря данному предприятию — постольку, поскольку именно оно свело Тредиаковского с Куракиным⁶⁵.

Более того. Связь Тредиаковского с католиками объясняет, возможно, не только его передвижения за границей, но и само его появление там. Мог ли числившийся беглецом (см. цитированную выше справку Славяно-греко-латинской академии — Чистович, 1859, столб. 158) найти приют и покровительство у высокопоставленных русских дипломатов? Войти своим человеком в дом русской дипломатической миссии было непросто, а беглецу и вовсе невероятно⁶⁶.

Если в доме кн. А. Б. Куракина Тредиаковский, как мы знаем, был принят благодаря рекомендации И. Г. Головкина, то для того, чтобы быть принятым И. Г. Головкиным, очевидно, также нужна была чья-то рекомендация, чье-то посредничество. Внимательное рассмотрение контактов, которые имел за границей Тредиаковский, подводит к предположению, что выполняемые им поручения были частью одного плана, в котором участвовали русские дипломаты и западные священнослужители.

Каким же образом Тредиаковский мог оказаться у И. Г. Головкина в Гааге? В «Книге для записи паспортов, выданных из Коллегии иностранных дел» (во главе ее стоял отец И. Г. и А. Г. Головкиных, граф Гаврила Иванович) за первую половину 1726 г. записи о выдаче паспорта Тредиаковскому нет (МИД АВПР,

ф. Внутренние коллежские дела, 1726, оп. 2/6, д. 3541, л. 2—29); в противном случае мы точно бы знали, по чьему ходатайству получил паспорт Тредиаковский⁶⁷. «Книга для записи паспортов...», однако, содержит две записи, прямо указывающие на отправление ряда людей в Голландию во время, совпадающее с отъездом Тредиаковского за границу. В один день — 27 января 1726 г. — были выданы паспорта графине Дарье Головкиной, «отпущенной из России и обретающимися при ней служители обоего полу [...] в Голандию», и «иеромонаху Иерониму Колпецкому, посланному для отправления божественных служб в Голандию с одним служителем» (там же, л. 5 об.). Графиня Дарья Матвеевна Головкина (урожденная Гагарина, дочь казненного в 1721 г. сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина) — жена И. Г. Головкина (Петров, 1872, с. 422); И. Г. Головкин был определен полномочным министром в Голландию 3 июня 1725 г. и прибыл туда 22 августа того же года (Н. Бантыш-Каменский, I, с. 200), между тем жена его должна была присоединиться к нему несколько позднее. Что же касается Иеронима Колпецкого, то он в 1722—1725 гг. был учителем и проповедником («конционатором») в московской Славяно-греко-латинской академии; несомненно, Иероним и Тредиаковский были знакомы⁶⁸. По просьбе И. Г. Головкина Иероним Колпецкий был определен к русской посольской церкви в Голландии (Харлампович, 1914, с. 657—658; ср.: Н. Бантыш-Каменский, I, с. 201). 20 декабря 1725 г. в Московскую синодальную контору поступает прошение графини Дарьи Головкиной об отпуске Иеронима Колпецкого в Петербург, «для того чтобы там просить Святейший Синод о назначении его в Голландию к домовою церкви ея мужа, тайнаго советника и полномочнаго министра графа Ивана Гавриловича Головкина» (ОДДС, V, столб. 356—357). На основании этого прошения Иероним получает разрешение выехать в Петербург 31 декабря 1725 г. (Николаев, 1987, с. 95; ср.: ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 6, № 206, л. 7—7 об.)⁶⁹.

Итак, Иероним Колпецкий и графиня Дарья Головкина направлялись в Гаагу в русское посольство; невольно напрашивается предположение, что с ними, под видом одного из «служителей», ехал и Тредиаковский, чтобы быть введенным в дом И. Г. Головкина. Было ли при этом Тредиаковскому достаточно одного знакомства с Иеронимом? Вероятно, нет. Предыдущие и последующие обстоятельства жизни Тредиаковского заставляют думать, что к его отъезду в Голландию были причастны католические

миссионеры, в распоряжении которых как на Западе, так и в России были многие скрытые пружины⁷⁰.

Как мы уже упоминали (см. § 1), еще в Астрахани Тредиаковский знал итальянского капуцина Патриция из Милана; Патриций жил в Астрахани с 1710 по 1713 г. и затем с 1716 по конец 1718 г., и Тредиаковский, по всей вероятности, был его учеником (Флоровский, 1962, с. 332, 334; Читаделла, 1944, с. 218—219). После этого Патриций жил в Петербурге, а с декабря 1722 г. в Москве, причем какое-то время он являлся супериором над всеми миссионерами, находящимися в России (МИД АВПР, ф. Духовные дела иностранных вероисповеданий, 1721, д. 1, л. 16 об.). Тредиаковский мог поддерживать отношения с Патрицием в Москве до 1725 г., когда Патриций выехал из России (Читаделла, 1944, с. 218—219)⁷¹. В этой связи заслуживают внимания сообщение Г.-Ф. Миллера о том, что Тредиаковский попал в Голландию — прямо из Астрахани, как неверно считает Миллер, — именно благодаря содействию капуцинов: «Тредиаковский [...] бежал, и, не знаю, каким образом, попал в Голландию. По всем вероятностям, капуцины в Астрахани, у которых он учился, способствовали ему в побеге. Это обстоятельство Тредиаковский тщательно старался скрывать, хотя он не делал никакой тайны из прочих своих пождений» («Er war [...] entflohen und, ich weiss nicht wie, nach den Niederlanden gekommen. Allem ansehen nach müssen ihm die capuziner zu Astrachan, bei denen er in die schule gegangen, zur flucht behülflich gewesen seyn. Diesen umstand pflegte er sorgfältig zu verschweigen, ob er gleich aus seinen übrigen begebenheiten kein geheimniss machte» — Материалы АН, VI, с. 171; Пекарский, II, с. 4—5)⁷². У Патриция были сосредоточены самые различные нити — как внутри Российской империи, так и вне ее. Вполне вероятно, что с какого-то времени в планы Патриция стал входить как переезд Тредиаковского из Астрахани в Москву (или в Киев), так и переезд его в Западную Европу для завершения образования в одном из католических учебных центров.

Чтобы оценить правдоподобность гипотезы такого рода, уместно привести сообщение Бурсье (1753, с. 351) о проекте Жюбе, направленном на преобразование русской духовной школы. Согласно этому сообщению, Жюбе предлагал трехступенчатую систему образования. После окончания курса Московской академии, учащиеся направлялись для продолжения образования в Киевскую академию. Следует иметь в виду, что в Московской академии были сосредоточены представители староцерковной

партии, т. е. противники Феофана Прокоповича и сторонники Стефана Яворского (ср. ниже, § 5), а Киевская академия, где сохранялись традиции Петра Могилы, была под сильным влиянием католического богословия; при этом Жюбе был, видимо, достаточно тесно связан с киевским архиепископом Валаамом Ванатовичем⁷³, который должен был направлять обучение в желательном для янсенистов духе. Овладев достаточными знаниями в Киеве, учащиеся заканчивали свои науки в янсенистском Парижском университете — согласно этому плану, Московская академия, Киевская академия и Парижский университет составляли, таким образом, единый образовательный комплекс⁷⁴. Сама идея завершения духовного образования на Западе была естественна для католического миссионера; вместе с тем практика завершения (или продолжения) образования в католическом учебном заведении после Киевской или Московской академии имела уже определенную традицию — достаточно упомянуть Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Палладия Роговского, Феофилакта Лопатинского, Гедсона Вишневого и т. д.

Как мы знаем, Тредиаковский уехал из Москвы, закончив в Московской академии курс риторики (см. выше, § 1). Риторикой завершалось среднее образование; окончание риторики давало право получения образования высшего — после риторики должна была следовать философия и, наконец, богословие⁷⁵. В Париже Тредиаковский действительно учится философским и богословским наукам (впрочем, также и математическим) — учеба в Париже, очевидно, должна была завершить образование, начатое в Астрахани и продолженное в Москве, и мы можем догадываться, что такой план был санкционирован католическими наставниками Тредиаковского.

Итак, не кажется невероятной мысль, что капуцины содействовали побегу Тредиаковского как в Москву, так и в Западную Европу; в цитированном сообщении Миллера произошла, по-видимому, контаминация этих двух фактов.

Сказанному ничуть не противоречит предположение о том, что отъезд Тредиаковского из Астрахани был связан с отъездом оттуда князя Дмитрия Кантемира, который в начале 1723 г. возвращался из персидского похода (см. выше, § 1). Отправляясь с царем в поход в 1722 г., Д. Кантемир захватил с собой семью; при этом его жена, дочь и младший сын Антиох не проследовали на поле военных действий, а остановились в Астрахани; в Астрахани

остался и воспитатель А. Д. Кантемира — И. Ю. Ильинский. Антиох Кантемир был определен в капуцинскую школу, где он учился с 4 июля 1722 по 14 января 1723 г. Таким образом, Тредиаковский и А. Д. Кантемир вместе учились у капуцинов; именно тогда, по-видимому, они и познакомились (Грасгоф, 1966, с. 26—27)⁷⁶. При этом у них были общие учителя: после отъезда А. Д. Кантемира из Астрахани его воспитание было вверено двум капуцинам — Антонию Марии д'Амелиа Луалду (Грасгоф, 1966, с. 27) и Октавию Марии из Милана (Octavio Maria da Milano — Флоровский, 1962, с. 334); Тредиаковский во всяком случае учился у д'Амелиа (см. выше, § 1)⁷⁷. Оба капуцина покидают Астрахань в начале 1723 г. (Флоровский, 1962, с. 334), т. е. тогда же, когда оттуда уезжает Кантемир со своей семьей. Относительно Октавия Марии документально известно, что он отправляется вместе с Кантемирами (ОДДС, III, столб. 465—466), но это же, скорее всего, верно и в отношении д'Амелиа, который затем в 1724 г. в Москве преподает А. Д. Кантемиру латынь (Байер, 1783, с. 356, примеч.). Если согласиться с тем, что в планы капуцинов входило отправление Тредиаковского в Москву (с тем, чтобы тот продолжил свое образование в Славяно-греко-латинской академии), то вполне вероятно, что они могли воспользоваться для этого отъездом туда кн. Д. Кантемира. Итак, отправляясь в Москву с обозом кн. Д. Кантемира, капуцины, по-видимому, захватили с собой Тредиаковского⁷⁸.

В биографии Тредиаковского, опубликованной вскоре после его смерти, сообщается, что, учась в Славяно-греко-латинской академии, Тредиаковский был не на казенном содержании, а «на собственном иждивении» (Тредиаковский, 1775, л. 1; ср.: Майков, 1897, с. 7). Равным образом в своем доношении в Академию наук от 2 мая 1743 г. Тредиаковский говорит, что он учился в Астрахани, Москве и Париже «своею охотою и на своем бедном иждивении» («Москвитянин», 1853, № 15, с. 31; Материалы АН, V, с. 837); наконец, в доношении в Академию наук от 14 ноября 1737 г. Тредиаковский сообщает, что он учился «во первых в России и потом в чужестранных государствах [...] на своем коште, имея при том крайнюю помощь от высоких моих благодетелей» (Пекарский, II, с. 70; Материалы АН, III, с. 518; то же повторяется в справке Академии наук от 30 ноября 1737 г. — там же, с. 529); упоминая о помощи, полученной от «высоких благодетелей», Тредиаковский имеет в виду, скорее всего, заграничный период своей жизни, т. е. учебу в Париже⁷⁹, — во всяком случае, из этого

сообщения следует, что в период обучения в Славяно-греко-латинской академии Тредиаковский не получал никакого жалованья, т. е. он был своекоштным учеником Академии. Необходимо при этом подчеркнуть, что таких учеников было в Академии немного — абсолютное большинство учащихся здесь было на казенном содержании (Смирнов, 1855, с. 98—99). Но каким образом Тредиаковский, бежавший из дома, оторванный от семьи (ср.: Самаренко, 1962, с. 360—361), мог содержать себя в Москве? На какие средства он жил? Приходится предположить, что Тредиаковский пользовался чьей-то материальной помощью; скорее всего ему помогали капуцины.

Знаменательно, что в Славяно-греко-латинской академии Тредиаковский перевел «Аргениду» Барклая⁸⁰. «Аргенида», как известно, представляет собой католический роман, содержащий полемику против кальвинизма: впоследствии Тредиаковский специально подчеркивает в предисловии к «Аргениде», что в романе есть «рассуждение о гиперфанянах, то есть последователях Кальвину, и о неправом их разумении, и больше о вредных воследствованиях от их разврата» (Тредиаковский, 1751, с. LIII). Вполне вероятно предположение Майкова (1897, с. 13, примеч. 1), что знакомству с «Аргенидой» Тредиаковский был обязан капуцинам, и не исключено, что именно они подвигли его на перевод этой книги.

Выехав с «оказией» в Гаагу в начале 1726 г., Тредиаковский оказался в распоряжении гр. И. Г. Головкина в то время, когда в Голландии ожидалось присоединение к Католической Церкви кн. И. П. Долгорукой и когда готовилась миссия Жюбе. Действительно, кн. И. П. Долгорукая уже в 1726 г. причащалась у католического священника и осенью того же года ведутся переговоры с Жюбе о поездке в Россию, причем инициатива исходит как от Сорбонны, так и от Долгорукой (см. § 2). К этому времени замысел янсенистов уже созрел. Этому должны были предшествовать предварительные обсуждения, и можно полагать, что, когда Тредиаковский появился в Голландии, он оказался вовлеченным в эти события⁸¹. Именно поэтому, видимо, он не направился сразу в Парижский университет и почти на полтора года задержался в Голландии. Отправление Тредиаковского в Париж в ноябре 1727 г. в равной мере отвечало как планам янсенистов, так и намерениям самого Тредиаковского.

§ 4. Русские сотрудники аббата Жюбе — знакомые Тредиаковского

ЕЩЕ один ключ, который позволяет понять характер деятельности Тредиаковского за границей, дает рассмотрение того круга, который оказался вовлеченным в деятельность янсенистов после прибытия Жюбе в Россию. В частности, Жюбе был здесь непосредственно связан с Кантемиром и инспирировал некоторые его литературные занятия: по его поручению Кантемир занимался переводами «благочестивых сочинений» («ouvrages de piété») на русский язык, которые должны были распространяться в России; Жюбе очень высоко оценивал способности Кантемира и возлагал на него вообще большие надежды (Бурсье, 1753, с. 343—344; Грасгоф, 1963, с. 5—6; Грасгоф, 1966, с. 66—67; ср.: Пирлинг, IV, с. 335; Пекарский, 1862, I, с. 43; см. особенно письмо Жюбе к Бархману от 16 апреля 1730 г. — Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210)⁸².

Достоин внимания, что именно в период общения с Жюбе в 1730 г. в Москве Кантемир переводит «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля; не объясняется ли это — в той или иной степени — картезианством Фонтенеля, столь близким к янсенистской традиции аббатства Пор-Рояль?

Когда в сентябре 1729 г. встал вопрос о том, чтобы послать Кантемира с дипломатической миссией за границу, Жюбе предполагал воспользоваться этим назначением для дальнейшего воспитания Кантемира в янсенистско-католическом духе (Грасгоф, 1963, с. 5—6; ср.: Бурсье, 1753, с. 343—344)⁸³. Эта поездка тогда не состоялась в связи с изменившейся политической ситуацией: Кантемир выехал за границу два года спустя — 1 января 1732 г. (Стоюнин, 1867, с. LXXXI).

Вместе с тем Кантемир был как-то связан с кн. И. П. Долгорукой и ее семьей. В 1729—1730 гг. Жюбе одно время, кажется, собирался послать старшего сына И. П. Долгорукой с Кантемиром в Париж, хотя затем и отказался от этой мысли (Грасгоф, 1963, с. 6—7); Жюбе стремился вообще к тому, чтобы его воспитанники, дети И. П. Долгорукой (перешедшие в католичество вместе со своей матерью), получили образование за границей⁸⁴. В царствование Анны Иоанновны этим планам не суждено было осуществиться: в 1732 г. И. П. Долгорукая подверглась опале и оказалась в ссылке, а Жюбе был выдворен из России (см. ниже, § 6). Между тем в феврале 1742 г. (после возвращения Долгоруких

из ссылки при Елизавете Петровне) князя Александр и Владимир Сергеевичи Долгорукие — дети И. П. Долгорукой и воспитанники Жюбе — были отправлены в Париж к Кантемиру, который в это время был русским послом во Франции; там они учились французскому и итальянскому языкам, находясь под надзором Жюбе, причем их родители постоянно переписывались с Жюбе по этому поводу (Пирлинг, IV, с. 370—371; Бурсье, 1753, с. 352—353; Грасгоф, 1963, с. 8; Грасгоф, 1963а, с. 103; Кантемир, II, с. 247—248, примеч.); ср. упоминание об этих князьях Долгоруких в переписке Кантемира и Лестока от июня 1742 г. (Грасгоф, 1966, с. 73; Майков, 1903, с. 174—175), а также в депешах Кантемира от 2/13 мая 1742 г., 28 октября/8 ноября 1742 г., 17/28 февраля 1743 г. (Кантемир, II, с. 247—248, 278, 292). В письме к Кантемиру от 25 июня/6 июля 1743 г. И. П. Долгорукая пишет о своих детях, находящихся под надзором Кантемира, указывая, что они должны во всем согласовываться с Жюбе, к которому она питает бесконечное доверие ([...] *en se conformant en tout aux avis de M^r la Cour, en qui Votre Altesse sait que j'ai toujours en toute la confiance imaginable*) — ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 6, л. 1—1 об.). Наконец, до нас дошло письмо Жюбе к молодым князьям Долгоруким от 29 июля 1743 г., где упоминается, между прочим, как Кантемир, так и графиня Головкина, супруга А. Г. Головкина (Библ. Труа, № 2213, л. 44; Арх. Пирлинга, л. без номера), а также переписка Жюбе с кн. С. П. Долгоруким, касающаяся его детей, — письма Долгорукого к Жюбе от 10/21 января 1744 г. и 8/14 ноября 1744 г. (Библ. Труа, № 2333, л. 13; Арх. Пирлинга, л. 235, 236), письмо Жюбе к Долгорукому без даты (Библ. Труа, № 2229, л. 43; Арх. Пирлинга, л. 237). Таким образом, предприятие, задуманное Жюбе, все же осуществляется, хотя и с большим опозданием. При этом Кантемир фигурирует в планах Жюбе как его непосредственный помощник⁸⁵.

В Париже Кантемир продолжал общение с Жюбе; в частности из только что упомянутого письма И. П. Долгорукой к Кантемиру от 25 июня/6 июля 1743 г. явствует, что переписка Долгорукой и Кантемира велась через Жюбе: «Если Ваша Светлость окажет мне честь, почтив меня ответом, — пишет Долгорукая Кантемиру, — я прошу сделать это через господина Лакура» («*Je supplie Votre Altesse que si Elle me fait l'honneur de me répondre, Elle ait la bonté de le faire par M^r la Cour*» — ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 6, л. 2). В 1746 г. Александру и Владимиру Сергеевичам Долгоруким пришлось давать объяснение в Синод по поводу их связей с Жюбе

(ср. ниже, § 6); по их показанию, они «с [...] Лакуром в Париже свиделись, по приезде туда, в [...] 1742 году», причем «на квартиру к ним для посещения тот Лакур хаживал, понеже и у министра [т. е. Кантемира] его видели» (Пекарский, 1868, с. 28—29). Кантемир и Жюбе состояли в переписке; до нас дошло письмо Жюбе к Кантемиру из Утрехта в Париж от 6 мая 1743 г., посвященное воспитанию молодых Долгоруких (которых Жюбе называет условным именем Mrs Richekowsky); в нем Жюбе сообщает, в частности, что через несколько дней собирается отправиться в Гаагу, «чтобы излить свою душу, поведав их превосходительствам графу и графине Головкиным [т. е. А. Г. Головкину и его супруге] о беспримерных благодеяниях и внимании, которые Ваша Светлость оказывает господам Ришековским», т. е. Долгоруким («répandre mon coeur à leurs Excellences Monsieur et Madame la Comtesse Galofkin sur les bontés et les attentions de Votre Altesse pour Mrs Richekowsky [que] rien n'égale» — МИД АВПР, ф. Парижская миссия, 1743, д. 11, л. 7—7 об.)⁸⁶. Кстати сказать, дети И. П. Долгорукой встречались в Париже в 1740-е гг. с аббатом Этемаром — тем самым, с которым Жюбе консультировался перед поездкой в Россию (см. выше, § 2): в письме к Жюбе от 18/29 июня 1745 г. Долгорукая просит поблагодарить Этемара («abbé d'Etmar») за его доброе отношение к детям (ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 5, л. 21).

Как видим, Кантемир сохранял свои связи с янсенистами до конца своих дней. Между прочим, его парижский друг и биограф аббат Гуаско [Octavian de Guasco, 1712—1781] также придерживался, по-видимому, янсенистских убеждений (ср. Грасгоф, 1963, с. 2, 7—8)⁸⁷.

Именно эти князья Долгорукие, воспитанники Жюбе, во время своего пребывания в Париже перевели сатиры Кантемира с русского на итальянский язык — вероятно, с помощью Гуаско, — причем сам Гуаско или же секретарь Кантемира Генрих Гросс перевел затем эти сатиры с итальянского на французский (Грасгоф, 1963, с. 3, 8; Грасгоф, 1963а, с. 105; Морда Эванс, 1958, с. 194—195; ср.: Александренко, 1896, с. 11—12). После смерти Кантемира 31 марта/11 апреля 1744 г. в майском номере издававшегося в Голландии янсенистского «Всеобщего журнала» («Le Journal universel ou Mémoires pour servir à l'Histoire civile») за 1744 г. была напечатана — вероятно, не без участия Жюбе — некрологическая заметка, посвященная Кантемиру; к ней прилагался прозаический перевод на французский язык отрывка из

первой сатиры, основанный, возможно, на итальянском переводе князей Долгоруких — Долгорукие прямо названы здесь как переводчики данного произведения на итальянский язык (Грасгоф, 1963, с. 3, 8; Грасгоф, 1963а, с. 103—104)⁸⁸.

Для характеристики отношения Кантемира к католицизму и к проблеме соединения Церквей любопытно сообщение аббата Гуаско: «Не принадлежа к Римской Церкви, он [Кантемир] был полностью лишен духа схизмы. Никто более его не был удален от всего того, что отзывалось полемикой. Он охотно вдавался в объяснения относительно мнений Греческой и Латинской Церкви. Он никогда не отвергал здравые доводы, которые ему предлагались [...]. Князь Кантемир признавал, что папа является главой Церкви и преемником св. Петра; он соглашался признать за папой всю ту власть, которую ему приписывает монсеньер Флери в своей церковной истории; однако, когда речь заходила о последствиях этого признания, он добавлял, что злоупотребление этой властью более, чем какая-либо другая причина, всегда служило препятствием для соединения [Церквей]. „Невозможно, — говорил он, — чтобы она ограничивалась только духовной сферой, и во всяком разумно устроенном государстве следует опасаться, что это злоупотребление способно породить большие беспорядки“. Его пристрастия не мешали ему сознавать, что было бы желательным, чтобы действия Петра Великого, направленные на воссоединение обеих Церквей, увенчались успехом» («Tout séparé, qu'il étoit, de la Communion Romaine, il n'avoit nullement l'Esprit schismatique. Personne n'étoit plus éloigné que lui de tout ce qui avoit l'air de dispute. Il entroit volontiers en éclaircissement sur les sentimens de l'Eglise Grecque & de l'Eglise Latine. Il ne se refusoit pas même aux bonnes raisons, qu'on lui donnoit [...]. Le Prince Cantemir avouoit, que le Pape est le Chef de l'Eglise, & Successeur de St. Pierre. Il lui accordoit toute l'autorité, que lui attribue Mr. de Fleuri dans son Histoire Ecclésiastique; mais lorsqu'on le pressoit sur les conséquences de cet aveu, il ajoûtoit, que l'abus de cette autorité plus que toute autre raison seroit toujours un obstacle à la réunion. „Il est impossible, disoit-il, qu'elle ne se borne qu'au spirituel; & on doit craindre cet abus dans tout Etat sagement constitué, comme étant capable d'y causer les plus grands désordres“. Ses préventions ne l'empêchoient cependant pas de convenir, qu'il auroit été à désirer, que les démarches de Pierre le Grand pour la réunion des deux Eglises eussent réussi» — Гуаско, 1749, с. 114—116)⁸⁹. Характерно, что через тридцать лет после встречи Петра с сорбонскими богословами Гуаско вспоминает об этом

событии, причем именно Петру приписывает инициативу действий, направленных на соединение Церквей⁹⁰.

Относительно знакомства Кантемира и Третьяковского мы уже говорили выше (см. § 3).

Другая фигура из русского круга Жюбе — Александр Андреевич Вешняков (+1745 г.), дипломат, учившийся в Голландии; в 1724—1725 гг. Вешняков был консулом в Кадиксе, а с 1730 по 1745 г. находился на дипломатической службе в Константинополе — сначала в качестве второго резидента, помощника и заместителя министра-резидента И. И. Неплюева, а затем, в 1735—1745 гг., в качестве министра-резидента (см. о Вешнякове: Списки дипломатов, II, с. 329; Н. Бантыш-Каменский, I, с. 166; Кочубинский, 1899, с. 28, 98—99, 117—118; Михнева, 1985, с. 73—76; Соловьев, XI, с. 195—196, 386—389; де Лириа, 1869, с. 172, 178; Смирнов, 1962, с. 321; Грасгоф, 1966, с. 68; Майков, 1903, с. 318). Между 1725 и 1730 г. Вешняков был в России⁹¹, хотя сюда, возможно, он вернулся не сразу. Общение Вешнякова и Жюбе в Москве относится к 1729 г.⁹²; не исключено, однако, что они встречались уже в Париже, поскольку Вешняков, возможно, был в Париже в 1728 г., когда туда приезжал Жюбе (см. об этом ниже). Жюбе — знаменательным образом — называл Вешнякова «неофитом» («le Néophyte»): по всей вероятности, Вешняков перешел в католичество (Пирлинг, IV, с. 336; ср.: Гагарин, 1878, с. 18).

Как и Кантемир, Вешняков под руководством Жюбе занимался переводом «благочестивых сочинений» на русский язык. Находясь в Москве, он перевел катехизис Флэри и приступил к переводу «Исповедания веры» Боссюэ (Пирлинг, IV, с. 336; ср. конспективную записку о деятельности Жюбе в России — Арх. Пирлинга, л. 222). Существенно при этом, что катехизис Флэри должен был противостоять, по замыслу янсенистов, учению Феофана Прокоповича (Бурсье, 1753, с. 349)⁹³; с этой целью к книге Флэри прилагалось янсенистское предисловие Жюбе, переведенное, очевидно, тем же Вешняковым. Осенью 1729 г. — непосредственно перед отбытием в Константинополь — Вешняков перевел с французского на русский язык как сорбоннскую записку 1717 г., так и ответы на нее русских иерархов; сохранился автограф этого перевода (МИД АВПР, ф. Духовные дела иностранных вероисповеданий, 1729, оп. 10/1, д. 1, л. 26—49 об.; ср. в этой связи выше, § 2). До нас дошла еще любопытная «Молитва к Богу» — на русском, не на церковнославянском языке, — также написанная рукой Вешнякова (там же, л. 50—51); и эта молитва была, по-видимому, переведена

им с французского. После отъезда в Константинополь Вешняков переписывается с Жюбе (Пирлинг, IV, с. 336; ср. письмо Жюбе к архиепископу Бархману от 16 апреля 1730 г. — Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 211); при этом Жюбе продолжает заказывать ему переводы тех или иных сочинений на религиозные темы (ср. письмо Жюбе к Вешнякову из Утрехта от января 1733 г. — МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1736, д. 42, л. 14—15). Жюбе возлагал вообще на Вешнякова большие надежды, подчеркивая значение его переводческой деятельности: благодаря способностям Вешнякова, писал Жюбе, он в состоянии принести особую пользу Церкви («*Dieu vous a donné une facilité merveilleuse [...] Vous êtes par là en état de faire partout un grand bien pour l'Eglise*» — см. там же, л. 14).

Необходимо отметить, что Вешняков был знаком и с И. П. Долгорукой. Вешняков и И. П. Долгорукая встречались, в частности, уже в 1723 г. в Голландии: в августе 1723 г. в Амстердаме И. П. Долгорукая одолжила ему рукопись «Утешение духовное или книга следования Иисуса Христа» в переводе А. Ф. Хрушова, которая была тогда же переписана для Вешнякова. Хрушов, который учился в Голландии с 1712 по 1720 г. перевел сочинение Фомы Кемпийского о подражание Христу с французского в 1719 г. (Соболевский, 1908, с. 4—5); в том же году, переписав книгу своей рукой набело, он подарил этот беловой экземпляр И. П. Долгорукой, которая в это время уже находилась в Голландии (см. запись на списке, принадлежавшем Вешнякову: ГПБ, Ф.1.856, л. 1—1 об.)⁹⁴. Позднее, находясь в Константинополе, Вешняков следит за судьбой кн. И. П. Долгорукой (см. ниже, § 6).

Равным образом Вешняков был знаком с Кантемиром⁹⁵ и вместе с тем с А. Б. Куракиным (ср. письмо Куракина к Вешнякову от 30 октября 1730 г., которое мы цитируем ниже)⁹⁶. Вешняков и Кантемир познакомились, несомненно, в России, тогда как знакомство с Куракиным завязалось, по всей видимости, еще за границей — всех этих людей так или иначе объединяла их причастность к миссии Жюбе. Характерно в этом смысле, что копия цитированных выше (в § 2) писем Бурсье к Куракину (от 30 августа 1728 г.) и Куракина к Бурсье (от 9 ноября 1728 г.) с упоминаниями Тредиаковского находились в константинопольском архиве Вешнякова (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1736, д. 54, л. 4—6).

Наконец, Вешняков был хорошо знаком с Тредиаковским; знаменательно при этом, что они познакомились во Франции.

В письме к Федору Погонскому из Константинополя в Петербург от 18 марта 1732 г. Вешняков называет себя «старым другом» Тредиаковского, поручая своему корреспонденту завести с ним знакомство: «Зделаи знакомство с г[о]с[по]д[и]ном Третияковским, которой был во Франции у князя Александра Борисовича [Куракина], а ныне, как вижу, в Академии, ему от меня нарочно отдай поклон и скажи, что забыл [...] стараго друга»; при этом Вешняков замечает: «[...] я его знавал во Франции и мне бывал дружен». Здесь же Вешняков спрашивает «о книжках любопытных от Академии наук» и прибавляет: «Я бы охотно желал с ним [Тредиаковским] иметь о сем дружескую корреспонденцию, ежели похочет он сию любовь зделать, за что ему от сердца благодарно служить обещаюся» (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1733, д. 24, л. 41—41 об.). Ф. Погонский явно связался с Тредиаковским, который 6 мая 1732 г. написал Вешнякову подробное письмо, сообщая как о публикациях Академии наук, так и о своих литературных занятиях; Тредиаковский говорит здесь, между прочим, о чувстве утраты, вызванной отсутствием Вешнякова (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1735, д. 39, л. 267—268)⁹⁷. Достоинно внимания при этом, что Тредиаковский пишет к Вешнякову как к равному (что весьма существенно, если иметь в виду дипломатический ранг Вешнякова)⁹⁸.

Итак, Тредиаковский и Вешняков познакомились в Париже в 1727—1729 гг.; можно предположить, что это случилось летом 1728 г., когда в Париж приезжал, по-видимому, Жюбе (см. выше, § 2). Скорее всего, их познакомил кн. А. Б. Куракин. Характерно в этой связи, что после возвращения Тредиаковского в Россию А. Б. Куракин считает нужным известить Вешнякова об этом событии. 30 октября 1730 г. Куракин писал Вешнякову в Константинополь: «Философ [т. е. Тредиаковский] прибыл в Петербург с моим багажом. Он мне сообщает, что перевел на русский язык книгу, которую он печатает там при Академии. Это „Езда в остров Любви“» («Le Philosophe est arrivé avec mon bagage à Petersbourg, il me mande qu'il a traduit un livre en Russien qu'il fait imprimer là dans l'Academie. C'est le voyage à l'Isle d'Amour» — МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1733, д. 37, л. 222 об.).

Отметим, что Вешняков не позднее 1733 г. перевел на французский язык первую сатиру Кантемира и какие-то другие его сочинения⁹⁹; позднее, в 1737 г. он участвовал в издании книги Марсильи «Военное состояние Оттоманския империи», переведенной Тредиаковским (см. письмо Шумахера к Вешнякову от 3

октября 1737 г. — Пекарский, II, с. 66—67, примеч.; ср. Марсильи, 1737)¹⁰⁰.

Как сообщает Бурсье (1753, с. 359), с Жюбе был связан и князь Сергей Дмитриевич Голицын (1696—1738), еще один русский дипломат; в 1723—1726 гг. С. Д. Голицын был русским дипломатическим представителем в Мадриде (достойно внимания при этом, что Голицын и Вешняков одновременно служили в Испании), затем вернулся в Россию, где получил чин камергера и был награжден орденом Александра Невского (он был вообще в милости у Петра II); в 1729 г. он был назначен посланником в Берлин¹⁰¹, где находился с декабря 1729 по октябрь 1730 г., а в 1730-е гг. он был на дипломатической службе в Персии (при этом как в Пруссии, так и в Персии он служил одновременно с И. Калужкиным, бывшим сотрудником А. Б. Куракина) (Н. Бантыш-Каменский, I, с. 166, 167; Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 50, 52; Голицын, 1892, с. 135; де Лириа, 1869, с. 7, 13, 180, 184; Соловьев, IX, с. 449; Соловьев, X, с. 292, 402)¹⁰². С. Д. Голицын был в родстве с И. П. Долгорукой (он приходился ей троюродным братом) и в свойстве с А. Д. Кантемиром (его сестра доводилась Кантемиру невесткой) (Долгоруков, I, с. 288—289). Подобно Кантемиру и Вешнякову, С. Д. Голицын находился с Жюбе в переписке (см., например, письмо С. Д. Голицына к Жюбе 1729 г. — ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 1). Любопытно вместе с тем, что именно к С. Д. Голицыну обращается Тредиаковский 3/13 июля 1730 г. из Гамбурга в Берлин в связи с пересылкой багажа кн. А. Б. Куракина (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 277—278 об.); из письма следует, что отношения между Куракиным и Голицыным были достаточно короткими. Письмо Тредиаковского Голицыну касается чисто деловых проблем, но мы определенно знаем, что все эти люди были так или иначе причастны к предприятию Жюбе.

Дошедшие до нас письма русских дипломатов — А. Д. Кантемира, А. А. Вешнякова, А. Б. Куракина, А. Г. Головкина, С. Д. Голицына, С. К. Нарышкина, А. И. Неплюева, И. А. Щербатова — дают представление об особом и очень тесном круге. Находясь за границей, эти люди активно переписываются друг с другом; их объединяют как дружеские отношения, так и вкус к новинкам европейского просвещения. Будучи ориентированы на западную культуру, они с большим интересом относятся к католицизму — может быть, не столько к его экклесиологической стороне, сколько к культурно-просветительской¹⁰³.

Судьба Тредиаковского во многом определена его общением с этим кругом. Ему становятся близки литературные и эстетические интересы этих людей, в частности интерес к прециозной культуре (см.: Успенский, 1985, с. 146 сл.). Здесь читают его переводы, эпиграммы, другие сочинения. Так, 6 мая 1732 г. Тредиаковский писал Вешнякову из Петербурга в Константинополь: «[...] сочиненные мною пьесы будут Вам непременно посланы. Эти пьесы, некоторые из которых напечатаны, а некоторые еще не напечатаны, состоят из элегий, эпиграмм и других стихов. Среди них есть панегирик, который я сочинил по приказанию Ее Императорского Величества и который ей посвящен; он написан прозой, но в конце представлена ода, восхваляющая Ее Величество, и большое рондо в стихах в честь Ее Светлости герцогини Мекленбургской [Екатерины Иоанновны, сестры императрицы]¹⁰⁴. В настоящее время, сударь, я тружусь над очень большим произведением, которым, я надеюсь, Россия останется довольна, если ей хватит ума¹⁰⁵; кроме того, я перевожу артиллерийские записки Сен-Реми¹⁰⁶. Примите, сударь, сонет, который перед Вами, — первый на нашем языке. Это перевод французского сонета, который начинается словами: «GRAND DIEU! que tes jugemens sont remplis d'équité» и который наделал во Франции столько шуму. Мой русский сонет напечатан в «Примечаниях»¹⁰⁷, но, если он получит одобрение у Вас как у человека, который в этом понимает, я буду считать его удачным» («[...] les Pieces, qui sont faites par moy, vous seront envoyées inmanquablement [...]. Ces Pieces, dont il y a, qui sont imprimées, et il y en a, qui ne le sont pas encore, consistent en Elegies, Epigrammes, et en d'autres choses Poétiques. Il y a un Panegyrique, que j'ai composé par ordre de sa maj^{te} imp^{le} à Elle meme, qui est en Prose, mais à la fin il contient une Ode avec des Eloges à Sa Majesté, et un grand Rondeau pour son altesse serenissime Madame La Duchesse de Meklenbourg en vers. A present, Monsieur, je travaille à un très grand ouvrage, dont, je me flatte, la Russie, si elle est sage, sera contente; outre que je traduis Les Memoires d'Artillerie de St. Remy. Agréez, Monsieur, le SONET, que Vous voyez, et qui est le Premier en notre Langue. Il est traduit de ce sonet François qui commence par: *GRAND DIEU! que tes jugemens sont remplis d'équité* et qui fait tant de bruit en France. Mon Russien est imprimé dans les Remarques; mais si je puis obtenir quelque approbation de vous, comme d'une Personne, qui s'y connoit, alors je le trouverai beau» — МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1735, д. 39, л. 267 об.—268).

Тредиаковского в этом кругу зовут «философом» («le Philosophe») — так его называет, например, А. Б. Куракин в цитированном выше письме к А. А. Вешнякову от 30 октября 1730 г. из Москвы в Константинополь (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1733, д. 37, л. 222 об.) или И. Калушкин в письме к А. Б. Куракину от 14/25 июля 1729 г. из Парижа в Москву (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 226). Строго говоря, Тредиаковский мог именоваться «философом» уже потому, что он в Париже учился философии (см. выше, § 1); есть основания полагать, тем не менее, что наименование Тредиаковского «философом» в кругу Куракина и Вешнякова носило более широкие коннотации. В упомянутом сейчас письме Калушкина к Куракину от 14/25 июля 1729 г. мы находим, между прочим, следующую характеристику Тредиаковского в парижский период жизни: «Что касается философа, то он все тот же, каким ваша светлость его оставила, иными словами, он готов кричать и спорить 24 часа напролет. Этот бедняга, заранее ложно настроенный в пользу вольностей этой страны, ужасно раздулся [...], обнаглел и стал неблагодарным» («A l'égard du Philosophe, il est toujours le même, comme Vôtre Altesse l'avoit laissé, c'est à dire prêt à crier et à disputer pendant 24 heures sans discontinuer. Ce pauvre garçon étant faussement prevenu en faveur de la liberté de ce pais cy, donne dans un travers effroyable jusqu'à être insolent, et ingrat» — там же). Это не слишком лестная характеристика, что вполне естественно — разумеется, на Тредиаковского в этом кругу могли смотреть сверху вниз. Вместе с тем здесь отмечены некоторые интересные для нас черты характера Тредиаковского — его склонность к полемике и то сочувствие, которое вызывают у него «вольности этой страны»; при этом может иметься в виду как свобода поведения французов, так и французское вольномыслие.

§ 5. Аббат Жюбе в России

ОБЪЕДИНЕНИЕ Церквей, которое было целью миссии янсенистов, в позднейшей перспективе может казаться чистой утопией. Однако в царствование Петра II для такого объединения были вполне реальные предпосылки. Действительно, как мы видели, янсенисты пользовались поддержкой в очень влиятельных аристократических кругах — в частности, они предполагали воспользоваться той ролью, которую играли при дворе Долгорукие и Голицыны (см. выше, § 2)¹⁰⁸. Как мы знаем, Бурсье в

какой-то мере рассчитывал на поддержку князя Василия Лукича Долгорукого, и эти ожидания, по-видимому, не оказались напрасными: Долгорукий в Москве проявил определенный интерес к проекту янсенистов (Бурсье, 1753, с. 341—343, ср. с. 313, 470). Отметим еще, что два брата И. П. Долгорукой, князя Голицыны — Николай Петрович Голицын (1708—1734) и Алексей Петрович Голицын (1710—1748), — перешли в католичество (Голицын, 1892, с. 345, 133—134)¹⁰⁹; между прочим, один из братьев Голицыных предоставил в распоряжение Жюбе свой загородный дом, где был составлен какой-то мемуар о соединении Церквей, который должен был служить программой дальнейших действий (Бурсье, 1753, с. 339—340; Пирлинг, IV, с. 350—351)¹¹⁰.

Знаменательно в этом смысле, что Жюбе прибывает в Россию под псевдонимом *de la Cour*, т. е. он именуется «придворным»; под этими инициалами (*De la C.*) он фигурирует в бумагах Сорбонны, копии которых получил кн. А. Б. Куракин (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 73). Имя *de la Cour* употребляется уже в письме Бурсье к принцессе Овернской от 21 ноября 1726 г. (Бурсье, 1753, с. 318); по семейному преданию Долгоругих, Жюбе принял имя Лакур (*de la Cour*), переехав в Голландию (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 7), т. е. в период общения с двумя аристократками — княгиней Долгорукой и принцессой Овернской¹¹¹.

Находясь в России, Жюбе числился при испанском посольстве, пользуясь покровительством посла герцога де Лириа [*de Lihria*], бывшего в хороших отношениях с князем Иваном Алексеевичем Долгоруким, фаворитом Петра II (Бурсье, 1753, с. 336—337; Пирлинг, IV, с. 330; История, 1765, с. 549)¹¹². Положение, которое занимал Жюбе при испанском посольстве, открывало ему широкие и разнообразные возможности для контактов с высшей аристократией¹¹³.

Роль герцога де Лириа в России позволяет предположить вообще, что при дворе Петра II сочувствовали католикам. Для характеристики эпохи показательно, в частности, что де Лириа и великая княжна Наталия Алексеевна (сестра императора Петра II) оказываются восприемниками ребенка некоего придворного (де Лириа, 1869, с. 100; Рибейра, 1733, I, с. 283). В другом случае де Лириа крестил младенца (т. е. был восприемником при крещении) вместе с баронессой Строгановой (Рибейра, 1733, I, с. 283). Таким образом католик и православная становятся кумом и кумой, т. е. оказываются в духовном родстве; по свидетельству Рибейры [*Bernardus Ribera*] — доминиканца, состоявшего при испанском

посольстве в Москве, — подобная практика была распространена, причем крещение могло совершаться по латинскому обряду¹¹⁴.

Как сообщает Бурсье, к Жюбе обратился за советом «один из первых вельмож [русского] двора» («un des premiers Seigneurs de la Cour»), желавший пожертвовать значительную сумму денег на богоугодное дело; этот вельможа — Бурсье именуется князем («Prince»), но не сообщает его имени — получил наследство, причем отец обязал его в завещании распорядиться полученной суммой именно таким образом. Жюбе посоветовал ему употребить эти деньги на просвещение русской молодежи и на распространение благочестивых книг («bons Livres»). При этом имелся в виду проект трехступенчатой системы образования (Москва — Киев — Париж), который предлагал Жюбе и о котором мы говорили выше (см. выше, § 3). Вельможа последовал советам Жюбе и приобрел большое количество книг (псалтырей и творений Св. Отцов, как греческих, так и латинских), которые распространялись среди священников и монахов; он также учредил 12 стипендий в Московской академии, которые должны были способствовать их образованию. Дальнейшие события, однако, помешали привести этот план в исполнение («Un des premiers Seigneurs de la Cour avoit été chargé par son pere à l'article de la mort, d'employer à des oeuvres pies des sommes considérables: il consulta sur cela M. Jubé, qui lui conseilla d'appliquer ces sommes spécialement à l'éducation de la jeunesse, et à la distribution de bons Livres. Suivant le plan que lui dressa M. Jubé, les jeunes gens auroient été placés d'abord au Collège de Moscou, ensuite ils auroient passé à celui de Kioff, sur lequel l'Archevêque qui étoit alors en place, veilloit d'une manière particulière. Quand les jeunes gens auroient été plus avancés, on les auroit envoyés à Paris, étudier dans l'Université. Un plan si utile fut goûté du Prince. Il fit venir beaucoup de Livres, de Pseautiers, d'ouvrages des SS. Peres, Grecs et Latins, qu'il distribua aux Popes et aux Religieux, qui'il croyoit être plus en état d'en profiter. Il fonda douze bourses au Collège de Moscou: mais les révolutions arrivées depuis l'ont empêché d'aller plus loin, et une conduite si sage l'a fait accuser d'être Catholique, sur-tout à cause de ses liaisons connues avec M. Jubé» — Бурсье, 1753, с. 350—351)¹¹⁵.

Этим вельможей, которого Бурсье не называет по имени, был не кто иной, как кн. А. Б. Куракин. Указание на это мы находим в конспективной заметке о деятельности Жюбе в России, составленной янсенистами после его смерти. Здесь говорится, что Жюбе в Москве «пользовался доверием князя Куракина» и убедил его

«основать в Московской академии 12 стипендий», причем делается намек на далеко идущие планы; одновременно сообщается, что по совету Жюбе Куракин выписал книги религиозного содержания (псалтыри и сочинения Св. Отцов), которые распространялись в России: «Il a la confiance du prince Kourakin (chambellan de l'impératrice en 1731) luy fait fonder 12 bourses au college de Moscow (le projet alloit bien plus loin) et faire venir de Kiow et par Kiow, et de Berlin, beaucoup de psautiers, d'ouvrages des S. Pères [...] grecs & latins, qu'il distribua aux Popes et aux religieux qu'il croyoit être plus en état d'en profiter» — Арх. Пирлинга, л. 223; ср.: Пирлинг, IV, с. 334).

Как мы знаем, перевод и распространение духовной литературы занимали важное место в планах Сорбонны. Напомним, что Бурсье в письме к Жюбе от 11 июля 1728 г. предлагал ему позаботиться в России о переводе на русский язык «благочестивых книг» («quelques bons livres de piété»), подчеркивая при этом, что кн. А. Б. Куракин «весьма расположен к этому делу» («très-disposé à cela» — Бурсье, 1753, с. 473—474; ср. выше, § 2). Как видим, это не пустые слова — Куракин деятельно участвует в предприятии Жюбе. Мы знаем, наконец, что переводом «благочестивых сочинений» («ouvrages de piété») занимался под руководством Жюбе еще один русский вельможа — кн. А. Д. Кантемир (Бурсье, 1753, с. 344; ср. выше, § 4). Итак, русские аристократы занимались распространением яansenистской (или отобранной яansenистами) духовной литературы.

Вместе с тем яansenисты определенно могли рассчитывать на поддержку и в церковных кругах. Как мы помним, в ответе на предложение о соединении Церкви, написанном Стефаном Яворским, вопрос о соединении Церквей был непосредственно связан с восстановлением патриаршества в России (см. выше, § 2). Таким образом, интересы яansenистов в этом отношении совпадали с интересами староцерковной партии: яansenисты, подобно последователям Стефана Яворского, считали реформы Петра I антиканоническими (Бурсье, 1753, с. 342; Пирлинг, IV, с. 350). При этом предполагалось воспользоваться шатким положением Феофана Прокоповича при Петре II: Бурсье сообщал Жюбе в письме от 11 июля 1728 г., что Феофаном недовольны и это ставит на повестку дня вопрос о восстановлении патриаршества («[...] qu'on est mécontent de lui; qu'il pourra être bien-tôt exclus, et qu'on pourra faire un Patriarche» — Бурсье, 1753, с. 474).

Жюбе в Москве вел переговоры с такими яркими представителями староцерковной партии, как Феофилакт Лопатинский, Варлаам

Ванатович и Евфимий Колетти (Бурсье, 1753, с. 345—346; История, 1765, с. 551; Пирлинг, IV, с. 352)¹¹⁶, так же как, видимо, и с Сильвестром Холмским¹¹⁷. Жюбе, между прочим, предлагал русским епископам созвать конференцию для рассмотрения вопроса об объединении Церквей, однако такая конференция не состоялась (Бурсье, 1753, с. 355)¹¹⁸.

В царствование Петра II, который переехал в Москву и явно стремился восстановить роль Москвы в противовес Петербургу — в эти годы определенно наблюдается вообще реставрация допетровского быта, — восстановление патриаршества было вполне реальным делом. Во второй сатире Кантемира высмеиваются надежды Георгия Дашкова, мечтающего о патриаршем клобуке (Кантемир, I, с. 32 и 51, 207 и 214; Кантемир, 1956, с. 68 и 77, 369); при этом обсуждаются притязания конкретного лица на патриарший престол, но не сама возможность восстановления патриаршества (о попытках Георгия Дашкова стать патриархом см. еще: Чистович, 1868, с. 229—230, 239). Другими кандидатами на патриарший престол были архиепископ Феофилакт Лопатинский (Чистович, 1868, с. 229—230) и князь Яков Петрович Долгорукий (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 294; Д. Бантыш-Каменский, I, с. 569). После воцарения Анны Иоанновны появляется еще один кандидат в патриархи — архимандрит Варлаам Высоцкий, духовник императрицы, бывший в свое время и духовником Екатерины I (см.: Соловьев, X, с. 242; Чистович, 1868, с. 274; Харлампович, 1914, с. 479)¹¹⁹. По некоторым сведениям, на патриарший престол метил также и митрополит Сильвестр Холмский, с которым, по-видимому, имел общение Жюбе¹²⁰.

Если кандидатуры Феофилакты Лопатинского и Георгия Дашкова были выдвинуты в церковных кругах, то кандидатура Якова Долгорукого, который вообще не был духовным лицом (хотя после смерти жены и вел монашеский образ жизни), объясняется, конечно, родственными связями с семейством Долгоруких¹²¹. Существенно вместе с тем, что Яков Долгорукий был родным братом кн. С. П. Долгорукого, мужа И. П. Долгорукой (см.: Долгоруков, I, с. 92; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 5); уместно отметить, что он учился в Париже у иезуитов и получил воспитание в католическом духе. Знаменительно при этом, что предложение сделать Я. П. Долгорукого патриархом исходит от Жюбе (Бурсье, 1753, с. 342; Пирлинг, IV, с. 350—351).

Итак, Жюбе в Москве имел контакты с представителями староцерковной партии, т. е. с последователями Стефана Яворского и

противниками Феофана Прокоповича. Что касается Феофана, то между ним и Жюбе, казалось бы, не должно было быть ничего общего. Сорбонна не без основания видела в Феофане Прокоповиче противника соединения Церквей. Еще в 1728 г. в Париже А. Б. Куракин, по-видимому, информировал Жюбе об отношении Феофана к идее соединения Церквей и о его склонности к лютеранству (Бурсье, 1753, с. 296). Как мы помним, Сорбонна получила два ответа на свое предложение, причем ответ, на котором стояло имя Феофана, был, по существу, вежливым отказом вступить в диалог (см. выше, § 2). Надо полагать, что представители староцерковной партии, с которыми общался Жюбе, сообщили ему о том, что автором первого ответа был Феофан Прокопович, а автором другого ответа, который давал основания для начала диалога, — Стефан Яворский. Во всяком случае, Жюбе определенно был осведомлен об авторстве Феофана; по его мнению, Феофан высказался в своем ответе за сношения с восточными патриархами только для того, чтобы оттянуть дело (Бурсье, 1753, с. 298). Именно Феофан, как считает Бурсье, передал копию письма Сорбонны протестантскому богослову Буддею, который уже в 1719 г. издал в Йене сочинение, посвященное критике предложения Сорбонны (там же, с. 297—299; ср.: Буддей, 1719; Буддей, 1719а)¹²². В свою очередь Жюбе сообщал в своих донесениях из Москвы, что он подговорил одного монаха написать обличение на катехизис, составленный Феофаном (Бурсье, 1753, с. 348—350; ср. конспективную записку о деятельности Жюбе в России — Арх. Пирлинга, л. 222)¹²³. По словам Жюбе, Феофан был непосредственно заинтересован в том, чтобы соединение Церквей не осуществилось, поскольку в этом случае он неминуемо потерял бы авторитет фактического главы Синода (Бурсье, 1753, с. 298, 348).

Тем не менее, вопреки ожиданиям, мы видим, что в кругу русских сотрудников Жюбе наблюдается определенный интерес к Феофану. Это верно, в частности, в отношении Кантемира, Вешнякова, ТрEDIAKовского. Первая сатира Кантемира (конец 1729 г.), как известно, написана в поддержку Феофана Прокоповича (Пумпянский, 1941, с. 181—182; ср.: Чистович, 1868, с. 607—612). Эта сатира была написана в период тесного общения Кантемира и Жюбе, и замечательно, что янсенисты сочувственно отнеслись к ней: Жюбе считал, по-видимому, что это произведение обличает вообще невежество и нежелание учиться¹²⁴, тогда как по мнению голландских янсенистов, которые опубликовали в 1744 г. перевод отрывка из этой сатиры (см. выше, § 4), оно в равной мере

было направлено против православных и католических ханжей — под последними, очевидно, имелись в виду противники янсенистов, в частности иезуиты и т. п. (Грасгоф, 1963, с. 3—4; Грасгоф, 1963а, с. 103—104; Грасгоф, 1966, с. 67)¹²⁵. Характерно, что Вешняков переводит первую сатиру Кантемира на французский язык (см. выше, § 4)¹²⁶. Отношение Тредиаковского к Феофану Прокоповичу будет рассмотрено ниже (см. § 6).

Интерес к Феофану Прокоповичу в кругу русских сотрудников Жюбе вполне понятен: их привлекала, конечно, роль Феофана как культурного деятеля. Все это были люди западной ориентации, и в контексте этой ориентации для них могли не столь важны быть протестантские черты идеологии Феофана. Представляется вероятным, что те черты Феофана Прокоповича, которые давали повод обвинять его в протестантизме, воспринимались Тредиаковским и его единомышленниками через призму янсенизма (ср.: Успенский, 1985, с. 131). Несомненно во всяком случае, что этих людей интересовала не столько экклезиологическая, сколько просветительская сторона деятельности Феофана; само собой разумеется при этом, что их католических коллег интересовала именно экклезиологическая, но никак не культурно-идеологическая позиция Прокоповича¹²⁷.

§ 6. Тредиаковский в России

В 1730 г. после воцарения Анны Иоанновны положение Жюбе резко ухудшилось и связь с ним стала опасной. В марте 1730 г. Жюбе сообщает своим французским корреспондентам, чтобы они не писали ему больше; в августе 1731 г. Жюбе приказано покинуть Россию; в начале 1732 г. он выезжает из Москвы и в марте 1732 г. прибывает в Варшаву (Пирлинг, IV, с. 359, 365; Бурсье, 1753, с. 358—363). Жюбе сначала направился в Голландию, но в 1740-е гг. жил во Франции (в окрестностях Парижа), где и скончался в 1745 г. ((Пирлинг, IV, с. 365, 370)¹²⁸.

Тредиаковский возвращается в Россию после падения Долгоруких, и нет ничего удивительного в том, что в годы правления Анны Иоанновны он не активизировал своих связей — напротив, он должен был их скрывать (как он скрывал, если верить Миллеру, помощь капуцинов в отъезде за границу — см. выше, § 3). Вместе с тем связи, приобретенные им за границей, оказались ему весьма полезны в России.

По возвращении из-за границы в сентябре 1730 г. Тредиаковский останавливается в Петербурге, чтобы напечатать в типографии Академии наук «Езду в остров Любви», посвященную князю А. Б. Куракину¹²⁹. По правдоподобию предположению Г.-Ф. Миллера (Материалы АН, VI, с. 172, ср. с. 231), эта книга была напечатана на деньги Куракина¹³⁰. Куракин, как мы помним, уже 30 октября 1730 г. извещает Вешнякова о возвращении Тредиаковского в Россию и о том, что «Езда в остров Любви» печатается при Академии наук (см. выше, § 4). Замечательно, что на титульном листе этой книги, вышедшей в декабре 1730 г. (см. об этом: Успенский, 1985, с. 129, примеч. 105, с. 137, примеч. 123) Тредиаковский назван «студентом» — как это подтверждают и другие документы, в 1730 г. он уже числится студентом Академии наук (см. выше, § 1).

Сразу же после выхода «Езды в остров Любви» Тредиаковский отправляется в Москву, чтобы поднести эту книгу своему покровителю. В Москву он прибывает 3 января 1731 г. и останавливается в доме Куракина, который с большим удовлетворением встречает посвященную ему книгу (письмо Тредиаковского к И.-Д. Шумахеру от начала января 1731 г. — Письма XVIII в., с. 44). Уже в это время положение Тредиаковского при Академии наук определено: советник И.-Д. Шумахер, которому принадлежит реальная власть в Академии, явно перед ним заискивает — это видно из их переписки, касающейся «Езды в остров Любви» (Письма XVIII в., с. 44—48; Пекарский, II, с. 26—27). В частности, в письме от 1 февраля 1731 г. Шумахер советует Тредиаковскому побывать у президента Академии наук (Л. Блюментроста), намекая, что он может рассчитывать на благосклонное отношение президента. «Радуюсь превосходному успеху Вашей книги среди умных людей не только по любви к Вам, но и в отношении к нам. Хорошо известно, что как скоро поэзия и музыка начнут смягчать нравы народа, каким бы варварским он ни был, то владетели после того сумеют извлечь отсюда пользу. [...] не захотите ли [...] перевести [...], что Вам заблагорассудится, ибо все, что ни явится от Вас, нас очаровывает и знатоков услаждает. Вы мне не пишете, видели ли Вы нашего президента: он великий знаток, очень вежлив и всегда готов принимать умных людей, так что Вы хорошо сделаете, если побываете у него» («Je me réjouis du bon succès que votre livre a produit parmi les gens d'esprit non seulement pour l'amour de vous, mais aussi par rapport à nous. Sachant bien que quand une fois la poésie et la musique commencent à adoucir les moeurs d'une nation, quelque

barbare qu'elle n'était, les princes trouveront bien leur compte après. [...] aimeriez vous [...] à traduire [...] tout ce qui vous plaira, car tout ce qui vient de vous nous charme et chatouille ceux qui s'y connaissent. Vous ne m'avez pas marqué, si vous avez vu notre président ou non. Il est grand connaisseur et bien poli, toujours prêt à recevoir les gens d'esprit en sorte que vous feriez bien de ne le pas manquer» — Пекарский, II, с. 25—27). Отвечая на это письмо, Тредиаковский пишет Шумахеру 4 марта 1731 г.: «Хотя я постоянно был столь несчастлив, что не мог ни разу иметь случая видеть господина президента у него на дому для уверения его в глубочайшем почтении — тем более, что это является моей обязанностью, — однако я имел честь исполнить свой долг по отношению к нему в доме, даже в покоях ее королевского высочества принцессы Екатерины, которая оказывает мне милости, превосходящие все мои ожидания [...]» («Quoique je fusse, Monsieur, toujours malheureux pour pouvoir attraper une seule fois l'occasion de voir Monsieur le président chez lui, et en même temps de l'assurer de mes très humbles respects d'autant plus, que c'étoit mon devoir; cependant j'ai eu l'honneur de m'en acquitter à son égard à l'hôtel, même dans la chambre de Son Al. Royale M-me la Princesse Catherine, laquelle me fait de telles grâces, qui passèrent mes espérances [...]») — Пекарский, II, с. 27—28).

В письме к А. А. Вешнякову от 6 мая 1732 г. Тредиаковский сообщает, что он является «ассоциатом» (associé), т. е. адъюнктом Академии наук («l'academie des sciences, où je suis en qualité d'Associé» — МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1735, д. 39, л. 267). Соответственно, и Шумахер, отдавая 4 декабря 1732 г. распоряжение о публикации «Панегирика» Тредиаковского (см. изд.: Тредиаковский, 1732), именует Тредиаковского «адъюнктом» (Материалы АН, II, с. 213); так же называет себя и сам Тредиаковский в письме к гр. С. А. Салтыкову от 20 декабря 1732 г. (Забелин, 1858, столб. 555—556). Особенно любопытна записка Тредиаковского от 10 сентября 1733 г., предшествующая контракту с Академией наук, где Тредиаковский формулирует те условия, на которых он согласен занять должность «ассоциата или, как говорят, адъюнкта» («associati, seu, ut vulgò, adjuncti» — Материалы АН, II, с. 380). Записка эта отличается решительным и безапелляционным тоном. Все условия, выдвинутые Тредиаковским, были приняты, и через месяц, 14 октября 1733 г., с Тредиаковским подписывают контракт (Материалы АН, II, с. 393; Пекарский, II, с. 43). Тредиаковский в

конце концов останавливается на титуле секретаря Академии, предпочитая его титулу ассоциата или адъюнкта — инициатива принятия этого титула принадлежала Тредиаковскому, который, по-видимому, уподоблял свою роль в петербургской Академии наук той роли, которую играл Фонтенель в парижской Академии наук (Успенский, 1985, с. 148—149). Как видим, перед Тредиаковским в это время открыты широкие возможности.

Вместе с тем в начале 1730-х гг. Тредиаковский возвращается в придворной среде (ср.: Успенский, 1985, с. 136—139). В письме к Шумахеру от начала января 1731 г., написанном сразу после прибытия в Москву¹³¹, он сообщает своему корреспонденту, что надеется быть представленным императрице и преподнести ей «Езду в остров Любви» (Письма XVIII в., с. 44—45). Из другого письма к Шумахеру (письмо от 4 марта 1731 г., которое мы частично цитировали выше), мы узнаем, что Тредиаковский принят в доме Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской — сестры императрицы и матери будущей регентши Анны Леопольдовны, — которая обещает представить его императрице (Пекарский, II, с. 27—28). Тредиаковский был представлен императрице в январе 1732 г., когда по случаю переезда Анны Иоанновны из Москвы в Петербург он произносит «Речь поздравительную Ея Императорскому Величеству по благополучном Ея прибытии в Санктпетербург» (Тредиаковский, 1732, с. 16—17; ср.: Пекарский, II, с. 30—31)¹³²; после произнесения «Речи...» Тредиаковский по желанию императрицы сочиняет посвященные ей похвальное слово и стихи; все это было прочитано перед императрицей в день ее именин 3 февраля 1732 г. (Тредиаковский, 1732, с. 1—14; Тредиаковский, 1963, с. 125—126; ср.: Пекарский, II, с. 31—32; Материалы АН, II, с. 213; Строчков, 1963, с. 484)¹³³. Равным образом Тредиаковский пишет стихи в честь прибытия в Петербург Екатерины Иоанновны и подносит ей эти стихи («Стихи [...] Екатерине Иоанновне герцогине Меклембург-Шверингской, для благополучнаго Ея прибытия в СанктПетербург сочиненныя и Ея Высочеству поднесенныя» (Тредиаковский, 1732, с. 18—19; Тредиаковский, 1963, с. 127—128)¹³⁴. В декабре 1732 г. по распоряжению императрицы эти произведения Тредиаковского были напечатаны в виде отдельной книги («Панегирик или Слово похвальное...» — Материалы АН, II, с. 213). Наконец, Тредиаковский сочиняет духовные концерты, посвященные императрице и ее сестре (Успенский, 1985, с. 128). И позднее Тредиаковский был принят при дворе: так, по случаю нового 1733

года он сочиняет «песнь», прославляющую императрицу, которая и была исполнена в ее присутствии 1 января 1733 г. («Песнь, сочиненная на голос, и петая пред Ея Императорским Величеством Анною Иоанновною, самодержицею всероссийскою» — Тредиаковский, 1735, с. 74—79; Тредиаковский, 1963, с. 412—414; ср.: Пекарский, II, с. 38; Строчков, 1963, с. 534). Можно сказать, что Тредиаковский претендует на роль придворного поэта¹³⁵. Не случайно его произведения пользуются популярностью при дворе¹³⁶. Следует предположить, что переезд Тредиаковского в Петербург связан с переездом туда двора (подобно тому, как его пребывание в Москве в 1731 г. в конечном счете связано с местонахождением двора в этом городе)¹³⁷.

Вполне закономерно в этой связи, что Тредиаковскому поручается преподавать русский язык принцу Антону-Ульриху, жениху Анны Леопольдовны (Пекарский, II, с. 58); это весьма ответственная и почетная обязанность. Равным образом он обучал русскому языку президента Академии наук Г. Кейзерлинга (Пекарский, I, с. 501; Пекарский, II, с. 43—44) — именно при Кейзерлинге, кстати сказать, Тредиаковский становится секретарем Академии наук.

Итак, недавние связи Тредиаковского обеспечивают ему многообещающее положение при дворе и в Академии наук.

Характерно, что Тредиаковский живет в Москве у Куракина (этот адрес фигурирует в письмах к Шумахеру от начала января и от 27 января 1731 г. — Письма XVIII в., с. 44, 47—48), а затем у С. К. Нарышкина (см. письмо к Шумахеру от 4 марта 1731 г. — Пекарский, II, с. 28—29). С. К. Нарышкин принадлежит к тому кружку русских дипломатов, о котором мы говорили выше (см. § 4); между прочим, он близко знаком с Кантемиром и при этом определенно интересуется католицизмом (Лозинский, 1925).

Можно предположить, что связь Тредиаковского с И. П. Долгорукой содействовала его знакомству с вице-канцлером гр. М. И. Воронцовым, которому он посвящает в 1745 г. свое «Слово о витийстве». Воронцов (вместе с Куракиным) в 1747 г. оказывает Тредиаковскому материальную помощь после случившегося у того пожара (см. об этом в письме Тредиаковского к Делилю от 13 декабря 1747 г. — Письма XVIII в., с. 55, 57; о пожаре — Пекарский, II, с. 121—122); в том же году вице-канцлер является (вместе с Н. И. Паниным) участником лотереи, целью которой было собрать средства для издания «Разговора об орфографии» Тредиаковского (Архив Воронцова, VII, с. 459—460; Шишкин, 1983, с. 236; ср. еще об этой лотерее: Тредиаковский, III, с. [779];

Винокур, 1959, с. 469). Действительно, И. П. Долгорукая и М. И. Воронцов были как-то связаны. В переписке И. П. Долгорукой с Жюбе регулярно упоминается вице-канцлер, т. е. Воронцов (см., например, письмо от 19 февраля/1марта 1745 г. — ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 7, л. 18). Характерно, что старший сын Долгорукой посылает из Парижа стихи прямо вице-канцлеру, который показывает их императрице Елизавете (см. там же, л. 15).

Вместе с тем у Третьяковского находятся покровители и в духовной среде. Правда, его «Езда в остров Любви» вызвала ожесточенные нарекания некоторых духовных лиц, которые нашли эту книгу безнравственной; но знаменательно, что, сообщая об этом в письме к Шумахеру от 18 января 1731 г., Третьяковский подчеркивает, что все это люди «незначительные» («ils sont d'une très petite conséquence»), которые никак не могут ему повредить: «Но оставим этим тартюфам их суеверное бешенство: они не из тех, кто может мне повредить, ведь это подонки, которых в просторечии зовут попами» («Mais passons à ces Tartufes leur folie superstitieuse; ils ne sont pas de ceux qui peuvent me nuire, car c'est la lie que l'on appelle vulgairement les pops» — Письма XVIII в., с. 45—46; Малейн, 1928, с. 431). Слово «подонки» (la lie) означает при этом социальную характеристику, т. е. относится к низшим слоям общества. Совершенно ясно, тем самым, что речь не идет о представителях высшего духовенства; в то же время здесь отмечается, что другие представители духовенства благожелательно относятся к книге, подобно тому, как ею довольны и придворные. Во всяком случае, Третьяковский был более или менее близко знаком с очень влиятельными духовными лицами и, по-видимому, пользовался их расположением. Особого упоминания заслуживают отношения Третьяковского с Феофаном Прокоповичем и с Петром Смеличем.

Мы не знаем, когда именно Третьяковский познакомился с Феофаном Прокоповичем¹³⁸; как бы то ни было, в 1732 г. они уже определенно были знакомы (см. ниже). По свидетельству Г. Н. Теплова, Третьяковский был принят в доме Феофана (записка о Третьяковском 1755 г. — Теплов, 1868, с. 78). Благожелательное отношение Феофана Прокоповича к Третьяковскому в какой-то мере может объясняться близостью последнего к кн. А. Б. Куракину, позиции которого при дворе были очень сильны. Вполне возможно, что Феофан, который пользовался большим авторитетом в петербургской Академии наук, так или иначе способствовал определению Третьяковского в Академию (о влиянии,

которым пользовался Феофан в Академии наук, см., например: Чистович, 1868, с. 617—625)¹³⁹.

Отношения Тредиаковского и Феофана Прокоповича очень отчетливо проявились в 1732 г. при столкновении Тредиаковского с архимандритом Платоном Малиновским (впоследствии — в 1748—1754 гг. — московским архиепископом). С Платоном Тредиаковский был знаком еще до отъезда за границу, поскольку тот с 1724 по 1727 г. был префектом московской Академии (Смирнов, 1855, с. 208). После возвращения из-за границы Тредиаковский встретился с Платоном в Москве в 1731 г. — видимо, сразу же по прибытии в Москву, в январе 1731 г. — у ректора Славяно-греко-латинской академии архимандрита Германа Копцевича (впоследствии — в 1731—1735 гг. — архангелогородского епископа), причем уже тогда Платон обвинил Тредиаковского в неправославии, предположив, что Тредиаковский заразился вольномыслием за границей. Согласно позднему отчету об этой встрече, Платон и Герман «спрашивали [...] Тредиаковского: каковы учении в чужих странах он произошел? И Тредиаковской-де сказывал, что слушал он философию. И по разговорам о объявленной философии во окончании пришло так, что та философия самая отейская, яко бы Бога нет. И слыша-де о такой отейской философии, рассуждал он, Малиновской, и означенной епископ Герман, что и оной Тредиаковской, по слушании той философии, может быть во оном не без повреждения» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 2; ср.: Пекарский, II, с. 30; Чистович, 1868, с. 384; Успенский, 1985, с. 128—130)¹⁴⁰. Речь могла при этом идти как о рационалистической (картезианской) философии, с которой Тредиаковский познакомился в Парижском университете, так и о западном богословии, которому Тредиаковский учился в Сорбонне (ср. выше, § 1). Другая встреча произошла после переезда Тредиаковского в Петербург. На этот раз поводом для столкновения Тредиаковского с Платоном Малиновским явилась некая «псалма», сочиненная Тредиаковским, т. е. песнь духовного содержания¹⁴¹, которую Тредиаковский пропел в присутствии духовных особ; дело происходило в монастырской слободе Александро-Невского монастыря («Невского монастыря в подмонастырской слободе у попа Василия»), причем среди присутствовавших был архимандрит этого монастыря Петр Смелич; на встрече присутствовали все члены Синода. К сожалению, до нас не дошел текст «псалмы» Тредиаковского, спровоцировавшей это столкновение, и мы можем догадываться о ее содержании лишь по

позднейшему документу («Экстракт о бывшем архимандрите Платоне Малиновском» — ЦГАДА, ф. 7, Преображенский приказ, № 515), который при этом сильно поврежден и содержит невосстановимые лакуны¹⁴². Вот что говорится в этом документе: «При пении ТрEDIAКОВСКИМ сочинения своего псалмы, оной Малиновской, для лучшаго вразумления, велел тое псалму оному ТрEDIAКОВСКОМУ (...) говорил, что оная псалма вере нашей противная и еретическая: вот бы он сочинял девичьи песни (...) Когда кому не бес пролития крови отмстится, и многажды повторяя: кровию кровь-де это разве очистит. Не думайте-де (...) чтоб вам, бывши в чужих краях и приехав, Церковь православную порочить своими ересми. Дай Боже, всемилостивейшей государыне императрице здравие и прочим православным: прольется и ваша еретическая кровь! Право-де Бог его даст» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1; Пекарский, II, с. 36—37; ср. Чистович, 1868, с. 385). Платон Малиновский говорил при этом: «Не его [ТрEDIAКОВСКОГО] (...) дело богословские сочинять вещи, для которых (...) многие имеются достойнейшие» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1 об.; Пекарский, II, с. 37). Платона поддержал чудовский архимандрит Евфимий Колетти, который сказал, что в «псалме» ТрEDIAКОВСКОГО «подлинно [...] много противности нашей греческой православной церкви» (там же)¹⁴³. Замечание о том, что лучше бы ТрEDIAКОВСКИЙ «сочинял девичьи песни», явно намекает на «Езду в остров Любви», к которой Платон, видимо, вообще относился критически (см.: Успенский, 1985, с. 130).

Это последнее столкновение было спровоцировано, в сущности, самим ТрEDIAКОВСКИМ — всем его поведением во время этой встречи. В свою очередь, за действиями ТрEDIAКОВСКОГО стоял не кто иной, как Феофан Прокопович — именно Феофан, по всей видимости, и был режиссером всей сцены. Действительно, описанному эпизоду — столкновению насчет «псалмы» ТрEDIAКОВСКОГО — предшествовали события, в которых вполне отчетливо выступает роль Феофана.

Последовательность событий восстанавливается таким образом¹⁴⁴. Собравшись в монастырской слободе («на невском подворье [...] в компании у архимандрита Петра»), члены Синода прослушали духовный концерт великомученице Екатерине; автором этого концерта был, по-видимому, ТрEDIAКОВСКИЙ (см. об этом: Успенский, 1985, с. 128), который был, вообще говоря, духовным композитором (см.: Сохраненкова, 1987), — и это обстоятельство объясняет его присутствие на данном собрании. После того как концерт был исполнен, ТрEDIAКОВСКИЙ по поручению Феофана

Прокоповича публично прочел сатиру, направленную против сторонников Стефана Яворского. Ср.: «И тогда-де пение было певчими концерт великомученицы Екатерины. А после-де пения помянутой Тредиаковской, выняв у себя тетрадь, и подал покойному Феофану, архиепископу новгородцкому. И оной Феофан, архиепископ, велел тое тетрадь оному Тредиаковскому прочесть вслух, и Тредиаковский-де читал. В которой-де писано было стихи, зовомые сатиры, и во оных написана была укоризна на великороссийских богословия учителей, якобы они ничего не знают: (...) как прочтут книгу Камень веры, то-де учение в себе полагают и мудрыми себя ставят, и прочее ко укоризне учителем было писано ж» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1 об. — 2; Пекарский, II, с. 37—38). Речь, конечно, идет о первой сатире Кантемира («На хулящих учение. К уму своему»), в первой редакции которой были выпады как против безграмотного духовенства, так и непосредственно против «Камня веры» Стефана Яворского (Кантемир, I, с. 190—191, ср. с. 199).

Создается впечатление, что члены Синода были созданы специально для прослушивания духовного концерта, посвященного Екатерине Иоанновне; исполнение концерта Тредиаковского в присутствии всего Синода приобретало официальный характер, и подобным же образом могло восприниматься публичное прочтение стихов Кантемира. Несомненно, это произошло по инициативе Феофана Прокоповича; все это выглядит как заранее продуманная акция, где Феофан был режиссером, а Тредиаковский — исполнителем.

Необходимо иметь в виду, что как Платон Малиновский, так и Евфимий Колетти были противниками Феофана Прокоповича и принадлежали к направлению Стефана Яворского и Феофилакта Лопатинского; вскоре им пришлось поплатиться за свои убеждения (Чистович, 1868, с. 299, 332, 371, 375, 379—380, 425, 430—434, 443)¹⁴⁵. Вполне естественно, что Платон обратил свой гнев на Тредиаковского: когда Тредиаковский исполнил вслед за тем свою «псалму», Платон резко на нее отреагировал, подчеркнув при этом свою лояльность по отношению к императрице (это было тем более необходимо, что императрица поддерживала противников староцерковной партии). Давая впоследствии показания по этому делу, Платон Малиновский объяснял, «что он, Малиновской, про означенного Тредиаковского слова такие: не ево-де дело богословские сочинять вещи, для которых-де многие имеются достойнейшие, говорил, озлобясь на того Тредиаковского» —

далее следовало упоминание прочитанных Тредиаковским «сатир» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1 об.; Пекарский, II, с. 37). Вполне вероятно, что Платон считал Тредиаковского автором этой «сатиры» и что ее содержание как-то объединилось в его сознании с содержанием «псалмы» Тредиаковского.

Уже на следующий день Платон Малиновский просил у Тредиаковского прощения (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 2 об.; Пекарский, II, с. 37; Чистович, 1868, с. 385)¹⁴⁶; надо полагать, что это объясняется вмешательством Феофана Прокоповича или, по крайней мере, страхом перед Феофаном (ср.: Успенский, 1985, с. 127).

Описываемые события происходили не позднее августа 1732 г.: 10 августа был арестован Евфимий Колетти, 12 августа — Платон Малиновский (Чистович, 1868, с. 425), а 19 августа была запрещена книга Стефана Яворского (см. указ Анны Иоанновны гр. С. А. Салтыкову от 19 августа 1732 г. о конфискации «Камня веры» — Кудрявцев, 1878, с. 45; «Древняя и новая Россия», 1879, № 1, столб. 77—78)¹⁴⁷. Вместе с тем они не могли происходить ранее 1732 г., поскольку, видимо, в этом году — или в самом конце 1731 г. — Тредиаковский переезжает из Москвы в Петербург¹⁴⁸; равным образом и Феофан Прокопович вместе со всем Синодом до 1732 г. находился в Москве (Чистович, 1868, с. 740, примеч.).

Позиция Тредиаковского, таким образом, очень существенно отличается от позиции Жюбе. Если Жюбе, как мы знаем, вел переговоры с представителями староцерковной партии, в частности с Евфимием Колетти (см. выше, § 5), то Тредиаковский предстает как противник этой партии и сторонник Феофана Прокоповича. Ситуация изменилась: в 1732 г. Жюбе покидает Россию, в этом же году, как мы увидим, императрица высылает из Москвы кн. И. П. Долгорукую, и вместе с тем сторонники Феофана Прокоповича явно одерживают верх над последователями Стефана Яворского. Едва ли, однако, позиция Тредиаковского определяется исключительно прагматическими соображениями. Тредиаковского и Феофана Прокоповича объединяет общая культурная программа. Более того, Тредиаковский явно находится в это время под влиянием Феофана, и это проявляется, в частности, в его языковых установках; здесь необходимо отметить, что языковые вопросы, в частности отношение к церковнославянскому и к русскому языку, играют исключительно важную роль в русском культурном самосознании XVIII — начала XIX в. — то или иное решение этих вопросов, как правило, отражает более общую культурную установку (Успенский, 1985, с. 3—5; ср.:

Лотман и Успенский, 1975). Не случайно уже осенью 1730 г. Тредиаковский цитирует «Духовный регламент» Феофана в предисловии к «Езде в остров Любви»: именно к «Духовному регламенту» восходит известное заявление Тредиаковского о том, что «язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен» (Тредиаковский, III, с. 649; ср.: Успенский, 1985, с. 75, 123—124); при этом еще за десять лет до этого выступления Тредиаковского Феофан заявлял о себе как сторонник «просторечия» и противник «славенского высокого диалекта» («Первое учение отроком...» 1720 г., см.: Феофан Прокопович, 1721, л. 4 об. — 5; ср.: Успенский, 1983, с. 93, 108—109, 119; Успенский, 1985, с. 122—126). Той же осенью 1730 г. Адодуров знакомит Тредиаковского с латинской одой Феофана Прокоповича, посвященной коронации Петра II, которая производит на Тредиаковского очень сильное впечатление (Тредиаковский, 1734, л. В/2 об.; ср.: Успенский, 1975, с. 64—65). Отметим еще в этой связи крайне уважительное упоминание Тредиаковского о Феофане Прокоповиче в «Речи к членам Российского собрания» 1735 г. (Тредиаковский, 1735а, с. 13; ср.: Успенский, 1985, с. 132—133).

Если в глазах Жюбе Феофан Прокопович выглядел прежде всего как противник католицизма, то в глазах Тредиаковского (так же, как и Кантемира) он предстал в первую очередь как культуртрегер, продолжатель петровских культурных реформ. В этой перспективе представители староцерковной партии должны были восприниматься как закоснелые ретрограды — они выглядели примерно так же, как выглядят старообрядцы в глазах православного духовенства. Вообще, если для Жюбе или Бурсье основным было противопоставление католического и не-католического, то для Тредиаковского или Кантемира основным было противопоставление культурного и не-культурного (просвещенного — непросвещенного). В контексте общей ориентации на западную культуру различия между католической и протестантской идеологией представляли как вторичные; тем самым антикатолическая настроенность Феофана Прокоповича, его склонность к протестантизму не мешали Тредиаковскому, как и Кантемиру, видеть в нем единомышленника.

Особенно тесно Тредиаковский был связан с Петром Смеличем — сербом по происхождению, который с 1713 по 1725 г. был архимандритом Симонова монастыря в Москве, с 1725 по 1736 г. — архимандритом Александро-Невского монастыря в Петербурге, а с 1736 по 1742 г. — белгородским епископом и затем архиепископом

(Скворцов, 1878; Харлампович, 1914, с. 543, 588; Лебедев, 1902, с. 55); Александро-Невский монастырь в это время занимал первенствующее место среди русских монастырей (Рункевич, 1913, с. 388—389), и на иерархической лестнице Петр Смелич занимал место выше архимандрита Троице-Сергиева монастыря. При учреждении Синода Петр Смелич был назначен его первым советником (Скворцов, 1878, с. 30); Петр был вообще одной из самых влиятельных фигур в русском духовенстве (Рункевич, 1913, с. 383, 385). В свое время Петр Смелич поддерживал Стефана Яворского: в 1715 г. он выступал против Тверитинова (Тихонравов, II, с. 220, 299). Между тем позднее он ориентируется, по-видимому, на Феофана Прокоповича¹⁴⁹. Существенно, что во время столкновения Тредиаковского с Платоном Малиновским, о котором мы говорили, Петр Смелич выступает на стороне Тредиаковского: он защищает Тредиаковского, утверждая, что сочиненная последним «песнь [...] никаковой ереси в себе не имеет»; в результате он сам оказывается мишенью для обвинений: «и на то-де Колетти [архимандрит Евфимий Колетти, сторонник Платона Малиновского] [...] Петра поносил, что он ничего не знает и не смыслит, а то-де подлинно тут много противности нашей греческой православной церкви» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1,1 об.; ср.: Пекарский, II, с. 37; Чистович, 1868, с. 385). Именно «на невском подворье [...] в компании у архимандрита Петра», т. е. в подворье Александро-Невского монастыря, Тредиаковский публично читает по поручению Феофана Прокоповича первую сатиру Кантемира (см. там же); если согласиться с предположением о том, что это была заранее запланированная акция, то надо полагать, что она была согласована с настоятелем монастыря. При Петре Смеличе и, надо думать, по его приглашению Тредиаковский жил в Александро-Невском монастыре. Г. Н. Теплов в записке о Тредиаковском 1755 года упоминает о «переводе Роллена, который им [Тредиаковским] еще в Невском монастыре прежде профессорства его окончан» (Теплов, 1868, с. 77); первый том «Древней истории» Роллена был переведен Тредиаковским в 1737 г. (Материалы АН, V, с. 976; ср.: Материалы АН, III, с. 629), когда Петр Смелич был уже в Белгороде, но естественно предположить, что Тредиаковский поселился в монастыре еще в то время, когда Петр Смелич был там настоятелем. По-видимому, он жил там уже с 1732 г.: действительно, когда Платон Малиновский решил просить прощения у Тредиаковского,

он отправился к обедне в Александро-Невский монастырь — явно рассчитывая найти там Тредиаковского (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1 об., 2 об.; Пекарский, II, с. 37). После перевода Петра Смелича в Белгород на архиерейскую кафедру (в 1736 г.) Тредиаковский, находясь в стесненных обстоятельствах, уезжает к нему и живет в Белгороде с февраля 1738 по февраль 1739 г. (Пекарский, II, с. 72—76; Материалы АН, III, с. 619—622, 638; Материалы АН, IV, с. 39—40). В 1737—1739 гг. Тредиаковский выполняет ряд поручений Петра Смелича¹⁵⁰.

Есть основания полагать, что Петр Смелич примыкал к той же культурной программе, которая объединяла Тредиаковского и Феофана Прокоповича. Это проявляется опять-таки в языковых установках: подобно Тредиаковскому и Феофану Прокоповичу, Петр Смелич является в принципе сторонником ориентации на разговорное употребление и противником церковнославянской языковой стихии¹⁵¹. Кажется, что это совпадение не случайно¹⁵².

Для более позднего времени мы располагаем сведениями о знакомстве Тредиаковского и с другими представителями высшего духовенства — такими, например, как Феодосий Янковский, бывший в 1743—1745 гг. наместником Троице-Сергиева монастыря, а в 1745—1750 гг. — архиепископом Санкт-Петербургским (Харлампович, 1914, с. 563, 588); из письма Тредиаковского к Шумахеру 1749 г. явствует, что отношения между Тредиаковским и Феодосием были достаточно короткими (Пекарский, II, с. 146—147)¹⁵³. Феодосий Янковский долгое время служил в Белгородской епархии (Харлампович, 1914, с. 543, 617; Лебедев, 1902, с. 36, примеч.), и Тредиаковский, вероятно, познакомился с ним в Белгороде в 1738—1739 гг. — при посредничестве Петра Смелича.

Итак, положение в обществе дает возможность Тредиаковскому заручиться связями в духовной среде. Эти связи в дальнейшем окажутся ему очень полезными. Так, благодаря аттестату, выданному Синодом в 1743 г., Тредиаковский смог получить (в 1745 г.) звание профессора петербургской Академии наук и таким образом стать ее полноправным членом (Пекарский, II, с. 100, 107—108). Особо благоприятную позицию занял Синод в отношении издания «Феоптии» Тредиаковского и его стихотворного переложения Псалтыри в 1750-е гг., определив всю выручку отдать автору «за таковой его немалой труд и рачение» (Шишкин, 1989, с. 481; ср.: Шишкин, 1986, с. 35). Как выдача аттестата, так и субсидирование издания было совершенно беспрецедентным явлением¹⁵⁴. Равным образом в начале 1750-х гг. Тредиаковский

получает от члена Синода епископа Гавриила Кременецкого и обер-секретаря Синода Я. Г. Леванидова крайне положительную оценку сочиненного им «Слова о премудрости, благоразумия и добродетели» (Пекарский, II, с. 167—168). Вышеприведенные свидетельства позволяют говорить об определенной близости Тредиаковского к высшей церковной иерархии. Все это, по-видимому, — косвенные следствия того положения в обществе, которое Тредиаковский приобретает, вернувшись из-за границы, и которое в конечном счете объясняется его причастностью к миссии Жюбе.

Личные связи с кн. И. П. Долгорукой отнюдь не мешают Тредиаковскому заявлять в царствование Анны Иоанновны о своей приверженности самодержавному строю, выступая против власти аристократии. Политическое кредо Тредиаковского декларировано в примечании к переведенной им книге Марсильи «Военное состояние Оттоманския империи». В примечании переводчика (Тредиаковского) мы читаем: «Обыкновенно считается три рода Правлений: Первый называется Монархия, то есть, единоначалие. Сие Правление есть там, где одна токмо Особа самодержавно владеет всеми и всем. Понеже следствия сего Правления всегда благополучны; то несомненно можно заключить [sic!], что сие токмо Правление премудрейший Творец положил над людьми своими, да и все в нем околичности свидетельствуют, что оно токмо согласно с самым естеством: того ради сей род Правления есть лучший и полезнейший всех прочих. Второй называется: Аристократия, то есть, благородных Держава. Сей подвержен многим беспокойствам, смятениям, и весьма разоряющим и печальным следствиям, как то видимо в некоторых народах. Третий называется: Демократия, то есть, народная власть, или держава. Сей, не упоминая бывающих в нем непорядков, всякаго смеха достоин, и подобен мирскому сходу наших крестьян» (Марсильи, 1737, с. 23, примеч.). Надо полагать, что критика аристократического строя намекает на неудавшуюся попытку Долгоруких и Голицыных (членов Верховного Тайного Совета) в 1730 г. ограничить власть Анны Иоанновны согласованными с нею «кондициями». Аналогичные намеки содержатся также в «Слове похвальном [...] Анне Иоанновне», прочитанном перед императрицей в день ее тезоименитства 3 февраля 1732 г. (Тредиаковский, 1732, с. 9—10; ср.: Пекарский, II, с. 32; Строчков, 1963, с. 484), в «Песни...», петой при императрице на новогодних празднествах 1 января 1733 г. (Тредиаковский, 1735, с. 74—79;

Тредиаковский, 1963, с. 412—414; ср.: Строчков, 1963, с. 534—535), и в «Оде приветственной...» на восшествие на престол Анны Иоанновны, написанной в начале 1733 г. (Тредиаковский, 1733, ср.: Пекарский, II, с. 40). Разумеется, критика аристократического правления могла быть продиктована тактическими соображениями (тем более, что кн. А. Б. Куракин, покровитель Тредиаковского, был во вражде с Долгорукими): не исключено, однако, что Тредиаковский действительно так думал. Во всяком случае, именно такую позицию занимал Кантемир (а также Феофан Прокопович, Татищев, Волынский), и мы вправе предположить, что взгляды Кантемира и Тредиаковского в данном случае совпадали.

Итак, в царствование Анны Иоанновны Тредиаковский должен был, по-видимому, скрывать прежние контакты с католиками и прежде всего свою причастность к миссии Жюбе; однако именно благодаря связям, образовавшимся в результате этих контактов, он приобретает положение в обществе.

Значительно хуже, между тем, обстояли дела кн. И. П. Долгорукой. Помимо того, что все Долгорукие при Анне Иоанновне так или иначе подверглись опале, на ней тяготело обвинение в отпадении от православия (что по юридической практике того времени могло повлечь тяжелую кару)¹⁵⁵.

Еще в 1728 г., возвращаясь из Голландии в Россию, кн. И. П. Долгорукая остановилась в Митаве у герцогини Курляндской Анны Иоанновны и — умышленно или неумышленно — рассказала о своем переходе в католичество (Пирлинг, IV, с. 318, 360; ср.: Бурсье, 1753, с. 332, 359), не подозревая о том, что она говорит с будущей императрицей¹⁵⁶. Таким образом, вероисповедание Долгорукой не составляло тайны для Анны Иоанновны. После восшествия Анны Иоанновны на престол И. П. Долгорукой и ее семье было приказано покинуть Москву (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 364; Д. Бантыш-Каменский, I, с. 569)¹⁵⁷.

В 1732 г. в дом И. П. Долгорукой явился начальник тайной канцелярии генерал А. И. Ушаков с тем, чтобы от имени императрицы спросить у нее, почему у нее нет духовного отца, и объявить ей, что она должна исповедоваться и причащаться; с этой целью к ней в тот же день был прислан иеромонах Лука Конашевич, который «объявил, яко она находится в католицком законе» (показания И. П. Долгорукой в Синоде в апреле-мае 1746 г. — Пекарский, 1868, с. 28). Именно после этого, видимо, И. П. Долгорукая и должна была уехать из Москвы. Перед отъездом она виделась с Анной Иоанновной; когда княгиня

подошла к руке императрицы, та дала ей пощечину, прибавив: «Пошла вон, мерзавка» (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 364). Если мы правильно восстанавливаем последовательность событий, этот инцидент имел место в первых числах января 1732 г., поскольку уже в 8 января Анна Иоанновна выехала из Москвы в Петербург («Санктпетербургские ведомости» № 4 за 13 января 1732 г., с. 16)¹⁵⁸. Долгорукая жила после этого в подмосковном имении Никольском¹⁵⁹. Лишь с воцарением Елизаветы Петровны она получила возможность вернуться из ссылки (Д. Бантыш-Каменский, I, с. 570); вскоре после этого (в феврале 1742 г.) она отправила двух своих сыновей (Александра и Владимира) в Париж к Кантемиру и Жюбе (см. выше, § 4).

Вместе с тем и при Елизавете Петровне положение И. П. Долгорукой оставалось достаточно сложным. Ее вместе с детьми (Николаем и Анной) заставили публично отречься от католической веры; церемония отречения состоялась в церкви Летнего дворца в присутствии императрицы в день Успения, 15 августа 1744 г. (Соловьев, XI, с. 406)¹⁶⁰; однако в тексте, который княгиня произнесла по-латыни, фактически содержалось отречение не от католической, а от лютеранской веры (Бурсье, 1753, с. 367; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 374; ср.: Пирлинг, IV, с. 386—387)¹⁶¹. То, что княгиня осталась верной католичеству, стало известно императрице; 27 марта 1746 г. последовал именной указ взять Долгорукую вместе с детьми в Синод для исследования и увещания (Пекарский, 1868, с. 25—26)¹⁶². После розыска устным повелением императрицы приказано было кн. С. П. Долгорукого с сыном Николаем сослать в Саввин-Сторожевский монастырь (муж И. П. Долгорукой был сослан на год, а сын — на несколько месяцев), а за женой его и дочерью Анной строжайше наблюдать, чтобы они исполняли все обряды Православной Церкви (Соловьев, XI, с. 406; Пекарский, 1868, с. 28)¹⁶³. Летом того же года 1746 г. вернулись из Парижа два других сына И. П. Долгорукой — Александр и Владимир; по испытании их в Синоде они оказались в православной вере «не тверды и сумнительны», и их было приказано отправить для утверждения в православии в Александро-Невскую семинарию (Пекарский, 1868, с. 28—29; Чистович, 1868, с. 373, примеч.). И. П. Долгорукая хотела выехать за границу, однако ей было отказано в паспорте; она собиралась бежать через Смоленск и Польшу в Рим, но заболела и 28 ноября 1751 г. скончалась (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 374; Н. Бантыш-Каменский, I, с. 570)¹⁶⁴.

Судьба кн. И. П. Долгорукой, естественно, волновала близких к ней людей — таких, как Кантемир, Вешняков, Тредиаковский¹⁶⁵. Ее судьба отразилась, по-видимому, в творчестве А. Д. Кантемира. В приписываемой Кантемиру сатире «На Зоила» изображается Зоил, который всех осуждает:

Если с печальна сердца страждет, лицо в поте —
«Почто с детьми та ходит в французском бармоте?»
Обняла уж их нужда и бедность без меры —
«Не пора ли им отстать католицкой веры?»
(Кантемир, 1956, с. 190)

Есть все основания усматривать здесь образ опальной княгини (ср.: Берков, 1961), с. 219)¹⁶⁶.

Равным образом и Вешняков, находясь за границей, интересуется судьбой И. П. Долгорукой и получает сведения о ней. Так, Ф. Сеняков 8 сентября 1733 г. сообщал Вешнякову: «А княгиня Ирина Петровна Долгорукова живет в Никольском з детми» (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1739, д. 43, л. 21); ср. также неоднократные упоминания о семействе И. П. Долгорукой в письме Жюбе к Вешнякову от января 1733 г. (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1736, д. 42, л. 14—14 об.).

Тредиаковский, скорее всего, не мог встречаться с кн. И. П. Долгорукой в царствование Анны Иоанновны. Положение, однако, меняется с воцарением Елизаветы Петровны: ряд косвенных данных позволяет догадываться, что в это время они как-то общались¹⁶⁷.

23 февраля 1740 г. Тредиаковский по высочайшему повелению командировается из Петербурга в Москву. Он состоит при маркизе де ла Шетарди [Joachim-Jacques de la Chétardie], французском после, прибывшем в Москву на коронационные торжества; в Москве Тредиаковский находился до конца 1742 г. (Материалы АН, V, с. 49—50, ср. с. 410 и 448—449; Пекарский, II, с. 85—89). Тредиаковский жил здесь в одном доме с духовным лицом из свиты Шетарди, получал от него книги духовного содержания и, видимо, имел с ним достаточно тесный контакт¹⁶⁸. При этом Шетарди специально интересовался судьбой русских католиков или людей, с симпатией относящихся к католицизму. В одной из своих депеш он сообщает: «многие из значительнейших родов в этой стране тайно держатся католичества, особенно со времен Петра I, когда в пребывание его во Франции публично одобрили в Сорбонне его исповедание веры» (депеша от 13

февраля 1742 г. — Пекарский, 1862а, с. 546); особенно его занимает участь кн. И. П. Долгорукой. Уже с осени 1741 г. он хлопочет о том, чтобы ей была назначена пенсия от короля Франции (депеша от 3/14 октября 1741 г. — там же, с. 340—341); с этой целью он вступает в сношение с Долгорукой (депеша от 17 ноября, 11 декабря 1741 г. и 23 января/3 февраля 1742 г. — там же, с. 384, 451, 514). Позднее И. П. Долгорукая в письме к Кантемиру в Париж от 25 июня/6 июля 1743 г. (Шетарди в это время был уже в Париже) говорит о Шетарди как о человеке, с которым она хорошо знакома: «Маркиз Шетарди которой меня знает очень коротко» (ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 6, л. 2 об.); сыновья И. П. Долгорукой пишут матери из Парижа 7 июня 1743 г. о том дружеском внимании, с которым относится к ним Шетарди: «Mr de la Chetardie nous fait toujours beaucoup d'amitiés» (ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 5, л. 3)¹⁶⁹. Известно также, что Долгорукая писала Шетарди в Париж: упоминание об этом содержится в ее письме к Жюбе от 18/29 июня 1745 г. (ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, № 5, л. 3).

Поскольку ТрEDIAKОВСКИЙ состоял при Шетарди, мы можем догадываться, что он выступал посредником между французским дипломатом и Долгорукой. Позднее, после отъезда Шетарди во Францию, ТрEDIAKОВСКИЙ переписывается с ним через посредничество Кантемира, см. письмо ТрEDIAKОВСКОГО от 14/25 марта 1743 г. (Письма XVIII в., с. 49—50) и ответ Кантемира от 21 апреля 1743 г. (Майков, 1903, с. 185).

Вместе с тем есть основания думать, что в 1740-е гг. ТрEDIAKОВСКИЙ продолжает поддерживать отношения с французскими янсенистами.

В письмах Кантемиру от 16/27 мая и 11/22 августа 1743 г. ТрEDIAKОВСКИЙ упоминает о студенте Петре Витынском, который находится в это время в Париже и с которым ТрEDIAKОВСКИЙ переписывается через Кантемира (Кантемир, II, с. 440; Майков, 1903, с. 186; Письма XVIII в., с. 50—51). Петр Витынский — брат профессора и «синдика» (префекта) Харьковского коллегіума Стефана Витынского, с которым ТрEDIAKОВСКИЙ познакомился еще в 1739 г. в Белгороде при посредничестве белгородского архиепископа Петра Смелича¹⁷⁰; Стефану Витынскому принадлежит стихотворный опыт, где автор выступил как подражатель ТрEDIAKОВСКОГО; стихи эти были отредактированы ТрEDIAKОВСКИМ и напечатаны под его наблюдением (Пекарский, II, с. 76; Куник, 1865, с. XX, 84—86; ср.: Материалы АН, IV, с. 204—205)¹⁷¹. В августе-сентябре 1742 г. Петр Витынский числился учеником гимназии при Академии наук

(Материалы АН, V, с. 372), и очень вероятно, что именно Тредиаковский содействовал его поступлению в Академическую гимназию. Петр Витынский был отправлен в Париж своим братом для учения; после смерти брата (последовавшей не ранее 1742 г., и, скорее всего, в 1743 г.)¹⁷² он впал в нужду, но благодаря попечению князей Долгоруких (детей И. П. Долгорукой), которые были в это время в Париже, и помощи аббатов де ла Кур (т. е. Жюбе!) и Расина [abbé Racine] поступил в коллегию де Бовэ, получил там квартиру и имел даровое обучение (Александренко, 1896, с. 7, примеч.)¹⁷³.

После смерти Кантемира в 1744 г. одно время обсуждается вопрос о том, что Петр Витынский будет сопровождать гроб с телом покойного на родину (Кантемир завещал похоронить себя в России); в письме душеприказчиков Кантемира его братьям и сестре упоминается, что «русский студент [несомненно, имеется в виду Витынский] по приказанию ла Кура отбывает на следующей неделе в Голландию» («l'étudiant Russe part la semaine qui vient par ordre de la Cour pour la Hollande» — Архив Воронцова, I, с. 399)¹⁷⁴. Итак, Петр Витынский оказывается связан с Жюбе и его воспитанниками (молодыми Долгорукими); соответственно, сношения Тредиаковского с Витынским могут косвенно свидетельствовать о его продолжающихся связях с янсенистами.

Остается отметить, что какие-то контакты с Сорбонной были у Тредиаковского еще в 1747 г. См. его письмо к Делилю [Joseph-Nicolas Delisle] от 13 декабря 1747 г., из которого видно, что Сорбонна обратилась к нему с какими-то богословскими вопросами. Тредиаковский дает понять, что, хотя он и сам в состоянии ответить на поставленные вопросы, он считает нужным, чтобы это сделал кто-нибудь из русских священнослужителей, которому он их и обещает переадресовать; при этом подчеркивается, что ответ будет послан по официальному каналу — через посредство Коллегии иностранных дел и русского посла в Париже (Г. Гросса) (Письма XVIII в., с. 54—55, 56; ср. ответ Делиля: Шабэн, 1983, с. 270—271). Создается впечатление, что Сорбонна пытается возобновить свои связи с Тредиаковским, однако Тредиаковский предпочитает на сей раз уклониться от прямых контактов¹⁷⁵.

§ 7. Трагедия Ледяного дома. Эпилог

ИТАК, своим успехом при дворе, положением в Академии наук Тредиаковский в значительной мере обязан своим католическим связям. В царствование Анны Иоанновны эти связи приходилось скрывать, однако именно благодаря им он приобрел положение в обществе. И вместе с тем Тредиаковскому, по-видимому, за эти связи пришлось поплатиться: можно предположить, что сношения с католиками оказались главной причиной того, что он против своей воли стал участником бесчеловечного шутовского действия, разыгранного в присутствии императрицы в феврале 1740 г. — свадьбы шута и шутихи Анны Иоанновны в Ледяном доме. Вся эта история, происшедшая в преддверии масленицы, носит отпечаток масленичного розыгрыша и глумления¹⁷⁶.

Именно с розыгрыша началось участие Тредиаковского в этом деле. Вечером 4 февраля 1740 г. к Тредиаковскому на дом приехал кадет Креницын и объявил, что Тредиаковский призывается в Кабинет, т. е. в верховное государственное учреждение Российской империи того времени; это известие, естественно, Тредиаковского до крайности напугало. Повез Креницын Тредиаковского на самом деле не в Кабинет, а на Слоновый двор, где приготовлениями к маскараду занимался кабинет-министр А. П. Волынский («где маскарад обучался»). Когда Тредиаковский начал жаловаться кабинет-министру на сыгравшего с ним столь неприятную шутку кадета, Волынский в ответ принялся бить Тредиаковского и приказал бить его и Креницыну. Затем Тредиаковскому было повелено сочинить для «дурацкой свадьбы» шутовское приветствие на заданную «материю» и прочесть его на самой свадьбе, т. е. по замыслу устроителей Тредиаковский должен был сам играть на этой свадьбе роль шута. После того как Тредиаковский сочинил эти стихи, его забрали в Маскарадную комиссию, где он должен был провести две ночи под стражей; там его снова жестоко избили, обрядили в потешное платье и заставили участвовать в шутовском действе (см. рапорт Тредиаковского в Академию наук от 10 февраля 1740 г. и его прошение на высочайшее имя от апреля того же года — Пекарский, II, с. 77—79; «Москвитянин», 1845, № 2, с. 43—46; Материалы АН, IV, с. 306—309)¹⁷⁷.

Здесь важно отметить, что главным персонажем этого действия, т. е. «дурацкой свадьбы», был князь Михаил Алексеевич Голицын (1697—1775)¹⁷⁸. В 1716 г. кн. М. А. Голицын был отправлен Петром I за границу для обучения (Др. рос. вивл., IV, с. 193); по

семейному преданию, он учился в Сорбонне (Голицын, 1880, с. 124); за границей М. А. Голицын принял католичество (Манштейн, II, с. 73; Голицын, 1892, с. 141, 346). В 1722 г. М. А. Голицын вернулся в Россию (ОДДС, IV, столб. 552). В царствование Анны Иоанновны, в 1732 г. он был вызван ко двору и определен в придворные шуты (Голицын, 1892, с. 141)¹⁷⁹. При этом, по авторитетному свидетельству К. Г. Манштейна, М. А. Голицын был превращен в шута именно в наказание за переход в католичество: «Князь Голицын, — писал Манштейн, — несмотря на свою принадлежность к одному из самых знатных семейств империи, был принужден сделаться шутом. Его наградили этой должностью, чтобы наказать за то, что во время своего путешествия он принял католическое вероисповедание» («Le Prince Galitzin, quoique d'une des premieres maisons de l'Empire, fut forcé de devenir bouffon. On lui donna cet emploi pour le punir d'avoir embrassé la Religion Catholique dans ses voyages» — Манштейн, II, с. 72—73).

Характерно также, что по той же причине, т. е. за отказ от православия и обращение в католичество, шутом был сделан и другой родовитый дворянин — граф Алексей Петрович Апраксин (+ 1735 или 1738). По словам П. В. Долгорукова, «граф Алексей Апраксин был сделан придворным шутом в наказание за то, что он тайно обратился в католичество под влиянием своего тестя Михаила Голицына» («Le comte Alexis Apraxine avait été enrôlé parmi les bouffons de cour pour le punir d'avoir secrètement embrassé le catholicisme sous l'influence de son beau-père Michel Galitsyne» — Долгоруков, 1867—1871, I, с. 383); А. П. Апраксин был женат на дочери М. А. Голицына от первого брака, Елене Михайловне (1712—1747) (Долгоруков, I, с. 293; Голицын, 1892, с. 154). Католиками были и другие шуты Анны Иоанновны — итальянец Педрилло и португалец (или крещеный еврей из Португалии) Лакоста.

Вообще при дворе Анны Иоанновны было шесть постоянных шутов: кн. М. А. Голицын, гр. А. П. Апраксин, Лакоста, Педрилло, кн. Н. Ф. Волконский и И. А. Балакирев (Манштейн, II, с. 70; Забелин, 1869, с. 416; Голицын, 1880, с. 125; Шубинский, 1888, с. 38 сл.); четверо из них были католиками. При этом Лакоста и Балакирев стали придворными шутами еще при Петре I, они, так сказать, достались Анне Иоанновне в наследство. Таким образом, при Анне Иоанновне шутами становятся три представителя русской знати — князь Михаил Алексеевич Голицын, граф Алексей Петрович Апраксин и князь Никита

Федорович Волконский; знаменательно, что двое из этих троих были сделаны шутами именно из-за обращения в католическую веру¹⁸⁰.

Анна Иоанновна учредила специальный шутовской орден «Сан-Бенедетто», т. е. св. Бенедикта, которым наградила Педрилло и Лакоста, чтобы отличить их перед другими шутами: «Pour distinguer Pedrillo et la Costa des autres bouffons, Sa Majesté fit en leur faveur un Ordre qu'elle nomma l'ordre de S. Benedetto, dont elle revêtit ces deux Messieurs; c'étoit la croix de S. Alexandre en petit qu'ils portoient à un ruban rouge à la boutonniere» — Манштейн, II, с. 72). Хотя св. Бенедикт (Венедикт) почитается, вообще говоря, как Католической, так и Православной Церковью, он воспринимается в данной ситуации как западный католический святой; во всяком случае итальянская форма имени явно предполагает католические коннотации¹⁸¹.

Кн. М. А. Голицын при дворе Анны Иоанновны должен был сидеть в лукошке на яйцах и кудахтать курицей в то время, когда императрица молилась в дворцовой церкви (Державин, I, с. 100, примеч. 32; Дашкова, 1906, с. 68—69, примеч.; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 383; Голицын, 1880, с. 125). Позднее (в 1765 г.) об этом как-то зашла речь за столом великого князя Павла Петровича: говорили «о Бироне [...] и прочие анекдоты [...] царства Анны Иоанновны [...]». Шуты на яйцах сидели, куры Богу молились в образной» (Порошин, 1881, столб. 342). Н. Н. Голицын, историк рода Голицыных, видит в последних словах намек на М. А. Голицына: «Не намек ли тут, что князя Михаила Алексеевича, исправлявшего роль курицы, как прежнего католика, учили молиться в образной?» (Голицын, 1880, с. 125, примеч. 9). Можно предположить вместе с тем, что здесь обыгрывались языческие по своему происхождению представления о так называемом «курином боге» — так именовался амулет в виде камня с естественной дырой (изображающий женское плодоносящее начало), который вешали в курятнике и который понимался как средство, оберегающее кур и вместе с тем как идол, помещенный сюда для того, чтобы «куры молились» (Смирнов, 1927, с. 61; Завойко, 1914, с. 126; см. вообще о «курином боге»: Успенский, 1982, с. 150 сл.). Итак, католик кн. М. А. Голицын должен был молиться языческому идолу — католицизм пародийно обличается в данном случае как язычество...

Необходимо при этом иметь в виду, что яйца устойчиво связываются с плодородием и оплодотворением; тем самым символика яиц имеет определенный эротический смысл (ср. обнажение

этого смысла в народных обрядах: Успенский, 1982, с. 74, примеч. 81, с. 105, примеч. 145); равным образом и «куриный бог» определенным образом связан с сексуальной символикой (там же, с. 150 сл.). Этот смысл может так или иначе обыгрываться и в шутовском сидении на яйцах (при этом не исключена ассоциация с эротической новеллой «Муж на яйцах», см.: Афанасьев, 1872, с. 41—43)¹⁸². Тем самым забавы Анны Иоанновны заставляют вспомнить о церемониях петровского «Всешутейшего собора», когда при избрании князь-папы избираемых кандидатов сажали в кресла с прорезью, после чего их свидетельствовали «крепким осязанием», восклицая: *габет, габет, габет*, т. е. «*habet, habet, habet*» (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, № 240, д. 14, л. 5, 6 об.; ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, № 67, л. 32; ср.: Семевский, 1885, с. 303). Одновременно в чине избрания князь-папы обыгрывалась эротическая символика яиц как таковых (т. е. яйца в смысле «*ovum*», а не в смысле «*testiculus*»): так, например, вместо шаров для баллотировки служили яйца, которые при этом именуется *муде*, и т. п.¹⁸³. Шутовские обычаи при дворе Анны Иоанновны преемственно связаны вообще с потешными церемониями Петра I и, в частности, с церемониями «Всешутейшего собора»¹⁸⁴. Соответственно, петровская традиция в принципе позволяет понять скрытое значение аннинских увеселений. «Всешутейший собор», во главе которого находился князь-папа и члены которого изображали кардиналов, имел отчетливо выраженную антикатолическую направленность; эта направленность особенно отчетливо проявляется в только что упоминавшемся чине избрания князь-папы, где очевидным образом обыгрывается легенда о папессе Иоанне (ср.: Семевский, 1885, с. 303—304, примеч.)¹⁸⁵. Не исключено, таким образом, что и сидение на яйцах М. А. Голицына имело тот же антикатолический подтекст.

«Дурацкая свадьба» кн. М. А. Голицына также была связана, по видимому, с его обращением в католичество. Дело в том, что это обращение имело, так сказать, матримониальный аспект. Находясь за границей, М. А. Голицын вступил в брак с некоей баронессой-иноземкой, по всей вероятности также католичкой, — ее звали Мария-Франциска, фамилия ее неизвестна; при этом он уже был женат, и жена его была в это время еще жива (ОДДС, IV, столб. 552)¹⁸⁶. М. А. Голицын считал, возможно, что переход в католичество освобождает его от обязательств перед первой женой, т. е. делает его первый брак недействительным. Между тем в России, напротив, был признан недействительным его второй брак¹⁸⁷; в 1722 г. М. А. Голицын и его новая жена были насильно

разлучены¹⁸⁸, а в ноябре 1723 г. по этому делу в Синоде было начато следствие, которое кончилось тем, что на Голицына была наложена пятнадцатилетняя епитимья (там же, столб. 552—553)¹⁸⁹. Тем не менее у нас есть вполне достоверные сведения о том, что жена М. А. Голицына, которую он вывез из-за границы, — католичка по вероисповеданию, а по происхождению итальянка — жила после этого в Москве, в Немецкой слободе (см. письма Анны Иоанновны к С. А. Салтыкову по этому поводу от 16 января 1735 г. и от 2 сентября 1736 г. — Кудрявцев, 1878, с. 151—152, 177; Дубровский, 1865, с. 64—66; ср.: Долгоруков, 1867—1871, I, с. 382; Шубинский, 1888, с. 50—51); либо это все та же баронесса, либо какая-то другая женщина — существенно, во всяком случае, что речь идет о католичке¹⁹⁰. В 1736 г. по распоряжению Анны Иоанновны эта жена Голицына была арестована, тайно доставлена в Петербург и отдана в Тайную канцелярию, где следы ее теряются¹⁹¹.

Мы не знаем, вообще говоря, в какой мере обращение М. А. Голицына в католичество было обусловлено его желанием жениться на католичке: во всяком случае, дело могло выглядеть именно таким образом. Разлучая М. А. Голицына с женой-католичкой, Анна Иоанновна распорядилась женить его на своей приживалке, калмычке Евдокии Ивановне Бужениновой (1710—1742); тем самым высмеивалось желание Голицына жениться — императрица как бы шла навстречу этому желанию, в действительности же этот неравный и издевательский брак превращался в новое средство унижения несчастного князя-шута, заставляя вспомнить о его измене православию и представляя эту измену как результат его матримониальных устремлений.

В церемониале описания свадьбы в Ледяном доме («Описание дурацкой свадьбы» — ГПБ, Ф.XVII.12, л. 350—354; ср.: Калайдович и Строев, 1825, с. 642) невеста именуется «блядью», и это как бы ее титул («невеста блядь Буженинова» — см.: «Описание...», л. 350) — таким образом, князь Голицын женился на *бляди* Бужениновой¹⁹². Одновременно М. А. Голицын называется здесь «Кваснин» и выступает в роли сына самоедского хана («дурак самоедской ханской сын Кваснин», см.: «Описание...», л. 352)¹⁹³, а его невеста Буженинова — в роли дочери мордовской ханши; соответственно, все действие носит название «Дурацкой свадьбы под образом самоедского хана сына ево имянуемого Кваснина, которой женитца у ханши мордовской на дочери ея на дурке и блятке имянуемой Бужениновой» («Описание...», л. 350; ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 1235, л. 1 об.; ср.: Калайдович и Строев,

1825, с. 642; «Москвитянин», 1842, № 3, с. 117; Тредиаковский, I, с. 754)¹⁹⁴. Прозвище «Кваснин» или «Квасник» было вообще принятым наименованием М. А. Голицына при дворе (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 383; Шубинский, 1888, с. 46; Голицын, 1892, с. 357); сочетание *Кваснина* и *Бужениновой* явно обыгрывает гастрономическую семантику того и другого наименования — если прозвище «Квасник» соответствует обязанности Голицына подавать императрице квас (см. там же)¹⁹⁵, то буженина была любимым кушаньем Анны Иоанновны (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 382; Шубинский, 1888, с. 46)¹⁹⁶. При этом свадебная процессия состояла, в частности, из ряженных колдунов с колтунами в бороде¹⁹⁷ или языческих жрецов, которые вели жертвенных быков и баранов и несли «вид со[л]нца, которого идолопоклонники за бога почитают» («Описание...», л. 350—350 об., 352 об. — 353); участники процессии были одеты в вывернутые наизнанку шубы, в медвежьи шкуры и т. п.¹⁹⁸ Вообще здесь явно обозначены элементы масляничного карнавала и народных обычаев языческого происхождения, ср., например: «[...] а на середине плясунов пойдет коза по старому обыкновению в козловой одежде з золотыми рогами и колоколчиками» (там же, л. 351); колдуны присутствуют «для охранения поезду по обыкновению идолопоклонническому», как это принято в традиционной народной свадьбе (там же, л. 350); и т. д. и т. п.¹⁹⁹ Шутовская свадьба предстает, таким образом, как обличение неправоверия — и в этом случае католицизм обличается, по-видимому, как языческая религия.

Для жениха и невесты на Неве был сооружен дворец из льда (что соответствовало шутовской роли кн. Голицына как сына самоедского хана) с ледяной брачной постелью и, между прочим, с ледяной баней, в которой можно было париться (Крафт, 1741, с. 20; Нащокин, 1842, с. 65)²⁰⁰; как известно, банные ритуалы составляют необходимый компонент народной свадьбы; одновременно карнавальное изображение бани входило в масляничное, святочное и т. п. действо (Городцов, 1915, с. 19—20, 27; Преображенский, I, с. 510; Добровольский, 1900, с. 47—48; Добровольский, 1900а, с. 282—283)²⁰¹. В этом Ледяном доме молодые должны были провести свою брачную ночь²⁰². К Ледяному дому был приставлен караул, который, как сообщает К. Г. Манштейн, должен был не выпускать молодых ранее утра (Манштейн, II, с. 75; ср.: Шубинский, 1888, с. 49); в то же время это отвечало старинному свадебному обычаю, когда вооруженная стража охраняла покой новобрачных (ср., например: Сумцов, 1881, с. 21)²⁰³.

В этом чудовищном карнавале и должен был, по распоряжению А. П. Волынского, участвовать ТрEDIAKовский. Избитый, в маскарадном платье и в маске, ТрEDIAKовский был приведен под караулом в потешную залу²⁰⁴ и читал сочиненные им для этого случая по приказанию того же Волынского похабные вирши — шутовское приветствие новобрачным («Здравствуйте женившись, дурак и дура...») — ТрEDIAKовский, 1935, с. 171; Голицын, 1880, с. 129; ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 1235, л. 1; ГПБ, F.XVII.12, л. 354)²⁰⁵. Знаменательно, что в церемониале «Описания дурацкой свадьбы» эти вирши ТрEDIAKовского именуются «казаньем» или же «срамным казанием» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 1235, л. 1—1 об.; ГПБ, F XVII 12, л. 354; Калайдович и Строев, 1825, с. 642). Слово *казанье* восходит к польскому *kazanie* и означает «проповедь» — будучи полонизмом, оно может иметь католические коннотации²⁰⁶.

Итак, ТрEDIAKовского превращают в шута и заставляют участвовать в шутовском действе, в какой-то мере задуманном, по-видимому, как глумление над католиками и католическим вероисповеданием²⁰⁷.

При этом следует иметь в виду, что главному режиссеру этого действия, кабинет-министру и обер-егермейстеру А. П. Волынскому, были хорошо известны связи ТрEDIAKовского с католиками. Волынский был губернатором в Астрахани в 1719—1724 гг., т. е. именно в то время, когда ТрEDIAKовский учился в школе капуцинов²⁰⁸; скорее всего, ему была известна и та роль, которую сыграли капуцины в побеге ТрEDIAKовского из Астрахани (см. выше, § 3). Более того: Волынский мог располагать информацией и о дальнейших сношениях ТрEDIAKовского с католиками. В самом деле, ближайшим помощником и конфиденнтом Волынского с конца 1730-х гг. был А. Ф. Хрущов, который, как мы знаем, был достаточно хорошо знаком с кн. И. П. Долгорукой (по крайней мере с 1719 г. — см. выше, § 4). Если предположить, что Хрущов был осведомлен о причастности ТрEDIAKовского к предприятию Жюбе, то об этом, скорее всего, должен был знать и Волынский. Немаловажную роль при этом могло играть и то обстоятельство, что казанский митрополит Сильвестр Холмский, также связанный, по-видимому с Жюбе (см. выше, § 5), был врагом Волынского: когда Волынский был казанским губернатором, Сильвестр обвинил его в злоупотреблениях и добился отстранения его от должности (Соловьев, X, с. 247—251; Чистович, 1868, с. 343; Знаменский, 1878, с. 112—129). Если Волынский знал о связях

Жюбе как с Тредиаковским, так и с Сильвестром Холмским, его нерасположение к Тредиаковскому становится вполне объяснимым²⁰⁹.

Таким образом, участие Тредиаковского в «дурацкой свадьбе» М. А. Голицына было, можно думать, отнюдь не случайным.

Участие Тредиаковского в «дурацкой свадьбе» — фактически на положении шута — было одним из самых трагических эпизодов в его жизни: едва ли ему когда-либо приходилось переживать большее унижение. Правда, после опалы Волынского он был признан невинно пострадавшим и вознагражден «за бесчестье и увечье» (см.: Пекарский, II, с. 80—81; Материалы АН, IV, с. 308—309; Письма XVIII в., с. 48—49, 63). Тем не менее история эта не забывалась: позднее, когда Тредиаковский оказался фактически на положении изгоя и когда он стал восприниматься как гротескный, комический персонаж²¹⁰, в такого рода восприятие естественно вписывается представление о шутовском амплуа шута. Соответственно, шутовская роль Тредиаковского на «дурацкой свадьбе» может обыгрываться его литературными противниками²¹¹.

Итак, и взлеты, и падения Тредиаковского — его успехи и неудачи — в большой степени объясняются, по-видимому, его связями с католиками, т. е. связями, приобретенными им в годы учения и скитаний²¹². Но что, собственно, означали эти связи для самого Тредиаковского? каково было его отношение к католичеству? Можно ли считать, что Тредиаковский стал — или какое-то время был — католиком?

Тредиаковский до конца жизни интересовался проблемой отношения между православием и католичеством. На склоне лет он переводит брошюру Вольтера «*Essai historique et critique sur les dissensions des églises de Pologne*», в которой говорится о гонениях на православных в Польше со стороны католиков и подчеркивается преимущество православия перед католичеством; этот перевод был издан всего за год до смерти Тредиаковского (Пекарский, II, с. 227—229; Св. кат. XVIII в., № 1127). Должны ли мы думать, что его отношение к католичеству изменилось?

Едва ли. Можно предположить, напротив, что Тредиаковский был более или менее последователен в своем поведении.

Полагаем, что Третьяковский (так же, как и Кантемир) никогда и ни в каком смысле не принадлежал к Католической Церкви. Его интересовало другое: просвещение своего отечества, которое он, как сын своего времени, связывал с западноевропейским культурным влиянием. Кажется, он был вообще человеком одной идеи: свою культурную миссию, свое предназначение он видел в том, чтобы образовать свое отечество, познакомить свою страну с достижениями западноевропейской цивилизации. К этой миссии он относился почти религиозно — самоотверженно и с полной отдачей. Все остальное интересовало его постольку, поскольку способствовало выполнению этой задачи.

Связь с католиками, как мы видели, помогла Третьяковскому получить образование, обрести положение в обществе и приступить к выполнению намеченной программы. Мы знаем, какие масштабы — поистине титанические — приняла эта деятельность. Можно сказать, таким образом, что лицо Третьяковского в конечном счете определялось его культурно-идеологической ориентацией: если за границей она обусловила его связь с католиками, то в России она обратила его к Феофану Прокоповичу.

В облике Третьяковского просматривается образ разночинца-интеллигента, который столетием позже станет типичным явлением русской культурной жизни — тип человека, который всеми способами стремится получить образование, выбиться в люди только для того, чтобы затем бескорыстно и самоотверженно служить своему отечеству. Самый тип русского интеллигента определяется вообще культурным противостоянием России и Запада, возникающим как следствие петровских реформ (потому интеллигенция в собственном смысле — это именно русское культурное явление). Русский интеллигент всегда так или иначе — позитивно или негативно — ориентирован на западную культуру (даже стремясь к сохранению национальной самобытности, он не теряет связи с этой культурой, хотя ориентация на нее и имеет в данном случае негативный характер); обычно он выступает при этом как культуртрегер, который видит в культурной миссии свое призвание и оправдание своего существования.

Эта позиция очень напоминает позицию Третьяковского. Судьба Третьяковского вообще — быть предшественником; именно поэтому он так часто оставался непонятым (ср.: Пумпянский, 1941, с. 220; Успенский, 1985, с. 198). Третьяковский, как правило, опережает свое время — это относится не только к

его литературно-языковой деятельности, но и вообще к его культурно-идеологической позиции. Поэтому Тредиаковский, в сущности, принадлежит двум эпохам — времени, в котором он живет, и времени, которое он предвосхищает. Он вписывается одновременно в разные системы ценностей, его жизнь как бы соответствует принципиально различным жанрам и тем самым может быть описана на разных культурных языках. В системе понятий середины XIX в. Тредиаковский выглядел бы как типичный русский интеллигент-разночинец. Между тем в первой половине XVIII в. он может восприниматься как герой плутовского романа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приехавший в Астрахань в 1718 г. д'Амелия более двух лет оставался здесь единственным католическим священником (Захария, 1955, с. 59; Флоровский, 1962, с. 333); очевидно, что он должен был вести и педагогическую деятельность, и Тредиаковский не мог учиться в это время ни у кого другого.

² Тредиаковский неоднократно указывает позднее, что он употребил на учение в общей сложности 18 лет, начиная с учебы у астраханских капуцинов и кончая учебой в Парижском университете. Так, в доношении Тредиаковского в канцелярию Академии наук от 17 мая 1743 г. читаем: «[...] я, [...] обучаясь языкам, также свободным и филозовским наукам, употребил на то осмнадцать лет, сперва в отечестве моем, Астрахани, у римских монахов, потом, оставя мое отечество, [...] через самое краткое время в Москве, в Заиконоспасском училище; а наконец в парижском университете [...] а в сем помянутом университете и скончил я свои науки, сколько Господь даровал мне их понять» (Материалы АН, V, с. 680; то же повторено в справке Академии наук от 29 ноября 1743 г. — там же, с. 975). Те же сведения сообщаются в доношении Тредиаковского в канцелярию Академии наук от 2 мая и 18 августа 1743 г. («Москвитянин», 1853, № 15, с. 31; Материалы АН, V, с. 837) и в Сенат от 28 февраля 1744 г. («Москвитянин», 1851, № 11, с. 227—228). Поскольку Тредиаковский, как мы увидим, уехал из Парижа в 1729 г., мы должны думать, что он поступил к капуцинам в 1712 г. (ср.: Самаренко, 1962, с. 358—359; Самаренко, основываясь на представлении, что Тредиаковский уехал из Парижа в 1730 г., считает, что учеба у капуцинов началась в 1713 г.).

Вместе с тем в одном документе Тредиаковский, говоря о своей учебе в России и за границей, называет другую цифру — не 18, а 15 лет. Так, в доношении в Академию наук от 14 ноября 1737 г. Тредиаковский писал: «Учившись во первых в России и потом в чужестранных государствах чрез 15 лет на своем коште, имея при том крайнюю помощь от высоких моих благодетелей, прибыл я обратно в Россию прошедшаго 1730 году [...]» (Пекарский, II, с. 70; Материалы АН, III, с. 518; то же повторено в справке Академии наук от 30 ноября 1737 г. — там же, с. 529). Если исходить из этого сообщения, приходится признать, что Тредиаковский приступил к учению в 1715 г.

Кажется, что первая дата (1712 г.) более достоверна — как потому, что соответствующая цифра повторяется в целом ряде документов, так и потому, что в последнем случае выходит, что Тредиаковский начал учиться в двенадцатилетнем возрасте, что маловероятно. Обучению у капуцинов, скорее всего, предшествовало обучение чтению по складам, т. е. элементарное обучение церковнославянской грамоте по букварю (ср.: Майков, 1897, с. 4), но едва ли Тредиаковский затратил на него много времени: обучение грамоте начиналось обычно в возрасте от 7 до 9 лет (Миропольский, I, с. 37).

³ Текст данной грамматики воспроизводит — с относительно незначительными отклонениями — текст печатной грамматики, изданной в Кременце в 1638 г. (см.: Грамматика 1638 г.), которая, в свою очередь, представляет собой сокращение грамматики Мелетия Смотрицкого 1619 г.

Для историков русского стиха отметим, что знакомство Тредиаковского с грамматикой 1638 г. проливает свет на один из источников, определивших его представления о стихосложении. Действительно, в конце грамматики 1638 г. мы находим рассуждение о том, что «стихотворная просодия», основывающаяся на протяженности слогов, присущая греческому и латинскому стихосложению и излагаемая в грамматике Смотрицкого применительно к славянскому стиху, славянам

не нужна, «понеже Славяном несть еще обычай, мерами, времени, и степени стихи составляти» (л. 104). Далее следует ссылка на «Полских стихотворцов», которые основываются не на долготе, а на числе слогов и рифме. Соответственно, в грамматике 1638 г. опущен раздел «стихотворной просодии», представленный в грамматике Смотрицкого, и оставлена лишь просодия «со препинанием строчным», т. е. раздел о знаках препинания. Все это рассуждение дословно повторяется и в списке Третьяковского (ГИМ ОР, Чертк. 337, л. 77 об. — 78 об.). В дальнейшем Третьяковский начинает, как известно, свой «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» именно с критики «количественной просодии», предлагаемой Смотрицким (Третьяковский, 1735, с. 1—2, 4). Таким образом, знакомство Третьяковского с грамматикой 1638 г. подготовило почву для последующей реформы русского стихосложения.

⁴ Если только не считать, что эти тексты списаны Третьяковским с какого-то неизвестного нам оригинала. Что касается грамматики 1638 г., к которой восходит собственно грамматическая часть данной рукописи, то предисловие к ней существенно отличается от предисловия в списке Третьяковского, а четверостишие и вовсе отсутствует.

⁵ Третьяковский не указывает времени своего отъезда из Астрахани в Москву. То, что это произошло в 1723 г., видно из челобитной тестя Третьяковского Фаддея Кузьмина от 15 декабря 1728 г., где говорится, что «в прошлом 723 году зять ево астраханского архиерейского дому певчей Василий Кирилов волею своею бежал из Астрахани в Москву и в Санкт-Петербурх» (Самаренко, 1962, с. 361). Поскольку весной 1723 г. Третьяковский уже учится в Московской академии (ОДДС, X, столб. 1342), мы можем утверждать, что он уехал из Астрахани в начале 1723 г. В доношении Третьяковского в канцелярию Академии наук от 17 мая 1743 г. говорится, что он прибыл в Москву «через самое краткое время» после того, как оставил Астрахань (Материалы АН, V, с. 680; ср. доношение в канцелярию Академии наук от 2 мая 1743 г. — «Москвитянин», 1853, № 15, с. 31).

О том, что Третьяковский именно «убежал» («entflohen») из Астрахани, говорит и Г.-Ф. Миллер (Материалы АН, VI, с. 171). По словам Миллера, отец Третьяковского (Третьяковский был сыном священника) готовил сына к духовному званию и с этой целью хотел его женить; Третьяковский будто бы бежал из Астрахани за день до своей свадьбы (там же). В действительности Третьяковский покинул Астрахань, будучи уже женатым; жена Третьяковского Федосья Фадеева и его отец священник Кирилл Яковлев (в монашестве иеромонах Климент) умерли в 1728 г. во время чумной эпидемии (Самаренко, 1962, с. 360).

⁶ Класс синтаксисы был следующим за классом грамматики: если в классе грамматики преподавали латинскую грамматику до синтаксиса и всю славянскую грамматику, то в классе синтаксисы читался латинский синтаксис; кроме того, в обоих классах изучали катехизис, арифметику, географию и историю. За синтаксисом следовала пиитика и риторика; при этом изучение синтаксиса занимало год, пиитики — также год, риторики — два года (Смирнов, 1855, с. 109—110, 181; ср.: Воскресенский, 1891, с. 17; Линчевский, 1870, с. 490; Летопись жизни Ломоносова, с. 24—28).

По-видимому, Третьяковский, поступив в Академию, вскоре смог сдать экзамен за курс синтаксиса и, соответственно, перешел в класс пиитики: можно предположить, следовательно, что с сентября 1723 г. он числился по классу

пиитики. Это тем более вероятно, что в «сентябрьской пиитике» в 1723 г. занимались В. Е. Адодуров и И. Л. Магницкий (ОДДС, X, столб. 1338, 1332), с которыми Тредиаковский в дальнейшем поддерживает дружеские отношения (между прочим, вернувшись из-за границы, осенью 1730 г. Тредиаковский останавливается на квартире у Адодурова — *Материалы АН*, VI, с. 172; о их общении в 1730-е гг. см.: Успенский, 1974; Успенский, 1975, с. 64—71); эти отношения позволяют думать, что Тредиаковский, Адодуров и Магницкий были одноклассниками (см. ниже, примеч. 129).

Через год Тредиаковский должен был окончить курс пиитики; соответственно, с сентября 1724 г. он числился по классу риторики (в это же время там числится и И. Л. Магницкий — ОДДС, X, столб. 1332).

Если при этом верить сообщению Тредиаковского о том, что он оставил Академию «по окончании Реторики» (автобиографическая «ведомость» 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30), получается, что на прохождение этого курса ему понадобилось не более полутора лет. Косвенным подтверждением этого сообщения является то обстоятельство, что, оказавшись в Париже, Тредиаковский обращается в Синод с просьбой о материальной поддержке, указывая при этом, что он находится здесь, в частности, для того, чтобы «науки [...] богословския и философския привести к окончению» (письмо в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 158); риторикой завершалось среднее образование, и окончание риторики давало право перейти к изучению философии и богословия (ср. § 3 настоящей работы). В ответ на запрос Синода Славяно-греко-латинская академия сообщала 5 апреля 1728 г., что «бывшей в латинских школах, ныне же обретающийся в Париже для учения философских и богословских наук ученик Василий Третьяковский [...] в Париж для вышших наук ни по какому указу из [...] Академии отправлен не был» (Чистович, 1859, столб. 158; ОДДС, VIII, столб. 206); при этом само право Тредиаковского изучать «высшие науки» т. е. философию и богословие, здесь, вообще говоря, не ставится под сомнение. Ср. в этой связи еще ниже примеч. 12.

Пекарский (II, с. 5) считал, что Тредиаковский был принят в Московскую академию прямо в класс риторики; по указанию Майкова (1897, с. 8, примеч. 2), он поступил в класс пиитики. Обоим исследователям осталась неизвестной «ведомость» Академии, где сообщается, что Тредиаковский поступил в класс синтаксисы (ОДДС, X, столб. 1342); они исходили из утверждения Тредиаковского о том, что он прошел в Академии курс риторики, однако по-разному исчисляли время, необходимое для прохождения этого курса. При этом Майков исходил из неверной предпосылки, что Тредиаковский покинул Академию весной 1726 г.; в действительности это произошло раньше.

⁷ Это стихотворение датируют иногда весной 1726 г. (см.: Строчков, 1963, с. 478), однако оно, очевидно, не могло быть написано позднее 1725 г., когда Тредиаковский оставил «московские школы».

⁸ Показательно в этом смысле, что в 1728—1729 гг., когда Тредиаковский находится за границей, его астраханские родные считают, что он пребывает в Петербурге (Самаренко, 1962, с. 361—363). Возможно, они знали об отъезде Тредиаковского из Москвы в Петербург, но не знали о его последующем отбытии за границу.

⁹ Г.-Ф. Миллер говорит, что Тредиаковский выучил французский язык в Париже (*Материалы АН*, VI, с. 172), но это неточно.

¹⁰ Г.-Ф. Миллер сообщает, что кн. Б. И. Куракин, русский посол, аккредитованный в Гааге и при французском дворе, встретил Тредиаковского в одном из своих путешествий и вывез его в Париж (Материалы АН, VI, с. 172). Этому противоречит цитируемое в § 3 настоящей работы рекомендательное письмо И. Г. Головкина к кн. А. Б. Куракину — сыну Б. И. Куракина, который после смерти своего отца, последовавшей 17 октября 1727 г., возглавил русскую дипломатическую миссию во Франции ((Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 96—97). Во всяком случае Тредиаковский появляется в Париже, когда Б. И. Куракина уже не было в живых; тем самым Пекарский (II, с. 9), безусловно, ошибается, называя Б. И. Куракина вместе с А. Б. Куракиным «благодетелями Тредиаковского в Париже».

Утверждение П. Н. Беркова (1958, с. 10, примеч. 2) о том, что Тредиаковский переехал в Париж из Голландии в конце 1726 г. основывается на каком-то недоразумении и не выдерживает критики. Это утверждение очевидным образом противоречит показаниям самого Тредиаковского, который 1/12 декабря 1727 г. писал в Синод: «Ныне в окончании 1727 года, прибыл я, по всегдашнему моему желанию, в Париж [...]» (Чистович, 1859, столб. 158).

¹¹ Сорбонной в это время называли теологический факультет Парижского университета.

¹² Действительно, в своих доношениях в канцелярию Академии наук от 2 мая и 18 августа 1743 г. Тредиаковский говорит, что учился (в Париже) «математическим и философским знаниям», но не упоминает о богословии («Москвитянин», 1853, № 15, с. 31; Материалы АН, V, с. 837); между тем в доношении в канцелярию Академии наук от 17 мая 1743 г. он говорит лишь о «свободных и философских науках» (Материалы АН, V, с. 680; то же повторено в справке Академии наук от 29 ноября 1743 г. — там же, с. 975). В 1731 г., вскоре после возвращения Тредиаковского в Россию, архимандрит Платон Малиновский, встретившись с Тредиаковским у ректора московской Славяно-греко-латинской академии Германа Копцевича, спрашивал Тредиаковского: «каковы учения в чужих странах он произвел? И Тредиаковский-де сказывал, что слушал он философию» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 2; ср. Пекарский, II, с. 129; Чистович, 1868, с. 384; см. также § 6 настоящей работы); между прочим, этот Платон Малиновский во время обучения Тредиаковского в московской Академии был префектом Академии, т. е. преподавал там именно философию (Смирнов, 1855, с. 208, ср. с. 108). Соответственно, и в предисловии к своему переводу «Езды в остров Любви» (1730 г.) Тредиаковский сообщает, что он познакомился с этой книгой в Париже и уже там возымел желание ее перевести, однако «в продолжении тамо философии время мое к тому меня не допустило» (Тредиаковский, III, с. 647—648). Намек на овладение «математическими и философскими знаниями» может слышаться и в следующих шуточных словах из этого же предисловия: «А буде кто тому не верит, тому я способен могу доказать еще Математическим Методом, что я правду сказал. А у! я не думая по Философски уж и ссорюсь ни за что!» (там же, с. 649). Как мы увидим, парижские знакомые Тредиаковского звали его «философом» (см. ниже, § 4).

Изучение высших наук, каковыми являлись философия и богословие, давало право Тредиаковскому вести публичные диспуты. Тредиаковский участвовал в подобных диспутах и получил об этом письменное свидетельство. Сообщая в автобиографической «ведомости» 1754 г. о обучении в Париже математическим, философским и богословским наукам, Тредиаковский прибавляет: «[...] чему всему имел я письменное засвидетельствование, за рукою так называемаго Ректора

Магнифика Парижского Университета, для того что я там содержал публичные диспуты, в Мазаринской Коллегии; но писменный сей Аттестат, в бывшее пожарное приключение в конце 1746 года здесь в Санктпетербурге у меня згорел» (Пекарский, 1865, с. 30).

¹³ Весной 1730 г., находясь в Гамбурге, Третьяковский пишет «Стихи эпиталамические» (Третьяковский, III, с. 742—746), посвященные бракосочетанию А. Б. Куракина и А. И. Паниной; бракосочетание состоялось в Москве 26 апреля 1730 г., и это позволяет датировать стихи Третьяковского (см.: «Санктпетербургские ведомости» № 6 за 4 мая 1730 г., с. 144; Строчков, 1963, с. 474). Третьяковский рассказывает здесь, как «во один день прошлаго в город Гамбург лета» к поэту «влетел вестник Меркурий», извещая его о помолвке Куракина. Комментируя эти стихи Третьяковского, Я. М. Строчков делает вывод, что Третьяковский находился в Гамбурге летом 1729 г. (см. там же). Этот вывод неоснователен: слово *лето*, скорее всего, означает в данном случае не «лето», а «год»; надо полагать, таким образом, что помолвка Куракина состоялась осенью 1729 г. (относительно матримониальных планов А. Б. Куракина см. запись в дневнике де Лириа под 10 января 1729 г. — де Лириа, 1869, с. 134).

Накануне своего отъезда в Россию Третьяковский участвует в торжествах по случаю коронации Анны Иоанновны, ср. его «Песнь сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации [...] Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския, бывшему тамо августа 10-го (по-новому стилю) 1730» (Третьяковский, III, с. 735—736). В Гамбурге же Третьяковский переводит «Езду в остров Любви» Талемана [Paul Tallemant] — книгу, с которой он познакомился еще в Париже (там же, с. 648); в предисловии к этой книге Третьяковский сообщает, что он потратил на ее перевод меньше месяца; мы не знаем, однако, когда именно он ее переводил.

Гейтус (1978, с. 310) предполагает, что Третьяковский в Гамбурге познакомился с композитором Телеманом [Georg Philipp Telemann] и поэтом Брокесом [Barthold Heinrich Brockes].

¹⁴ Ср. прошение А. Б. Куракина Анне Иоанновне от 15 декабря 1731 г.: «[...] в прошлом 729 году определен я был указом ко двору прусскому и того ради принужден был чинить всякия приготовления и часть багажу своего ис Парижа вывезть в Гамбурх, також и в Париже принужден был содержать дом и несколько людей [...] понеже от того двора не был отозван» (МИД АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, 1731, оп. 2/6, д. 173, л. 1—1 об.).

¹⁵ Ср.: «Ко двору прусскому он князь Александр был назначен, и по прошению ж самого ево князь Александра от того уволен» (МИД АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, 1731, оп. 2/6, д. 173, л. 3). Несколько иначе освещает события де Лириа (1869, с. 180), по словам которого решение о назначении С. Д. Голицына было принято без ведома А. Б. Куракина и он узнал о нем лишь после того, как оно состоялось; де Лириа приписывает это решение интригам Долгоруких, которые недолго любили Куракина и вместе с тем боялись растущего влияния Голицына, пользовавшегося расположением царя.

¹⁶ В литературе встречаются сведения о том, что А. Б. Куракин вернулся в Париж 17 января 1729 г. ((Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 97; Строчков, 1963, с. 474). Это недоразумение, которое основывается на предположении, что Куракин

первоначально уехал в Россию в отпуск (в июле 1728 г.) и должен был вернуться во Францию (Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 97; ср.: Списки дипломатов, II, с. 319). Кажется, дело обстояло не так. Э. Миних (сын фельдмаршала), посетивший Куракина в Париже летом 1728 г. (вместе с А. Г. Головкиным, которого Миних сопровождал на Суассонский конгресс), пишет о Куракине как о человеке, который после смерти отца временно исполнял обязанности главы дипломатической миссии и ждал, чтобы его сменили на этом посту; ср.: «В Париже застали мы Князя Александра Борисовича Куракина, который по смерти отца своего оставлен во Франции для дел до России касающихся, и ожидал токмо приезда Графа Головкина, дабы самому отправиться в Москву» (Миних, 1817, с. 38). По-видимому, к этому времени уже был решен вопрос о том, что Куракина сменил А. Г. Головкин; в 1729 г. Головкин был аккредитован посланником при французском дворе (там же, с. 41).

Так или иначе, выехав из Парижа в июле 1728 г., Куракин более туда не возвращался. По пути в Россию Куракин задержался в Данциге, где он находился с августа по ноябрь 1728 г. (см. его переписку с докторами Сорбонны, которую мы цитируем в § 2 настоящей работы). 7 декабря 1728 г. Куракин прибыл в Петербург, а 11 декабря того же года отбыл в Москву («Санктпетербургские ведомости» № 99 за 10 декабря 1728 г., с. 400; Материалы АН, VI, с. 172). В конце декабря 1728 г. Куракин приезжает в Москву (де Лирна, 1869, с. 134) и остается в России.

¹⁷ В бумагах А. Б. Куракина сохранился ряд деловых документов, в которых имя Тредиаковского фигурирует в связи с отправлением багажа Куракина из Гамбурга в Петербург. См. письма Брюгге к Куракину из Гамбурга от 9 мая 1730 г. (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 283 об.), от 8 августа 1730 г. (там же, л. 263 об.—264 об.), от 18 августа 1730 г. (там же, л. 261—261 об.), от 27 августа 1730 г. (там же, л. 252), а также представленные Куракину счета — счет, подписанный Брюгге в Гамбурге 18 августа 1730 г. (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 74, л. 384—384 об.), и счета, подписанные Яном Кройсом [Jan Cruys] в Петербурге 15 октября и 24 декабря 1730 г. (там же, л. 394—396); эти счета касаются как перевозки багажа, так и содержания Тредиаковского.

¹⁸ То же говорит и Н. И. Новиков в своей биографии Тредиаковского: «В 1730 году по возвращении в Санктпетербург определен был в Императорскую Академию наук студентом» (Новиков, 1772, с. 217). Тредиаковский обозначен «студентом» на титульном листе переведенной им «Езды в остров Любви», которая вышла в свет в конце 1730 г. (скорее всего, в конце декабря 1730 г. — Успенский, 1985, с. 129, примеч. 105, с. 137, примеч. 123), а также в выходных данных «Песни...», посвященной коронации Анны Иоанновны, которая также была напечатана в 1730 г. — видимо, одновременно с «Ездой в остров Любви» (Св. кат. XVIII в., III, с. 207, 243, № 7130, 7352).

Вообще говоря, Тредиаковский мог именоваться студентом уже в Париже, поскольку он учился в Парижском университете; действительно, переход от риторики к философии давал ему право на это наименование (ср.: Линчевский, 1870, с. 635; Воскресенский, 1891, с. 17). Ввиду приведенных сейчас свидетельств можно полагать, тем не менее, что Тредиаковский обозначен в указанных изданиях «студентом» не потому, что он был в свое время студентом Парижского университета, а потому, что к моменту публикации этих произведений он является студентом петербургской Академии наук.

Сказанное может в какой-то мере объяснять сообщение Евгения Болховитинова, согласно которому Тредиаковский проходил обучение при Академии наук сразу же

после обучения в Славяно-греко-латинской академии и до своего отбытия за границу: по словам Евгения, Третьяковский «обучался сперва в Московской Славяно-Греко-Латинской Академии Латинскому и Греческому языкам, поэзии и риторике; а по открытии С.-Петербургской Академии наук взят был с некоторыми из соучеников своих в тамошнюю Академическую Гимназию и в оной учился Немецкому и Французскому языкам и разным наукам. В 1727 г., для усовершенствования в занятиях, отправился он в Парижский университет [...]» (Евгений, 1845, II, с. 210). Это сообщение, безусловно, неправильно, однако оно основывается, видимо, на том, что Третьяковский числился при Академии студентом: надо полагать, что Евгений, основываясь на относительно верной информации, неверно восстанавливает последовательность событий.

¹⁹ В автобиографической «ведомости» 1754 г. Третьяковский указывал: «По возвращении моем из Парижа в Санктпетербург в 1730 году, употреблен я был с того самого года при Императорской Академии Наук до 1733 года; а в 1733 году определен при ней в Секретари [...]» (Пекарский, 1865, с. 30). В доношении Третьяковского К. Г. Разумовскому от 8 марта 1751 г. допущена неточность: «Служу я при Академии наук двадцать лет беспорочно [...] с 1730 по 1745 год с титулом секретаря» («Москвитянин», 1842, № 1, с. 122); «титул секретаря» Третьяковский получил в 1733 г. Об обстоятельствах определения Третьяковского в секретари Академии наук см.: Успенский, 1985, с. 149.

²⁰ Ср. панегирический отзыв Третьяковского об Ильинском в статье «О древнем, среднем, и новом стихотворении российском» 1755 г. (Третьяковский, I, с. 777).

²¹ Понятно, почему Третьяковский шлет это прошение из Парижа (в декабре 1727 г.), а не из Голландии: полуторагодовое пребывание его в Голландии явно не имело ничего общего с тем, что ожидалось от студента Московской академии. Иначе обстояло дело с пребыванием в Париже — студенты Московской академии посылались на обучение в Парижский университет и Сорбонну. Так, 17 февраля 1717 г. по указу Петра I из московских школ были отправлены в Амстердам и Париж Тарасий Постников, Иван Каргопольский и Иван Горлецкий для «наук literalных»; после пятилетнего учения в Париже они вернулись в Россию (ОДДС, II, 2, столб. 318—322; Пекарский, 1862, I, с. 238—240; Рогов, 1959, с. 141 — Рогов, цитируя тот же источник, дает: «для наук literальных»). В Париже эти студенты «учинили поспешство в философии, во французском языке и в других учениях» (ОДДС, II, 2, столб. 318; ср.: Рогов, 1959, с. 141); относительно Постникова известно, что он был послан «для довершения учения» «достигши риторики» (ОДДС, VIII, столб. 335—336).

Постников и Каргопольский, которые в 1724—1725 гг. преподавали в Славяно-греко-русской академии (ОДДС, II, 2, столб. 321; ОДДС, IV, столб. 135, 343—344; ОДДС, VIII, столб. 335—337; Смирнов, 1855, с. 236; неточно у Пекарского, 1862, I, с. 240), скорее всего, были знакомы с Третьяковским. С Горлецом Третьяковский служил впоследствии в Академии наук (где Горлецкий состоял переводчиком).

²² Муж И. П. Долгорукой, кн. С. П. Долгорукий, находившийся с семьей в Голландии, после смерти Екатерины I (6 мая 1727 г. по ст. стилю) срочно выехал в

Россию (Д. Бантыш-Каменский, I, с. 567; ср.: Бурсье, 1753, с. 314; Пирлинг, IV, с. 308). Примерно через месяц (11 июня 1727 г. по нов. стилю) состоялось официальное присоединение И. П. Долгорукой к католической вере. Похоже, что она воспользовалась отсутствием мужа для того, чтобы осуществить свое намерение; во всяком случае, кн. С. П. Долгорукий оставался верным православию (Бурсье, 1753, с. 366).

С. П. Долгорукий и И. П. Долгорукая обвенчались в 1716 г. (Долгоруков, 1840, с. 42) и вскоре после свадьбы выехали за границу, где прожили много лет ((Д. Бантыш-Каменский, I, с. 567). У них было девять детей: Владимир (1717—1803), Александр (годы жизни неизвестны; скончался после 1762 г.), Николай (1718—1781), Петр (1721—1773), Мария старшая (1719—1786), Анна (1719—1778), Екатерина (1722—1781), Мария младшая (+1763), Анастасия (1731—1787); см.: Долгоруков, I, с. 96, 107—108; ср. также: Долгоруков, 1840, с. 168—170.

Любопытно отметить, что И. П. Долгорукая доводится прабабкой Петру Андреевичу Вяземскому: ее дочь Мария Сергеевна Долгорукая (1719—1786) вышла замуж за Ивана Андреевича Вяземского, деда П. А. Вяземского (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 5; Долгоруков, I, с. 96).

²³ Основные сведения о Жюбе можно найти хотя бы в Большой Французской Энциклопедии (XXI, с. 233) или в Биографическом словаре (XXVII, с. 122—124). В именном указе Елизаветы Петровны по делу Долгорукой от 27 марта 1746 г. Жюбе называется иезуитом (Пекарский, 1868, с. 25). О связи Жюбе с иезуитами говорит и П. В. Долгоруков (1867—1871, I, с. 7). Это — несомненное недоразумение (ср.: Пирлинг, IV, с. 382).

²⁴ В письме из Гааги от 14 марта 1727 г. Жюбе сообщает, что начал изучать славянский язык: «[...] je commence à apprendre la langue Esclavone qui est une langue matricie, et des caractere extraordinaires» (Библ. Труа, № 2213, л. 48; Арх. Пирлинга, л. без номера).

²⁵ В письме к неизвестному лицу от 16 октября 1728 г. архиепископ Бархман обсуждает полномочия, которые он намерен дать Жюбе: «[...] je demande en particulier si vous croyez que ces pouvoirs se peuvent étendre à toutes les fonctions épiscopales, exherité l'ordination» (Библ. Труа, № 2336, л. 5; Арх. Пирлинга, л. 205). Между тем в официальном письме от 20 октября 1728 г., которое Жюбе получает от Бархмана, подчеркивается, что во всей России нет ни одного католика, облеченного епископской властью, но теперь с обращением Долгорукой возникают благоприятные возможности для изменения сложившейся ситуации (Бурсье, 1753, с. 476, 479—480; Арх. Пирлинга, л. 206).

²⁶ Пекарский (1866а, с. 129) и Чистович (1868, с. 369—370) сообщают другую дату прибытия, а именно 20 декабря. Это, по-видимому, недоразумение.

²⁷ В представлении янсенистов папа обладал первенством моральным, но не юридическим, т. е. авторитет папы не распространялся на сферу церковной юрисдикции. Именно такое понимание обусловило отделение Утрехтской архиепископии от Рима в 1723 г. Еще ранее А. А. Матвеев (побывавший в Париже в 1705—1706 гг.) отмечал, что Сорбонское собрание вместе с французским епископством «во времена вражды, бывшей у короля, ныне государствующаго Людовика 14-го, с папою римским [...] намерение взяло [...] королю папиной

отлучиться власти и церкви французской избрать самовластного особно себе патриарха без повиновения всякаго впредь папе» (Матвеев, 1972, с. 213; имеются в виду «Объяснения галликанского клира о церковной власти», подписанные тридцатью пятью епископами и тридцатью семью церковными деятелями, в том числе и представителями Сорбонны).

Бурсье (1753, с. 288—289) передает разговор Петра с регентом, где Петр с похвалой отозвался о поведении кардинала де Ноайля и затронул вопрос о непогрешимости папы «Если папа считает себя непогрешимым, он дурак; если же он так не считает, он мошенник» («Si le Pape se croit infaillible [...] il soit un sot; et s'il ne le croit pas [...] il soit un fourbe»). По словам Бурсье, Петр заявил, что не понимает, как человек может вбить себе в голову, что он, будучи человеческим существом, обладает даром непогрешимости («Il ne pouvoit pas comprendre qu'un homme pût se persuader qu'étant homme, il eût le don de l'infaillibilité»). Вопрос о непогрешимости папы был актуальным для полемики янсенистов и ультрамонтанов; соответственно, в записке сорбонских докторов от 15 июня 1717 г., врученной Петру I, которая специально рассматривается в нашей работе, мы читаем: «Такожде содержим, яко разсуждение Римскаго Епископа не есть непогрешительное веры правило [...]» (Журнал Петра, 1772, с. 429); ср. во французском оригинале: «De plus, nous tenons que le jugement de l'Evêque de Rome n'est point une règle infaillible de la foi [...]» (Бурсье, 1753, с. 379). См. ниже примеч. 46.

²⁸ Вопрос об упразднении патриаршества в это время не был еще решен: См.: Верховской, I, с. 152—153; ср. еще: Пекарский, II, с. 444.

²⁹ Бентивольо, между прочим, склонен был объяснять неудачный исход своей встречи с царем происками янсенистов. Извещая Рим о результатах переговоров, он указывал, что перед тем, как дать ему аудиенцию, утром того же дня (13 июня) Петр принял какого-то янсенистского священника, который доставил ему некое послание; одновременно Бентивольо сообщал, что на следующий день (14 июня) сорбонские янсенисты предложили русскому царю проект воссоединения Церквей (Тамборра, 1986, с. 191; Крейкрафт, 1971, с. 40). Не исключено, что накануне встречи с папским нунцием Петр получил послание из Сорбонны — возможно, предложение посетить Сорбонну, — что затем и определило его появление там. Бурсье, правда, пишет, что Петр явился в Сорбонну неожиданно (Бурсье, 1753, с. 286), однако это сообщение может относиться лишь ко времени визита царя, но не к самому факту визита.

Надо сказать, что у Бентивольо были все основания надеяться на благополучный исход своих переговоров с Петром, поскольку их встрече предшествовала длительная подготовка, в которую был вовлечен кн. Б. И. Куракин. В инструкции, полученной из Рима, папскому нунцию поручалось напомнить царю, что папа исполнил обещанное Куракину в отношении поддержки польского короля во время русско-шведской войны и что теперь очередь за Петром исполнить то, что тот обещал через Куракина (Тамборра, 1986, с. 184; ср.: Пирлинг, IV, с. 240). Речь шла, в первую очередь, о свободе католического культа в России. В записках Сен-Симона сообщается, что Петр был в свое время крайне заинтересован в дипломатических контактах с Римом и даже будто бы хотел сделать Россию католической страной, что обеспечило бы возможность династических браков членов царской семьи с католическими монархами. Именно с этой целью, по словам Сен-Симона, в Рим был послан инкогнито кн. Б. И. Куракин (в 1707 г.), который и подал папе надежду на то, что царь обеспечит свободу католического вероисповедания в

России; это, в свою очередь, обусловило характер инструкции, которую получил Бентивольо и которой он должен был руководствоваться в своих переговорах с царем (Сен-Симон, XIV, с. 17—20, 68; ср. Тамборра, 1986, с. 175, *passim*; Боргезе, 1961, с. 294—300; о католических связях Б. И. Куракина см. также: Флоровский, 1975, с. 228—233). Сен-Симон ссылается при этом на Куракина, который сам ему в свое время рассказывал о планах Петра и о своей миссии в Рим; можно предположить, что эти откровения русского дипломата были частью определенной дипломатической игры — Петр мог вполне сознательно распространять слухи о своем интересе к Риму. Соответственно, в Риме на Петра возлагались большие надежды. Уже в конце XVII в. в связи с поездкой Петра в Западную Европу здесь ожидали, что Петр подчинится папе и примет унию; предполагалось, что Петр посетит Рим (Флоровский, 1966, с. 194—195). Иезуит Франциск Эмилиан [Franciscus Aemilianus] сообщал из Москвы в письме от 23 июня 1699 г., что царский духовник Иоанн Поборский весьма доброжелательно относится к католикам (Письма и донесения иезуитов, 1904, с. 29—30 и 234). Поборский был в 1687—1701 гг. священником церкви Воскресения Христова, «что у великого государя в верху» (Харлампович, 1914, с. 313—314), и ездил с царем за границу в составе Великого Посольства (Пам. дипл. снош., VIII, с. 565). Петр неоднократно говорил католическим священнослужителям, что сожалеет о том, что государственные дела препятствуют ему отправиться в Рим на поклонение апостолам Петру и Павлу (см., например, доношение 1716 г.: Арх. Конгр. Проп. Веры, Sc. Moscovia, Polonia e Ruteni, 1700—1719, vol. 3, л. 535; ср. также письмо кардинала Corrado dell'Assunta кардиналу-префекту коллегии от 29 апреля 1705 г. — там же, л. 153—153 об.); заявления эти, несомненно, преследовали политические цели — они должны были создать представление о заинтересованности царя в контактах с Римом.

Встреча Петра I Бентивольо в Париже имела особое значение, поскольку это был первый прямой контакт Петра с официальным представителем Римской курии.

³⁰ Согласно ультрамонтанскому автору, аббату Пишону [abbé Jean Pichon, 1683—1751], инициатива переговоров о соединении Церквей принадлежала русскому царю, который обратился к Сорбонне, чтобы получить ответ на некоторые трудные и деликатные вопросы, касающиеся этого дела (Пишон, 1894, с. 213—222; ср.: Пирлинг, IV, с. 244—250). Пишон не упоминает при этом о последующих действиях Сорбонны, но излагает свой проект соединения Церквей.

Пишон явно ошибается в изложении событий, однако эта ошибка характерна: она показывает, как воспринимался Петр в католических кругах.

³¹ Записка сорбоннских докторов была составлена по-французски, но по совету маршала Тессе [René Marie de Tessé], который сопровождал Петра I во Франции, она была сразу же переведена на латинский язык (Бурсье, 1753, с. 290; Пирлинг, IV, с. 259). Чтобы придать записке официальный характер, она была заверена (легализована) генеральным викарием парижского архиепископа Франциском Вивантом [François Vivant]. Различные источники по-разному сообщают дату этой легализации: 19 июня 1717 г. (Пирлинг, IV, с. 259; Крейкрафт, 1971, с. 38), 9 июля 1717 г. (Вебер, 1721, с. 444; Журнал Петра, 1772, с. 435; ОДДС, I, столб. 28; Толстой, 1863, с. 377; см. также Арх. Конгр. Проп. Веры, Sc. Moscovia, Polonia e Ruteni, 1700—1719, vol. 3, л. 544—552), 19 июля 1717 г. (Бурсье, 1753, с. 392).

³² Показательно, что Бентивольо считал, что письмо сорбоннских богословов — это инструкция о способе присоединения к Латинской Церкви без признания

зависимости от папы; такого же мнения, кажется, придерживался и австрийский посол в Париже граф Кёнигсер [Leopold-Wilhelm von Koenigsegg] (письмо Бентивольо к кардиналу Паулуччи [Fabrizio Paulucci] от 24 июня 1717 г. — Пирлинг, IV, с. 243, 428—429).

По словам Сен-Симона, Петр сказал маршалу Тессе, «что не отказывается признать папу первым православным патриархом, но не может согласиться на некоторые ограничения, которые римский двор имеет притязание налагать на государей в ущерб их власти, что он не прочь признать его непогрешимым, но не иначе как во главе вселенского собора» («[...] le czar avait dit au maréchal de Tessé qu'il ne s'éloignerait pas de reconnaître le pape pour premier patriarche orthodoxe, mais aussi qu'il ne s'accomoderait pas de certains assujétissements que la cour de Rome prétendait imposer aux princes, au préjudice de leur souveraineté: qu'il voulait bien croire le pape infaillible, mais à la tête du concile général» — Сен-Симон, XIV, с. 69; ср.: Пирлинг, IV, с. 242). Это, в сущности, янсенистская программа.

³³ Церковнославянский перевод записки сорбонских богословов в одной из ранних рукописных копий (рукопись первой пол. XVIII в.) сопровождается следующей припиской: «Егда [...] его Царское величество по присутствии из Парижа благоволил прийти в царствующий свой град Москву того ж 1717 лета декабря в 20 день, и тогда в селе его государеве Преображенском бывшим Преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому, и прочым Архиереем, сиевое писание, на латинском языке запечатаное, он, Государь, сие владе тогда Преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому, да повелит превести его. Он же, прияв сие, повеле Спасова монастыря, что за Иконным рядом, Архимандриту Феофилакту Лопатинскому превести на славенский диалект, якоже zde зрится» (ЦГАДА, ф. 381, № 360, л. 7).

Жюбе цитирует в своих записках (отрывки из которых частично воспроизводит Бурье в своей книге) рассказ Феофилакта Лопатинского: «Тверской архиерей [т. е. Феофилакт Лопатинский] и те, кто находился в Петербурге во время приезда императора, уверяют, что он принял это дело [предложение Сорбонны] близко к сердцу и поручил его незамедлительно рассмотреть, чтобы увидеть, что можно сделать для соединения Церквей; он предложил также написать благодарственное письмо сорбонским докторам и изложить свою точку зрения на эту идею и на способы ее осуществления» («M. l'Evêque de Twer, et ceux qui se font trouvés à Petersbourg à l'arrivée de l'Empereur, assurent qu'il avoit cete affaire fort à coeur, et qu'il leur recommanda de l'examiner sans délai; de voir ce qu'on pourroit faire pour parvenir à l'union, et de la favoriser, et qu'il leur ordonne de faire au plutôt une Lettre de remerciement aux Docteurs de Sorbonne, et de leur proposer leurs vûes et les moyens propres à réüssir» — Бурье, 1753, с. 197—198).

Орфелин (1722, II, с. 118—120) подробно описывает совещание русских епископов по поводу письма Сорбонны и их отрицательную реакцию на предложение о соединении Церквей, однако источники его сведений остаются неясными и сообщаемые им факты вызывают сомнения (ср. еще: Голиков 1788—1789, VI, с. 167—170).

³⁴ В собрании сочинений Стефана Яворского на этом документе значится дата 15 июля 1718 г., несомненно, ошибочная (см.: Стефан Яворский, III, с. 288); эту ошибку повторяет Самарин (V, с. 277). Авторство Феофана засвидетельствовано Стефаном Яворским: так, в сборнике сочинений Яворского, скопированных С. С. Волчковым непосредственно с оригинала (ЦГАДА, ф. 181, № 677/1179), этот

текст озаглавлен: «Ответ [...] преосвященного Феофана епископа псковского» (л. 55 об.); ср. запись Волчкова в конце этого сборника: «Содержащиеся здесь пиесы скопированы с оригиналов покойна[го] Стефана митр. Рязанского из его собственной библиотеки взяты» (л. 61 об.); ср. еще другой волчковский список: БАН, 34.4.26, л. 14, а также позднейшую копию со списка С. С. Волчкова, сделанную неизвестным нам сотрудником Академии наук: ГПБ, Помяловск. 40, л. 31 (см. запись на л. 33). Аналогичные сведения встречаются и в других рукописных источниках (ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 115; ГБЛ, ф. 256, № 467, л. 52; ГБЛ, ф. 733, № 6, л. 29; ГИМ ОР, Увар. 776/4°, л. 23; ГПБ, Погод. 1125, л. 16 об.; ГПБ, Петерб. дух. акад. 427, л. 310; ГПБ, Помяловск. 41, л. 59 об.). О том, что автором данного документа является Феофан Прокопович, свидетельствует, между прочим, и петербургский пастор Петер Мюллер [Peter Müller] в письме к И. Ф. Буддею [Johann Franz Buddeus] от 28 января 1720 г. (Винтер, 1953, с. 357—358, ср. с. 360—381).

³⁵ В публикации Бурсье дата отсутствует (см. Бурсье, 1753, с. 439). Авторство Стефана Яворского устанавливается на основании целого ряда источников; в частности, это послание входит как в собрание сочинений Стефана, переписанное и засвидетельствованное С. С. Волчковым (ЦГАДА, ф. 181, № 677/1179, л. 41; ср. еще другой волчковский список: БАН, 34.4.26, л. 10 об.; копию с волчковского списка: ГПБ, Помяловск. 40, л. 24), так и в опубликованное позднее собрание его сочинений (Стефан Яворский, III, с. 289). Аналогичное указание встречаем и в других рукописных источниках (ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 115; ГБЛ, ф. 256, № 467, л. 44; ГПБ, Погод, 1125, л. 16 об.; ГПБ, Помяловск. 41, л. 48; ГИМ ОР, Увар. 775/4°, л. 18 об. —19; ГИМ ОР, Увар. 885/4°, л. 18 об.—19).

³⁶ 18 мая 1719 г. аббат Дюбуа [Guillaume Dubois], министр иностранных дел Франции, вызвал к себе Бурсье и ознакомил его с копией данного текста, пояснив, что он не уполномочен ее вручить ему; некоторое время спустя копия послания, подготовленного Феофаном Прокоповичем, была получена в Сорбонне от парижского архиепископа кардинала де Ноайля; сорбоннские доктора так и не получили официально заверенного текста самого послания и вынуждены были довольствоваться копией, которая имела информационный, но не юридический характер (см.: Бурсье, 1753, с. 299—300; Пирлинг, IV, с. 264—265). Позднее, приблизительно в 1722 г., Бурсье обратился к Дюбуа с письмом, напоминая ему об их встрече и уведомляя его, что Сорбонна так и не получила никакого ответа на свое послание; несомненно, речь шла об отсутствии официального документа, на который можно было бы реагировать тем или иным образом. В бумагах А. Б. Куракина, где собраны материалы, касающиеся данной переписки, сообщается, что оригинал этого послания остался при дворе (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 73, л. 6, 35 об., 52); здесь уместно отметить, что французский двор не поддерживал янсенистов (ср. красноречивые свидетельства на этот счет в письмах мадемуазель Аиссе — Аиссе, 1853, с. 97—100, 233).

В силу сказанного необязательно соглашаться с мнением исследователей, которые более или менее единодушно считают, что ответ, подготовленный Феофаном, был официально отправлен в Сорбонну (Голиков, 1788—1789, VI, с. 170—171; Самарин, V, с. 277; Пекарский, 1862, I, с. 41; Пекарский, 1866а, с. 128; Толстой, 1863, с. 162; Полуденский, 1865, с. 688; Чистович, 1868, с. 44; Морозов, 1880, с. 210; Пирлинг, IV, с. 264; Винтер, II, с. 309; Крейкрафт, 1971, с. 45; ср. еще: Стефан Яворский, III, с. 284).

Толстой (1863, с. 162) указывает, что данный документ был отправлен в Сорбонну в 1720 г., но это недоразумение, поскольку в статье, на которую он ссылается (ср.: Тургенев, 1843, с. 147), соответствующие сведения отсутствуют. Петер Мюллер в упоминавшемся выше письме к Буддеу от 28 января 1720 г. свидетельствует, что документ этот был отправлен во Францию 7—8 месяцами ранее (Винтер, 1953, с. 357), что соответствует дате встречи Бурсье и аббата Дюбуа.

³⁷ О том, как этот ответ был получен в Сорбонне — через неофициальные каналы, — подробно рассказывает Бурсье (1753, с. 307—309). Характерно в этом смысле, что Бурсье публикует французский перевод данного послания, но не публикует латинского текста (при том, что послание, подготовленное Феофаном, дано как на французском, так и на латинском языке — см. ниже, примеч. 40 и 45). Если бы послание Стефана было официально послано из России в Сорбонну, Бурсье, несомненно, располагал бы латинским текстом; между тем в письме докторов Сорбонны к аббату Жюбе от 24 июня 1723 г. определенно говорится о том, что Сорбонна получила именно французский текст этого документа (Бурсье, 1753, с. 440). По сообщению Бурсье, некое лицо, принадлежащее к университетской корпорации, нашло его (т. е. Бурсье) и объявило, что некто поручил ему (этому лицу) передать, что располагает копией письма русских епископов — имеется в виду ответ Стефана Яворского — и, если это будет сочтено пристойным, он был бы готов передать эту копию Бурсье («[...] une personne en place dans l'Université de Paris [...] vint trouver M. Boursier, et lui annonça que quelque'un lui avoit dit que s'il le jugeoit à propos, il lui donneroit copie d'une Lettre écrite par les Evêques de Moscovie» — Бурсье, 1753, с. 307). Нельзя ли предположить, что к Бурсье обратился один из трех русских студентов (Т. П. Постников, И. С. Горлецкий, И. И. Каргопольский), учившихся в это время (1717—1722) в Париже?

Любопытно, что в русских рукописных источниках, где содержится текст ответа Стефана, можно встретить указание, что именно ответ Стефана был отправлен в Париж (ГБЛ, ф. 733, № 6, л. 20; ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 106; ГПБ, F.I.181, л. 20 об.; ГПБ, Погод. 1125, л. 10 об.; ГПБ, Петерб. дух. акад. 427, л. 301; ИРЛИ, Усть-Цилемск. 14, л. 124; ИРЛИ, Перетц 155, л. 360; БАН, Устюжск. 39, л. 17; ГИМ ОР, Увар. 766/4°, л. 14); такое же указание находим и у Орфелина (1772, II, с. 121).

³⁸ Ср.: «[...] яко не предлежат нам сиевая препятя к согласию, яко у протестантов и у иных соборищ обретаются: ибо между нами и Латинами согласие есть во многих членах веры [...]» (Журнал Петра, 1772, с. 4386—438в).

³⁹ Уместно заметить, что вопрос об отношении восточных патриархов к Русской Церкви занимал существенное место в разногласиях Феофана Прокоповича и Стефана Яворского. Феофан был поставлен в епископы 1 июня 1718 г. — всего за две недели до написания им ответа на сорбоннский мемуар! Стефан был против этого поставления; он требовал, чтобы Феофан отрекся от своего «учения» как несовместимого с православием, в противном же случае вопрос о православии сочинений Феофана должен быть передан на суд восточных патриархов (Чистович, 1868, с. 40—41; Голиков, 1790—1797, XII, с. 75—76, примеч.).

Итак, конфликт Стефана Яворского и Феофана Прокоповича оказался с самого начала связанным с вопросом об обращении к восточным патриархам. Вполне закономерно, что этот вопрос определил разницу в ответах Сорбонне, подготовленных Стефаном и Феофаном.

⁴⁰ Этот пассаж отсутствует и в списках С. С. Волчкова, о которых мы уже упоминали (ЦГАДА, ф. 181, № 677/1179; БАН, 34.4.26), а также в копии волчковского списка (ГПБ, Помяловск. 40); можно полагать, что именно волчковский список послания Стефана Яворского и воспроизводится в печатном издании (см.: Журнал Петра, 1772, с. 438а—438е; Стефан Яворский, III, с. 289—298). Кроме того, данный фрагмент отсутствует в рукописи: ЦГАДА, ф. 381, № 360 — но это, кажется, цензурный экземпляр издания: Стефан Яворский, III. Вместе с тем интересный нас пассаж находится во всех других известных нам списках послания Стефана Яворского.

Именно полная версия послания Стефана Яворского стала известна за границей, будучи опубликована сначала в немецком переводе 1720 г. в издании «Die Reussischen Clerisen Antwort auf das schreiben welches die doctores der Sorbonne, wegen Vereinigung der Reussischen und Franssosischen Kirchen» ([Stettin], 1720), а затем во французском переводе в издании Бурсы (1753, с. 425—439).

⁴¹ Мы читаем здесь: «Изволися всему освященному собору, за милостивым соизволением и снизходителством благочестивейшаго нашего монарха, сие церковное дело послати чрез особенное писание к разсуждению и богомудрому разсмотрению и наставлению оных главнейших наших пастырей и церкви святых чиноначальников. Каков же оттуду ответ восприимем, и кое будет благоволение и последнее оных превысочайших судей церковных определение, о сем и вам, честнейшии мужие, по должности взаимнаго любления нашего не пренебрежем возвестити. Между же сим ведомо быти хошем, яко не за страх, ниже за невежество любопрения о вере в сем ответе оставихом; малодушных сих порок буди, от нас же далече малодушие прогонит ово истинна, на ню же уповаем, ово увещание святаго верховнаго апостола Петра, глаголющаго: страха их не убоитесь, ниже смущайтесь, Господа же Бога святите в сердцах ваших [I Петр, III, 14—15]. Готови присно ко ответу всякому вопрошающему вы слово о вашем уповании, молчание бо убо наше в настоящем деле и обуздание пера от любопрения несть страхования, но кротости прилежание, и правила апостольскаго вышереченаго опасное хранение. Лучше бо есть с кротостию правильное молчание, нежели с повреждением правила многоречие» (ГБЛ, ф. 354, № 182, л. 336—336 об.; ср. еще: ГБЛ, ф. 733, № 6, л. 26—27; ГБЛ, ф. 256, № 467, л. 50—50 об.; ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 112 об.—113; ГПБ, F.I.181, л. 20—20 об.; ГПБ, Погод. 1125, л. 15—16 об.; ГПБ, Помяловск. 41, л. 56 об.—59; ГПБ, Петерб. дух. акад. 427, л. 307—308; ГИМ ОР, Увар. 776/4°, л. 21—22; ГИМ ОР, Увар. 885/4°, л. 28—29; ИРЛИ, Усть-Цилемск. 14, л. 130 об.—132 об.; ИРЛИ, Перетц 155, л. 365—366 об.).

Освященный собор призван олицетворять всю Русскую Церковь и мыслился как собрание всех русских иерархов (см.: Лихницкий, 1906, с. 23, 27—28); при отсутствии патриарха функции освященного собора становятся особенно значимыми.

⁴² Под влиянием Стефана Яворского духовенство, спрошенное царем о его праве казнить сына, высказалось за помилование царевича. Стефан отпел и хоронил царевича (который скончался 26 июня 1718 г.) и восстал против расстрижения епископа Досифея, замешанного в дело царевича (Досифей был арестован 19 февраля и казнен 27 марта 1718 г.).

Достоинно внимания, что рассмотрение письма сорбонских богословов шло одновременно с процессом царевича: «Монарх предал Царевича суду Июня четырнадцатаго дня, а пятнадцатаго числа [...] разсматривал учиненной

Российскими Архиепископами ответ на представление Сорбоннской Академии [...]» (Голиков, 1788—1789, VI, с. 157—158); здесь имеется в виду ответ, составленный Феофаном Прокоповичем.

Осенью 1718 г. Петр отстраняет Яворского от управления Церковью, а в феврале 1720 г. Феофаном Прокоповичем был написан «Духовный регламент», означавший упразднение патриаршества в России и замену его синодальным правлением. Крейкрафт (1971, с. 48) прямо связывает различие в двух версиях ответа Сорбонне, написанного Стефаном Яворским, с упразднением патриаршества: по его мнению упомянутый пассаж о созыве священного собора Русской Церкви и обращении к восточным патриархам был вставлен Стефаном после этого события. Не исключено, однако, что полная редакция предшествовала краткой; вопрос, таким образом, остается открытым.

⁴³ Исследователи, которые касаются переписки Сорбонны с русскими иерархами, обычно не обращают внимания на даты, которые проставлены в обоих ответах, что лишает их возможности правильно восстановить последовательность событий (см.: Голиков, 1788—1789, VI, с. 170—171; Пекарский, 1862, I, с. 40—41; Пекарский, 1866а, с. 128; Чистович, 1868, с. 44; Морозов, 1880, с. 210; Пирлинг, IV, с. 264; Винтер, II, с. 39; Крейкрафт, 1971, с. 45—46). Соответственно, в научной литературе можно встретить утверждение, что сначала был написан ответ Стефана Яворского, но он не понравился царю, который приказал написать другой, более умеренный ответ, что и было исполнено Феофаном Прокоповичем (см., например: Голиков, 1789—1789, VI, с. 170—171; Полуденский, 1865, столб. 688; Майков, 1897, с. 19); между прочим, именно так считал и Петер Мюллер в его цитированном письме к Буддею от 28 января 1720 г. (Винтер, 1953, с. 357). Равным образом и в некоторых рукописях, где содержатся оба ответа на письмо Сорбонны, ответ Феофана может быть обозначен как «второй» ответ (см., например: ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 115; ГБЛ, ф. 256, № 467, л. 52); между тем в собрании сочинений Яворского ответ Феофана обозначен как «ответ первый, посланный в Парижскую Академию» (Стефан Яворский, III, с. 284).

Точно так же исследователи, как правило, не замечают того обстоятельства, что послание Стефана Яворского существует в двух версиях — полной и краткой. Насколько мы знаем, на это обстоятельство обратил внимание только Крейкрафт (1971, с. 46—47), который, однако, при этом неверно восстанавливает историю написания данного текста. Крейкрафт заметил, что в немецком переводе послания Стефана, опубликованном в 1720 г. (см. выше, примеч. 40), есть особый пассаж, отсутствующий в печатных русских источниках; на этом основании он сделал вывод, что Стефан добавил его специально для заграничного издания. Исследователю осталось, однако, неизвестным, что тот же текст читается и в русских рукописных источниках.

⁴⁴ Ср. письмо архиепископа Бархмана к яansenистскому епископу бабилонскому от 15 марта 1725 г., где обсуждается отношение Петра I и кн. В. Л. Долгорукого к предложению Сорбонны и упоминается ответ русских епископов; при этом подчеркивается, что по мнению епископов объединение Церковью невозможно без собора Русской Церкви: «M. Germain croyait que le Czar y seroit assez disposé, qu'il avoit paru incliné à envoyer les Evêques s'il se tenoit un Concile, que les Evêques même avoient répondu aux Doct[eurs] de Sorb[onne] que la réunion ne se pouvoit traiter que dans un Concile. Il croyoit que le prince Dolgorouky étoit aussi dans ces sentiments et qu'il seroit facile de faire faire par lui la proposition et de l'y engager étant encore en Hollande» (Библ. Труа, № 2156, л. 13; Арх. Пирлинга, л. 196).

⁴⁵ Характерен острый интерес, с которым были встречены письмо Сорбонны к русскому епископату и ответы, составленные Стефаном Яворским и Феофаном Прокоповичем. Переписка Сорбонны с русскими иерархами сразу же получила широкую огласку за границей.

Уже в 1719 г. протестантский богослов Буддей издал на латыни книгу, направленную против инициативы Сорбонны, где было опубликовано письмо сорбоннских докторов; одновременно книга Буддея вышла и на немецком языке (Буддей, 1719; Буддей, 1719а). Буддей, по всей видимости, получил это письмо от Феофана Прокоповича (см.: Буддей, 1719, с. 8—9; Морозов, 1880, с. 211—212; Пирлинг, IV, с. 259; Верховской, I, с. VII; Крейкрафт, 1971, с. 47). Вполне вероятно, что именно Феофан Прокопович инспирировал эту книгу Буддея; известно, во всяком случае, что Феофан собирался перевести эту книгу и преподнести ее Петру I (см. об этом в письме Петра Мюллера к Буддею от 28 января 1720 г. — Винтер, 1953, с. 357). Селлий упоминает в своем каталоге 1736 г. «Сорбоннское сочинение на немецком языке» в 4-ю долю листа, изданное в 1719 г. под заглавием „*Curioses Schreiben der Sorbonne an den Czaaren*“ („*Sorbonicum Scriptum Germ. prodit S. T. Curioses Schreiben der Sorbonne an den Czaaren 4:to 1719*“) (Селлий, 1736, № 19); может быть, имеется в виду издание Буддея? Копию письма Сорбонны на латинском языке получила Конгрегация пропаганды веры в Риме (Арх. Конг. Проп. Веры, Sc. Moscovia, Polonia e Ruteni, 1700—1719, vol. 3, л. 544—552; ср.: Россия и Италия, IV, с. 256); латинский текст сорбоннской записки был затем опубликован и в книге Вебера (1721, с. 433—444). Отклик на письмо Сорбонны находим, между прочим, у Коля (1723, с. 27, 127), а затем в переписке немецких pietistes 1730-х гг. (Винтер, 1953, с. 367). Наконец, письмо Сорбонны было переведено на голландский язык и опубликовано в Голландии (см.: Бурсье, 1753, с. 310).

Ответ Стефана Яворского в немецком переводе в 1720 г. вышел отдельной брошюрой: «*Die Reussischen Clerisen Antwort...*», о котором мы уже упоминали выше. Крейкрафт (1971, с. 46, примеч. 4) предполагает, что французский перевод послания Стефана Яворского, опубликованный в книге Бурсье (1753, с. 425—439), восходит именно к этой немецкой брошюре, однако у Бурсье ни слова не говорится о том, что это перевод с немецкого; кажется, что это предположение никак не вытекает из обстоятельности дела.

Ответ Феофана Прокоповича также вскоре получил известность за границей: 28 января 1720 г. петербургский пастор Петер Мюллер послал Буддею церковнославянский текст этого документа, а также его латинский перевод, изготовленный самим Мюллером и санкционированный Феофаном Прокоповичем; соответствующие тексты были посланы вообще «со специальным разрешением и с согласия» Прокоповича («*cum speciali permissione et consensu des Ertzbischofs*») (Винтер, 1953, с. 357—359; ср. еще: Морозов, 1880, с. 215). Бурсье опубликовал этот ответ как в латинский, так и во французской версии (Бурсье, 1753, с. 411—424).

Не меньший интерес вызвала данная переписка в России. Большое количество списков письма сорбоннских богословов (в церковнославянском переводе) и ответов на него русских иерархов хранится в различных русских архивах. См., в частности: ГБЛ, ф. 733, № 6, л. 3—32; ГБЛ, ф. 256, № 467, л. 32—54 об.; ГБЛ, ф. 354, № 182, л. 319—337; ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 92 об.—118; ГПБ, Погод, 1125, л. 1—18 об.; ГПБ, Петерб. дух. акад. 427, л. 300—312 об. (ср.: Родосский, 1893, с. 385); ГПБ, Ф.1.181, л. 13 об.—20 об.; ГПБ, Помяловск. 40, л. 9 об.—33; ГПБ, Помяловск. 41, л. 1—63 об.; ГИМ ОР, Увар. 776/4°, л. 1—26 (ср.: Леонид, № 466); ГИМ ОР, Увар. 885/4°, л. 1—30 (ср.: Леонид, № 465); ЦГАДА, ф. 181, № 677/1179,

л. 14—61 об.; ЦГАДА, ф. 381, № 360, л. 1—7 об., 13 об. — 20 об.; ИРЛИ, Усть-Цилемск. 14, л. 124—136; ИРЛИ, Перетц, 155, л. 360—366 об.; БАН, Собр. тек. пост. 482, л. 320—337 об.; БАН, 12.6.220, л. 1—2; БАН, 45.8.273, л. 1—17; БАН, Устюжск. 39, л. 1—26; БАН, 34.4.26, л. 4 об.—15; ЦИАЛ, ф. 834, оп. 3, № 1891, л. 1—11.

⁴⁶ Об этом очень ясно говорится в письме сорбонских докторов к русским иерархам:

«Научаем во первых; яко Епископы властию божиею наследницы суть Апостолов и Христовы наместницы; Римский же Епископ, иже истинный есть С. Петра наследник, такожде властию божиею первый есть Епископ и первый Христов наместник, и по сему имени соединения кентр и сообщения видимый союз, от него же иматъ Апостольский престол *сильнейшее первоначальство*, яко же глаголет святой Ириней [...]. Первоначалие сие Римскаго епископа на Евангельских словесех основанное, древним первым церкви веков преданием освидетельствованное, исповедаша осмь оныи первыи, яже церковь Российская приемлет, соборы Вселенскии. Сие едино есть о первоначальстве Римскаго Епископа, еже во всей церкви согласною и единодушною верою содержим. Прочая в нихже несть сиецаго согласия между Кафоликами, не суть сиецые догматы яже бы в веры Кафолическия уставе или исповедании содержалися [...].

Во истину Французов учение сие есть: яко сия, юже святой престол иматъ во всей церкви, и надо всяким церкви пастырем особенно, власть, не вручена есть воле Римскаго Епископа, ниже по его хотению и изволению совершатися иматъ: но употребление ея, по святым правилам духом божим уставленным и первых веков честию освященным, умерено быти иматъ: пастырей собранию подана есть непосредственне от Христа Господа вящшая власть, ей же повиноватися должен и сам Папа, о вещех надлежащих к вере ко искоренению раздора и исправлению церкви, якоже уставлено есть на соборах наших Вселенских Константиенском и Василиенском, явно объявлено от клира Французкаго, и от священнаго богословов Парижских чина всегда защищено.

Также содержим, яко разсуждение Римскаго Епископа не есть непогрешительное веры правило; разве приступит согласное всея церкви разсуждение. Власти Папиной, сиречь, токмо духовной, ни едина от Христа дана власть прямая или непряма на имени временная Царей, и не может он ни коея ради вины и ради самаго благочестия подданных от послушания ко Государем, или от клятвы верности разрешити. Сия же учим и содержим ведущим Римлянам, и сим, иже власть Римскаго Епископа пространнее разширяюще, противно нам мудрствуют. Обаче понеже веры самая сия различных мнений распри о первоначальстве Римском не досязают; того ради мира ниже мы с ними разрушаем, ниже они с нами разрушают; но вси в едином и том же сообщении пребываем. Сие токмо прилагаем, яко что либо властию нынешнею во избрании Епископов или подтверждении или в разрешениях творит Римский Епископ или по церковью попушениям, или по уговорам с Королями составленным, или по Патриаршескому своему достоинству, сия глаголю, власть не может простертися к сим церквам, в них же обычаем не утвердися сиецое политическое уставление; ниже сие, когда в кое либо время, в неже о устроении мира между обеима Латинскою и Греческою церквами баше действие, в союз предложенное чтохом» (Журнал Петра, 1772, с. 428—430).

Ср. соответствующий текст в французском оригинале:

«D'abord nous enseignons que les Evêques sont, par l'institution de Dieu, les successeurs des Apôtres et les Vicaires de Jesus-Christ; que l'Evêque de Rome, qui est le

successeur légitime de S. Pierre, est aussi de droit divin le premier des Evêques, et le premier Vicaire de Jesus-Christ, et qu'en cette qualité, il est le centre de l'unité et le lien visible de la communion. C'est ce qui fait dire à saint Irenée que le Siège Apostolique de l'Evêque de Rome a une *principauté plus puissante* [...].

Cette primauté de l'Evêque de Rome, qui est fondée sur les paroles de l'évangile et sur la tradition des premiers siècles de l'Eglise a été reconnue par les huit premiers Conciles généraux que l'Eglise de Russie reçoit, et dont elle respecte l'autorité.

Voilà la seule chose que nous faisons profession de croire d'une foi unanime dans l'Eglise universelle, touchant la primauté du Pape. Quant aux autres points sur lesquels on ne trouve pas le même concert entre les Catholiques, ce ne sont point des dogmes qui soient compris dans la règle de la foi [...].

En effet, l'Eglise Gallicane enseigne que le saint Pere ne doit point se servir de l'autorité qu'il a dans toute l'Eglise, et sur chaque Evêque en particulier, de son propre mouvement, et d'une maniere arbitraire; mais que l'usage de cette autorité doit être réglé selon des saints canons, dictés par l'esprit de Dieu, et consacrés par le respect des premiers siècles: que la souveraine puissance a été immédiatement accordée de Dieu au corps des Evêques, auquel le Pape lui-même est obligé d'obéir dans tout ce qui regarde la foi, l'extinction du schisme, et la réformation de l'Eglise. Doctrine expressément définie par nos Conciles oecuméniques de Constance et de Bâle, solennellement reconnue et autorisée par le Clergé de France, et constamment deffendue par les Théologiens de Paris.

De plus, nous tenons que le jugement de l'Evêque de Rome n'est point une règle infaillible de la foi, à moins qu'il ne soit confirmé par celui de l'Eglise universelle; et qui le Pape n'ayant qu'un pouvoir purement spirituel, n'a reçu de Jesus-Christ aucun droit, ni directement, ni indirectement, sur le temporel des Rois, et qu'il ne peut, sous aucun prétexte, même de Religion, dispenser les sujets d'un Prince de l'obéissance qu'ils lui doivent, ni les dégager du serment de fidélité.

Or l'Eglise Romaine n'ignore point que nous tenons, et que nous enseignons cette doctrine; et s'il y a des Théologiens qui pensent différemment, et qui donnent plus d'étendue aux droits du Pontife Romain, comme cette diversité de sentimens ne touche point le dogme de la primauté, nous ne rompons point avec eux, ni eux avec nous; et nous demeurons unis par les liens d'une seule et même Communion.

Enfin, nous ajoutons que toute l'autorité que le Pape exerce selon le droit nouveau, soit pour élire les Evêques, soit pour confirmer leurs élections, soit même pour les dispenses, ne lui appartient que par les concessions des Eglises, ou par les concordats qu'il a faits avec les Rois, ou enfin à cause de sa dignité Patriarchale; de sorte que cette autorité n'aura point lieu par rapport aux Eglises où elle n'a point encore été introduite; et nous ne voyons pas qu'on ait proposé aux Grecs de s'y soumettre, quand il s'est agi de concilier l'Eglise Grecque avec l'Eglise Latine» (Бурсье, 1753, с. 376—380).

⁴⁷ Достоинно внимания то обстоятельство, что копии записки сорбонских богословов и ответов русских иерархов (в переводе на французский язык) были сделаны в Гааге в августе 1728 г., т. е. перед отъездом Жюбе в Россию, и затем оказалась у кн. И. П. Долгорукой. В Никольском — подмосковном имении Долгорукой — находился документ, озаглавленный: «Memoire des Mrs de Sorbonne présenté à S. M^{jté} Czarienne pour les Eveques de Russie, touchant la reunion de l'Eglise de Russie avec Latine, suivi de deux Responces des Eveques de Russie fait à la Haye le 18 Aout 1728; le 11 Octobre [...] 1729. A Nicolsque» (МИД АВПР, ф. Духовные дела иностранных исповеданий, 1729, оп. 10/1, д. 1, л. 3, 17—25 об.); на документе помечено, что копии записки и первого ответа (т. е. ответа, подготовленного Феофаном Прокоповичем) сняты компаньонкой И. П. Долгорукой (прибывшей с ней из Голландии) мадемуазель де Беер [Mlle de Beer] (л. 3).

До нас дошел и перевод этих текстов на «простой русский язык» (сделанный, очевидно, по распоряжению Жюбе): «Traduction en Langue Russienne de Memoire des Mrs de Sorbonne touchant la reunion de l'Eglise de Russie avec la Latine, avec les Respon- ses des Eveques de Russie à Mrs de Sorbonne. Перевод на Простой руской язык Предлога Господ Сорбонских учителей о соединении Россииския церкви с Латинскою. Тут же и ответы россииских архиереев оным Г[оспо]дам Сорбонским учителем. В октябре м[е]с[я]це 1729» (там же, л. 1, 26—49 об.). Это черновая рукопись с многочисленными исправлениями, отражающими работу над текстом; как показывает почерк, перевод был сделан А. А. Вешняковым — ближайшим помощником Жюбе, о котором мы специально говорим в § 4 настоящей работы. На рукописи имеется помета, что с нее была снята беловая копия, которая была куда-то отправлена 7/26 октября 1729 г.: «La copie au net da [sic!] memoire a été fait et envoyé le 7/26 8re 1729» (л. 1). Итак, сорбоннская записка была переведена в России как на церковнославянский, так и на русский язык: если церковнославянский перевод (Феофилакта Лопатинского) был выполнен с латинского текста, то русский перевод (А. А. Вешнякова) был сделан с французского оригинала. Равным образом с французского на русский были переведены и ответы русских иерархов на сорбонскую записку (там же, л. 38—49 об.).

⁴⁸ Петипье — доктор Сорбонны, видный янсенист, как и Бурсье; см. о нем, в частности: История, 1765, с. 459; Пирлинг, 1882, с. 73 (примеч. 1), 76. Вместе с Бурсье он был одним из инициаторов миссии Жюбе; 20 марта 1727 г. Петипье обратился к Жюбе с письмом, уговаривая его взяться за это дело (Бурсье, 1753, с. 319—323). Что касается Ордена ораторианцев, то это был оплот янсенистов.

⁴⁹ См. письма Бурсье к Жюбе от 27 июня и 11 июля 1728 г. (Бурсье, 1753, с. 468—475), а также принцессы Овернской к Жюбе от 21 ноября 1726 г. (там же, с. 318).

⁵⁰ Жюбе писал позднее, что ему удалось распространить в Москве более 400 книг религиозного содержания (на разных языках). См. его письмо к брату Клоду-Роберу от 10 августа 1733 г. из Лейдена (Библ. Труа, № 2337, л. 13; Арх. Пирлинга, л. 227; ср.: Пирлинг, IV, с. 334).

⁵¹ В самом деле, Бурсье определенно знал о существовании церковнославянского перевода Библии (как будет видно из нижеследующего изложения, о церковнославянской Библии шла речь в беседах Бурсье как с кн. В. Л. Долгоруким в 1719—1722 гг., так и с кн. А. Б. Куракиным в 1728 г.). Вообще, Бурсье был достаточно хорошо подготовлен для того, чтобы давать Жюбе компетентные советы (его информированность о Русской Церкви проявилась, между прочим, уже во время встречи с Петром I в Сорбонне 14 июня 1717 г., когда французский богослов оказался более сведущим в вопросах православного вероучения, чем русский царь, — Бурсье, 1753, с. 285—291; ср.: Пирлинг, IV, с. 253; Крейкрафт, 1971, с. 38). Существующий (церковнославянский) перевод Св. Писания, по-видимому, не устраивал янсенистов, которые были вообще сторонниками перевода церковных книг на живые национальные языки (Брюно, V, с. 25—31; ср.: Успенский, 1985, с. 131). Интересуясь Россией, Бурсье мог быть в курсе русской языковой ситуации и отдавать себе отчет в различиях между церковнославянским и русским языком.

Источником сведений Бурсье о русской языковой ситуации могла быть, между прочим, грамматика русского языка («Grammaire et Methode Russes et Françaises»), составленная в 1724 г. Жаном Соје, «переводчиком славянского, российского и

польского языков» в Королевской библиотеке (Jean Sohier, *Interprete en Langues Esclavonne, Russe et Polonnoise dans la Bibliotheque du Roy*). Эта грамматика была поднесена автором аббату Биньону [Jean-Paul Bignon], королевскому библиотекарю и президенту парижских академий, и с 12 января 1725 г. хранилась в Королевской библиотеке (в настоящее время хранится в парижской Национальной библиотеке под шифром: Slave 5/Апс. 462; см. изд.: Соёе, 1987; ср. также: Успенский, 1988). В грамматике Соёе проводится четкое различие между церковнославянским и русским литературным (письменным) языком, который при этом противопоставляется стилистически неупорядоченной разговорной речи; при этом подчеркивается относительно большая близость литературного языка к церковнославянскому, а не к разговорной речи (л. Н об.—J, ср. л. L; ч. I, с. 29—33, ср. с. 18—20, 24). В образцах русских фраз, которые приводит Соёе в своей грамматике, могут слышаться отголоски разговоров о соединении Церквей, ср., например: «Церкви на таком основании, как до сего времени были, остаться будут» (ч. II, с. 296). Уместно отметить в этой связи, что аббат Биньон, которому Соёе посвятил свой труд, был янсенистом.

⁵² Пирлинг (IV, с. 313) указывает, что Бурсье рекомендовал аббата Жюбе кн. Б. И. Куракину; это могло случиться до 17 октября 1727 г. (дата смерти Куракина); первые известия о возобновлении интереса Сорбонны к России датируется октябрём 1726 г. (Пирлинг, IV, с. 315). Гораздо более вероятно, однако, что речь идет не о Борисе Ивановиче, но о его сыне Александре Борисовиче Куракине.

⁵³ Свидетельство тому — хранящаяся среди прочих дипломатических документов Б. И. и А. Б. Куракиных папка документов, озаглавленная «Бумаги, касающиеся до Сорбонны» (ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 73). Среди них — несколько списков записки сорбоннских богословов в обратном переводе с латинского на французский язык (л. 28—35 об., 46—52 об.) и обоих ответов русских иерархов (ответ в редакции Феофана Прокоповича на латинском языке на л. 6—8; тот же ответ по-французски на л. 35 об.—38, 52—54 об.; ответ в редакции Стефана Яворского на французском языке на л. 38—43 об., 55—59), теологическое рассуждение о Евхаристии по католической догматике («*Demonstration de la possibilité de la presence réelle du corps de Jesus Christ dans l'Eucharistie conformément aux sentiments des Catholiques*», л. 12—17 об.), трактаты на эту же тему Б. Рибейры [Bernardus Ribera], Доминика Аргуэлле [Dominico Arguelle] и других, где обсуждается отношение католиков к Православной Церкви (л. 20—27), письмо Сорбонны аббату Жюбе от 24 июня 1728 г. (л. 60—65). Здесь же — копии благодарственных писем за русские книги кн. А. Б. Куракину от докторов Бурсье и Салмона и ответы на них Куракина (л. 66—68 об.; см. ниже).

⁵⁴ Характерен сам выбор книг: Куракин передает в библиотеку Сорбонны книги, одинаково признаваемые как Восточной, так и Западной Церковью, т. е. книги, объединяющие эти Церкви. Речь отнюдь не идет об ознакомлении сорбоннских богословов со специфически русской православной литературой или же с текстами нового, синодального, периода (типа «Духовный регламента» и т. п.). Передача книг имеет, таким образом, скорее символический, а не познавательный характер.

⁵⁵ Характерны в этом смысле предписания, которые Бурсье дает Жюбе перед отправлением его в Россию. По плану Бурсье, Жюбе должен был встретиться в

России с В. Л. Долгоруким и вернуться к разговору о переговорах Сорбонны с представителями Русской Церкви — разговору, который в свое время сам Долгорукий вел в Сорбонне с Бурсье. «Чтобы лучше напомнить ему обстоятельства этого разговора, — наставлял Бурсье своего эмиссара, — можно упомянуть о географической карте и Библии, которые он обещал; но при этом не следует, как вы хорошо понимаете, намекать ему, что мы просим их, ибо на самом деле речь идет не об этом» («Pour lui rappeler davantage les circonstances de cette conversation, on pourra lui parler d'une Carte géographique et d'un Bible qu'il avoit eu la bonté de promettre; mais il ne faut pas, comme vous comprenez bien, lui donner lieu de croire qu'on demande, comme en effet on n'en est pas là» — письмо Бурсье к Жюбе от 27 июня 1728 г., см.: Бурсье 1753, с. 470). Во всех этих случаях разговор о книгах выступает как средство, позволяющее перейти к более важным материям.

Любопытно отметить, что упоминание церковнославянских книг фигурирует и в начале записки сорбоннских богословов (см.: Бурсье, 1753, с. 369 или 393; Толстой, 1863, с. 368; Журнал Петра, 1772, с.425). Тема книг оказывается, таким образом, регулярным мотивом в акциях, направленных на соединение Церквей.

⁵⁶ По пути в Россию Жюбе сообщает в одном из писем (написанном, по-видимому в Данциге): «Князь Куракин, посол во Франции, еще находится здесь. Хотя в дороге княгиня изменила свое имя, он нас разыскал. Мы провели много времени вчера, и я должен встретиться с ним сегодня утром по поводу письма г. [Бурсье], которое он получил» («Le Prince Kurakin ambassadeur en France s'est trouvé encore ici. Quoique la Princesse ait changé de nom sur la route et ici, il nous a deterré, nous fumes longtemps hier ensemble et je dois passer la matinée aujourd'hui avec lui au sujet d'une lettre de M... [Boursier] et qu'il a reçue» — Библ. Труа, № 2213, л. 45; Арх. Пирлинга, л. 3; имя Бурсье вписано над строкой другой рукой). В другом письме — из Данцига, 9 ноября 1728 г. — Жюбе писал: «Князь Куракин, который выехал из Берлина в воскресенье вечером, при том, что мы выехали на следующий день, также имел остановку в дороге потому, что у него сломалась ось. Мы встретились перед воротами, хотя он приехал вчера; мы стараемся как можно меньше встречаться и вместе путешествовать, так как тогда потребовалось бы слишком много лошадей для наших экипажей. Я прочитал два письма, которые он получил. Мы до него приедем в Ригу, потому что он задержится на несколько дней в дороге» («Le Prince Kurakin qui partit de Berlin dimanche au soir et nous le lendemain, s'est trouvé aussi arrêté en chemin par des essieux cassés, etc. Nous nous sommes rencontrés aux portes, neantmoins il est arrivé hier, on fait ce qu'on peut pour ne pas se rencontrer ni aller ensemble a cause du grand nombre de chevaux qu'il faudroit a la fois pour fournir les voitures. J'ai lu les 2 lettres qu'il'a reçues. Nous arriverons à Riga avant lui parce qu'il reste quelques jours en chemin» — Библ. Труа, № 2213, л. 39; Арх. Пирлинга, л. без номера). Через несколько дней Жюбе сообщал из Пиллау другому своему корреспонденту: «Мы встретились в Данциге с князем Куракиным, которого его дела вынудили избрать другой маршрут. Мы соединимся во всяком случае в Курляндии, у герцогини, которую княгиня не может не видеть потому, что они подруги» («Nous avons encore trouvé à Dantzick le Prince Kurakin que ses affaires ont obligé de prendre une autre route. Nous nous rejoindrons au moins en Courlande chés la Duchesse que la Princesse ne peut se dispenser de voir, étant son amie» — Библ. Труа, № 2213, л. 42; Арх. Пирлинга, л. без номера). Тем не менее они встречаются уже в Кенигсберге; в письме из Кенигсберга от 16 ноября 1728 г. Жюбе писал: «Мы снова соединились здесь с князем Куракиным, который также уезжает сегодня» («Nous avons rejoint ici le Prince Kurakin qui part aussi aujourd'hui» — Библ. Труа, № 2213, л. 38; Арх. Пирлинга, л. без номера). Как видим, маршруты Куракина и Жюбе пересекались.

⁵⁷ В письме Бурсье от 30 августа 1728 г. есть постскриптум, где упоминается о знакомстве Куракина с еще одним видным яansenистом, а именно аббатом Франсьером: «Аббат Франсьер, который имел честь принимать Вас у себя, берет на себя смелость выразить свое нижайшее почтение» («M^r l'abbé de Francière qui a eu l'honneur de vous recevoir chez lui, prend la liberté de vous presenter ses tres humbles respects» — ГИМ ОПИ, ф. 3, оп. с., № 40, л. 6 об.; ГИМ ОПИ ф. 3, оп. с., № 73, л. 66 об.) Аббат Франсьер [Vincent-Charles-Antoine Belloy de Francière] — один из докторов Сорбонны, которые подписали как сорбоннскую записку 1717 г., так и письмо Сорбонны к Жюбе от 24 июня 1728 г.

⁵⁸ По указанию Пирлинга (IV, с. 368), Третьяковский был рекомендован Бурсье в 1728 г. кн. Василием Лукичем Долгоруким. По всей видимости, это недоразумение, поскольку Долгорукий, кажется, не выезжал в это время из России и нет никаких указаний на его знакомство с Третьяковским. По-видимому, Пирлинга ввел в заблуждение то обстоятельство, что Третьяковский способствовал выполнению обещания (относительно книг), данного в свое время В. Л. Долгоруким, — имена Третьяковского и Долгорукого фигурируют в одном и том же контексте.

⁵⁹ Пирлинг (IV, с. 368) указывает, что в связи с миссией Жюбе Третьяковский был в Англии: по его словам, Третьяковский отправился в Лондон, отвозя в своем чемодане драгоценную шпагу, украшенную бриллиантами, которую доверила ему кн. И. П. Долгорукая, чтобы выручить за нее деньги; деньги эти были, по-видимому, предназначены для задуманного предприятия.

Это недоразумение: Пирлинг спутал Третьяковского с Андреем Третьяковым, который еще в 1715 г. был послан для обучения в Англию, а потом пребывал в Голландии при после кн. Б. И. Куракине (см. о нем реляцию Кантемира от 18 апреля 1732 г. — Александренко, I, с. 8—9). Именно Андрей Третьяков и был тем лицом, которому кн. И. П. Долгорукая доверила свою драгоценную шпагу; Третьякову не удалось выручить за нее необходимые деньги, и она осталась в Англии. Жюбе отмечает в своих записках, что 7 февраля 1736 г. в Лондон был отправлен некий человек, которому дали расписку, полученную в свое время от Третьякова, и который должен был у него забрать шпагу И. П. Долгорукой, а также ее письма и записки (выписка из записок Жюбе — Библ. Труа, № 2213, л. 36—37; Арх. Пирлинга, л. 5—6).

Любопытно, что в биографиях Третьяковского, опубликованных после его смерти и в значительной степени основывавшихся на устных источниках, указывается, что Третьяковский, оказавшись за границей, побывал в Голландии, во Франции и в Англии (см.: Новиков, 1722, с. 217; Третьяковский, 1775, л. 1); можно предположить, что эти сведения также отражают отождествление Третьяковского и Третьякова.

⁶⁰ В издание «Сочинений и переводов» 1752 г. эти стихи вошли в переработанном виде, причем соответствующее место читается так:

И не двоякий твой догмат:
Раскол стремится только в ад.

Как справедливо указывает комментатор сочинений Третьяковского Я. М. Строчков (1963, с. 473), здесь, скорее всего, имеются в виду не расхождения православных и старообрядцев, которые не имели догматического характера, а догматические расхождения между православными и католиками по вопросу об исхождении Святого Духа.

⁶¹ И. Калушкин замещал А. Б. Куракина (т. е. управлял делами посольства) после того, как тот отбыл из Парижа в Россию в июле 1728 г.; Калушкин служил в Париже еще при кн. В. Л. Долгоруком (он числился при нем учеником). Впоследствии Калушкин был поверенным в делах в Пруссии (в 1730 г.) и в Дании (в 1731 г.); в 1737 г. он становится резидентом в Персии. См.: Н. Бантыш-Каменский, IV, с. 96—97, 52—53; Списки дипломатов, II, с. 319; ср. еще: Архив Куракина, II, с. 149, 156; Архив Куракина, III, с. 77; Архив Воронцова, I, с. 98.

⁶² По рекомендации А. Г. Головкина в Петербург были приглашены многие европейские ученые; его роль в организации Академии наук особо отмечалась в инаугурационной академической речи. См.: Копелевич, 1977, с. 76—77.

⁶³ Характерно, что А. Г. Головкину посвящается немецкий перевод Большого катехизиса Петра Могилы, изданный в 1727 г. И. Л. Фришем (1666—1743); Фриш в свое время был учителем И. Г. и А. Г. Головкиных. См.: Пекарский, 1862, II, с. 190; Пекарский, 1864, с. 9—10; Айхлер, 1967, с. 16, 18.

⁶⁴ По всей видимости, Третьяковский пользовался денежной помощью А. Б. Куракина и до отбытия последнего в Россию. В посвящении «Езды в остров Любви» А. Б. Куракину Третьяковский пишет, что тот в «чужестранных краях» содержал его на своем иждивении «чрез несколько лет» (Третьяковский, III, с. 643). Этому не противоречит то обстоятельство, что, оказавшись в Париже, Третьяковский сразу же (1/12 декабря 1727 г.) обращается в Синод с просьбой о денежном вспоможении (Чистович, 1859, столб. 157—158). Вероятно, он сделал это по совету Куракина. Третьяковскому, очевидно, было отказано (см. отзыв о нем московской Славяно-греко-латинской академии от 5 апреля 1728 г., данный в ответ на запрос Синода, — там же, столб. 158), после чего Куракин и принял его на свой кошт. В автобиографической «ведомости» 1754 г. Третьяковский упоминает своих парижских «благодетелей», на средства которых он обучался наукам: «[...] пришел в Париж, где в Университете, при щедром Благодетелей моих меня содержании, обучался Математическим и философским Наукам, а Богословским там же в Сорбонне» (Пекарский, 1865, с. 30). О «высоких благодетелях», помогавших ему в годы учения, Третьяковский говорит также в своем доношении в Академии наук от 14 ноября 1737 г. (Материалы АН, III, с. 518; то же повторяется в справке Академии наук от 30 ноября 1737 г. — там же, с. 529). Под «благодетелями» имеются в виду А. Б. Куракин и, скорее всего, А. Г. Головкин.

О покровительстве, которое оказывал А. Б. Куракин Третьяковскому в Париже, было достаточно хорошо известно в XVIII в. Г.-Ф. Миллер утверждает в своей истории Академии наук, что Куракин постоянно покровительствовал Третьяковскому: «Allein der fürst Kurakin war allezeit sein grosser gönner» (Материалы АН, VI, с. 172). 23 ноября 1753 г. петербургский купец Василий Никитич Коржавин, отправивший сына Федора (впоследствии известного культурного деятеля) учиться в Париж, писал брату Ерофею Никитичу: «А когда ж требовать у меня будет Париж по 300 р. в год, то, друг мой, я не князь Куракин, который кормил в Париже Третьяковского! Я могу на будущую весну парнишка своего и обратно в Петербург взять и для науки определить в Академию» (Пекарский, 1872, с. 412).

⁶⁵ В предисловии к «Езде в остров Любви», объясняя обстоятельства, при которых он взялся за перевод этой книги, Третьяковский говорит: «Когда я был в Гамбурге по случаю чрез несколько время, где не имея никакова дела со скуки я

пропадал. Между тем его сиятельство князь Александр Борисович Куракин, которой отеческую и щедрую свою милость и по ныне мне кажется, повелел мне чрез одно свое письмо из Москвы перевести какуюнибудь книжку Французскую на наш язык, и то для того, дабы все мое время не тратилось» (Третьяковский, III, с. 648). Создается впечатление, что Третьяковский находился в Гамбурге, ожидая какого-то поручения.

⁶⁶ Характерно, что тот же А. Г. Головкин, у которого столовался Третьяковский в Париже, будучи послом в Гааге, решительно отказал в помощи обратившемуся к нему другому русскому студенту — М. В. Ломоносову. См.: Ломоносов, X, с. 425—426; Морозов, 1962, с. 389.

⁶⁷ Ср., например, запись от 6 февраля 1726 г. в «Книге для записи паспортов...» о выдаче паспорта «по требованию Феофана архиепископа новгородского студенту Леонтию Зенковскому, отпущенному из России для наук во окрестные европейские государства» (МИД АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, 1726, оп. 2/6, д. 3541, л. 6 об.). Текст ходатайства Феофана см. в «Трудах Киевской духовной академии», 1865, октябрь, с. 267.

⁶⁸ Иероним Колпецкий, насколько мы знаем, не преподавал в классе Третьяковского. Во всяком случае Иероним был тесно связан с Софронием Мигалевичем, который преподавал Третьяковскому риторике и, видимо, пиитике (см. § 1 настоящей работы): Софроний Мигалевич, Иероним Колпецкий, а также Герман Копцевич были постриженниками Киево-Печерского монастыря и были вызваны из Киева осенью 1721 г. ректором Славяно-греко-латинской академии Феофилактом Лопатинским как «мужи, ко учению философии, риторики и пиитике способные»; в Москву они прибыли в мае 1722 г. (ОДДС, I, столб. 675—676, 678; Харлампович, 1914, с. 655).

Достоин внимания при этом, что, вернувшись в Москву 3 января 1731 г. (см. письмо Третьяковского к Шумахеру от начала января 1731 г. — Письма XVIII в., с. 44), Третьяковский считал нужным немедленно явиться к Герману Копцевичу, который стал к этому времени ректором Славяно-греко-латинской академии; по-видимому, это произошло не позднее 18 января 1731 г. (см.: Успенский, 1985, с. 128—130). Не исключено, что Герман Копцевич был в той или иной мере осведомлен об обстоятельствах отъезда Третьяковского за границу.

⁶⁹ 24 января 1726 г. служитель И. Г. Головкина Алексей Трубачев обращается в Синод с просьбой «отпустить с иеромонахом Иеронимом в Голландию святой антиминс и святое миро [...]; что и разрешено Святейшим Синодом в тот же день» (ОДДС, V, столб. 357); быстрота исполнения этой просьбы заставляет думать, что Иероним и Д. М. Головкина выехали сразу же после получения паспортов, т. е. после 26 января.

⁷⁰ Францисканцы и их «меньшие братья» капуцины («*fratres minores*»), как они сами себя называли) в качестве домашних учителей или домашних священников были вхожи во многие знатные и могущественные семейства того времени: домашними учителями А. Д. Кантемира (отец его кн. Дмитрий Кантемир был одним из первых вельмож при Петре I) были капуцины Антоний Мария д'Амелиа Луалд (Грасгоф, 1966, с. 27), о котором мы уже упоминали, и Октавий Мария из Милана (Octavio Maria da Milano — Флоровский, 1962, с. 334). В 1721—1723 гг. в

петербургской школе капуцинов под руководством Аполлинария из Швица [Apolinaire da Sui] обучались русские «кнобли» и сын одного из царских фаворитов (Флоровский, 1962, с. 320); сам Аполлинарий преподавал немецкий язык секретарю Кабинета Петра (Захария, 1942а, с. 369). Церковную службу в петербургском доме гр. Растрелли отправлял францисканец Кондилье из Парижа (МИД АВПР, ф. Духовные дела иностранных вероисповеданий, 1721, д. 1, л. 16), а в доме контр-адмирала М. Змаевича — францисканец Микель Анджело де Вестинье [Michael Angelus a Vestigné] из Турина (там же); заметим, что контр-адмирал Змаевич был братом архиепископа Винченца Змаевича, известного католического деятеля в Далмации, который специально интересовался католицизмом в России (Пирлинг, IV, с. 298).

Орден капуцинов пользовался, по-видимому, особым расположением Петра I, см. об этом в письме капуцина Аполлинария в Рим от 11 марта 1723 г. (Захария, 1942а, с. 369). В этом письме Аполлинарий упоминает, между прочим, об особых дружеских отношениях с «главным фаворитом царя» («un grèncipale favorito di Sua Maestà Czariana mio special'amico» — там же). Равным образом и Патриций пользовался покровительством «одного из самых могущественных министров этого [т. е. русского] двора («d'uno de più potenti Ministri di quella Corte» — письмо Микель Анджело де Вестинье 1724 г., см.: Арх. Конгр. Проп. Веры, SORC, vol. 643 (1724), л. 392). Антоний Мария д'Амелиа Луалд, бывший учителем как Кантемира, так и Третьяковского, встречался в Астрахани с Петром I, который, по его словам, одобрил его начинания (Захария, 1942, с. 16; Флоровский, 1962, с. 333). Особый интерес Петр проявлял, кажется, к капуцину Джакомо д'Оледжио (Giacomo d'Oleggio — Флоровский, 1966а, с. 215—219; ср.: Захария, 1942а, с. 211 сл.). Во время пребывания Петра в Париже в 1717 г. Б. И. Куракин сообщил папскому нунцию кардиналу Бентивольо, что царь желал бы, чтобы в его новой столице (Петербурге) был капуцинский монастырь («[...] sua Maestà desiderava, che si stabilisse un Convento de Cappuccini nella sua nuova Città di Peterbourg» — Арх. Конгр. Проп. Веры, Acta, vol. 87 (1717), л. 274).

⁷¹ Вернувшись в Италию, Патриций не забывал о России, продолжая в какой-то мере способствовать католическому просвещению в этой стране. Свидетельством тому может служить книга «Catechismo cioe Instrutione seconde il Decreto del Concilio di Trento... In Venetia, MDCLXXXIV», которая была привезена в 1733 г. из Италии в Астрахань капуцином Giuseppe dalle Cese. На книге находится надпись: «Questo libro é [нрзбр] di me fra Patritio Milanese Capucino Missionario Apostolico in Georgia e in Russia [нрзбр] molti Anni. Il P. Patritio parti di Moscha [нрзбр] Italia l'Anno 1725» (Астраханский гос. объединенный историко-археологический музей-заповедник, шифр: АМЗ КП 3256/20).
кн.

⁷² Миллер вообще нередко может ошибаться в конкретных деталях, правильно излагая суть событий. Так, например, он сообщает, что кн. А. Б. Куракин, выезжая из Парижа, взял с собой Третьяковского и они вместе прибыли в Петербург 10 декабря 1728 г. (Материалы АН, VI, с. 172). Это неверно, поскольку Третьяковский, как мы знаем, по поручению Куракина задержался в Гамбурге. Вместе с тем отношения Третьяковского и Куракина и зависимость передвижений Третьяковского от передвижений Куракина охарактеризованы более или менее правильно.

⁷³ По словам Бурсье, «к числу членов Синода, которые были расположены [к предприятию Жюбе], необходимо прибавить киевского архиепископа, которого ценил Жюбе» («A ces membres du Synode assez bien intentionnés, il faut joindre l'Archevêque de Kioff, pour qui M. Jubé avoit de l'estime» — Бурсье, 1753, с. 346); ср.: История, 1765, с. 551. О Варлааме Ванатовиче см.: Рыболовский, 1908; Крыжановский, 1861.

⁷⁴ Ср.: «[...] молодые люди сначала должны были быть помещены в Московскую коллегию, затем они должны были перейти в Киевскую, где тамошний архиепископ имел бы о них особое попечение. После того, как они овладевали достаточными познаниями, их надлежало направить в Париж для обучения в университете» («[...] les jeunes gens auroient été placés d'abord au Collège de Moscou, ensuite ils auroient passé à celui de Kioff, sur lequel l'Archevêque, qui étoit alors en place, veilloit d'une manière particulière. Quand les jeunes gens auroient été plus avancés, on les auroit envoyés à Paris, étudier dans l'Université» — Бурсье, 1753, с. 351).

Несколько иначе излагает этот эпизод анонимный автор «Истории утрехтской церкви» (см. ниже, примеч. 115).

⁷⁵ Характерно, что, упоминая о своей учебе в Славяно-греко-латинской академии, Тредиаковский, как правило, называет ее «училищем», «училищами» (см., например, предисловие к «Аргениде» — Тредиаковский, 1751, с. LVIII; доношения в канцелярию Академии наук от 2 и 17 мая 1743 г. — «Москвитянин», 1851, № 11, с. 227; «Москвитянин», 1853, № 15, с. 31; Материалы АН, V, с. 680) или же говорит об обучении в Заиконоспасском монастыре (письмо в Синод от 1/12 декабря 1727 г. — Чистович, 1859, столб. 157; автобиографическая «ведомость» 1754 г. — Пекарский, 1865, с. 30); письмо в Синод из Парижа от 1/12 декабря подписано: «былый ученик Московских школ...» (Чистович, 1859, столб. 158). Между тем в трактате «О древнем, среднем, и новом стихотворении Российском» (1755 г.) Тредиаковский говорит о «училище [...] Московском в Заиконоспасском монастыре, называемом также, по Богословскому факультету, Академиею» (Тредиаковский, I, с. 774—775).

Равным образом и в Киево-Могилянской академии название «академия» в принципе относилось лишь к классам философии и богословия (Линчевский, 1870, с. 535).

⁷⁶ Кантемир и Тредиаковский позднее состояли в переписке. См. письма Тредиаковского к Кантемиру от 14/25 марта 1743 г. (Письма XVIII в., с. 49—50; ср. ответ Кантемира от 21 апреля 1743 г. — Майков, 1903, с. 185), от 16/27 мая 1743 г. (Кантемир, II, с. 440), от 11/22 августа 1743 г. (Письма XVIII в., с. 50—51). Есть основания полагать, что они переписывались и раньше: так, в письме Гроссу от 2 сентября 1737 г. Кантемир пишет о словаре, который Тредиаковский упоминает в письме к нему (Майков, 1903, с. 89; ср.: Письма XVIII в., с. 62).

⁷⁷ Октавий Мария прибыл в Астрахань в 1772 г. и пробыл здесь совсем недолго (ОДДС, III, столб. 466).

⁷⁸ Кн. Д. Кантемир выехал из Астрахани в Москву 27 января 1723 г. (ср. запись в дневнике И. Ю. Ильинского под этим числом: «поехали из Астрахани к Москве [...]» — Майков, 1903, с. 310). Ему не суждено было, однако, доехать до Москвы: в дороге князь почувствовал себя плохо, и это заставило его, по-видимому, изменить

свои планы. Ввиду обострения болезни Д. Кантемир останавливается в своем имени — селе Дмитровке Орловского уезда, недалеко от Севска. Д. Кантемир и сопровождающие его лица прибыли в Дмитровку 19 марта 1723 г., а 22 августа того же года он скончался; 29 сентября тело покойного перевезли в Москву, и 1 октября 1723 г. его похоронили (см. дневниковые записи И. Ю. Ильинского — там же, с. 311—312). Тогда же, по-видимому, переезжает в Москву и семья покойного князя, в том числе и А. Д. Кантемир; 26 июня 1724 г. А. Д. Кантемир, вместе с братьями и сестрами, а также сопровождающим их И. Ю. Ильинским выехали из Москвы в Петербург, куда прибыли 9 июля того же года (дневник И. Ю. Ильинского — там же, с. 312).

Равным образом и Октавий Мария, выехавший из Астрахани с Д. Кантемиром, «поехал в его вотчину [т. е. в Дмитровку], где его светлостью и был удержан ради учения детей его»; позднее он отправился в Москву, откуда затем переехал в Петербург (ОДДС, III, столб. 465—466).

Таким образом, если Тредиаковский выехал из Астрахани с обозом Д. Кантемира, он мог доехать с ним только до Дмитровки, что составляло приблизительно три четверти пути. Нам неизвестно, каким образом он добрался из Дмитровки до Москвы, куда он попадает не позднее весны 1723 г. (см. выше, § 1 настоящей работы), но это, вообще говоря, не имеет отношения к обсуждаемой проблеме: поскольку по первоначальному плану обоз Д. Кантемира направлялся из Астрахани именно в Москву, Тредиаковский вполне мог отправиться с ним, чтобы попасть в Славяно-греко-латинскую академию.

⁷⁹ Как мы уже отмечали, под «высокими благодетелями», от которых получал Тредиаковский «крайнюю помощь», подразумеваются, по всей вероятности, А. Б. Куракин и А. Г. Головкин. См. выше, примеч. 64.

⁸⁰ Позднее, в 1749 г., Тредиаковский перевел «Аргениду» заново (Пекарский, II, с. 146; Материалы АН, IX, с. 51); этот перевод был издан в 1751 г., и Тредиаковский сообщает в предисловии, что он впервые перевел эту книгу, «будучи еще в Московских училищах, почитай токмо вступивши в риторический класс», т. е. в 1724—1725 гг. (Тредиаковский, 1751, с. LVIII).

Автограф первоначального перевода «Аргениды», выполненного Тредиаковским в период обучения в Славяно-греко-латинской академии (с авторскими исправлениями), попал затем в библиотеку Иеронима Колпецкого. Рукопись с владельческой записью Иеронима в настоящее время хранится в Библиотеке АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 335п/226. Надо полагать, что, уезжая за границу (вместе с Иеронимом), Тредиаковский захватил с собой рукопись «Аргениды» наряду с другими своими сочинениями (в статье «О древнем, среднем, и новом стихотворении Российском» он сообщает, что вывез с собой за границу драмы «Язон» и «Тит, Веспасианов сын» — Тредиаковский, I, с. 778). В Гааге Тредиаковский и передал, по-видимому, эту рукопись Иерониму Колпецкому; скорее всего, он сделал это перед своим отбытием в Париж (поскольку, как мы знаем, ему пришлось идти туда пешком). Возвратившись из Голландии в 1728 г., Иероним Колпецкий уехал в Киев (Харлампович, 1914, с. 560; ОДДС, VIII, столб. 131), и таким образом данная рукопись оказалась в собрании Киево-Печерской лавры (напомним, что Иероним был постриженником этого монастыря). Выпуская в свет новый перевод «Аргениды» и говоря о том, что ранее ему уже приходилось переводить это произведение, Тредиаковский отмечает, «что во всей России один токмо, и в одних руках экземпляр того перевода находится поныне,

который точно самый тот ныне паки мною отыскан, и так сохранен, что уже и я сам увидеть его никогда не возмогу» (Тредиаковский, 1751, с. LVIII—LIX). Конечно, речь идет именно о том экземпляре, который был отдан Иерониму Колпещкому. См.: Николаев, 1987.

⁸¹ По всей вероятности, это не соответствовало программе капуцинов, которые едва ли могли сочувствовать предприятию янсенистов. Капуцины, во всяком случае, знали о том, что кн. И. П. Долгорукая связана именно с янсенистами. Как сообщал в 1739 г. Матвей Караман [Matteo Caraman], петербургские капуцины считали, что княгиня «infetta di Jansenismo», т. е. заражена янсенизмом: «Французский священник был учителем в доме единственного из Долгоруких, который появился здесь после изгнания, — того Долгорукого, семью которого отец Рибейра называет католической и супругу которого отцы капуцины считают зараженной янсенизмом. Правда, этот французский священник был изгнан из Петербурга» («Un prete francese fu maestro in casa dell'unico Pr. Dolgorouki presente dall'esilio questo o quel Dolgorouki, la di cui famiglia il P. Ribera chiama cattolica e la cui moglie li P. P. Cappuccini considerano infetta di Jansenismo. E vero che il Prete francese fu scacciato da Pietroburg»). См.: Relazione dello stato presente si Politico che Ecclesiastico della Gran Russia presentata alla Sagra Congregazione di Propaganda Fide l'anno 1739 dal Sacerdote Matteo Caraman missionario Ap[osto]lico in quell Imperio — Арх. Конгр. Проп. Веры, Moscovia, Polonia e Ruteni, Misc., vol. I, л. 120).

⁸² Приводя записку испанского посла в Москве герцога де Лириа [de Lihria] к Жюбе, где обсуждается предполагаемое назначение Кантемира на дипломатическую службу и, между прочим, упоминается кн. И. П. Долгорукая (записка относится, видимо, к сентябрю 1729 г.; о герцоге де Лириа мы говорим в § 5 настоящей работы), Бурсье замечает: «Князь Валашский, о котором идет речь в этой записке, — это Антиох Касимир [sic!], которого Жюбе считал одним из самых ученых вельмож в этой стране или, скорее, единственным, кто заслуживает звания ученого. Он [Жюбе] был с ним [Кантемиром] тесно связан; и он поручил князю перевести на русский язык многие благочестивые сочинения, с тем, чтобы затем их распространять» («Le Prince de Valachie dont il est question dans ce billet, est Antiochus Casimir que M. Jubé regardoit comme un des plus sçavans Seigneurs du pays, ou plutôt comme le seul que méritât le nom de sçavant. Il étoit fort lié avec lui; et il avoit engagé ce Prince à traduire en Russe plusieurs Ouvrages de piété, pour les répandre ensuite» — Бурсье, 1753, с. 344; ср.: Пекарский, 1862, I, с. 43).

Со своей стороны, Жюбе в письме к архиепископу Бархману от 16 апреля 1730 г. говорит о Кантемире: «Князь переводит с французского на русский превосходно и с большой легкостью. Он взялся за перевод весьма большого произведения, которое я поручил ему не больше месяца назад, и мне сообщают, что перевод уже почти закончен» («Ce prince traduit le françois en russe en perfection et avec la plus grande facilité. Il s'est chargé de traduire une pièce assez considérable que je lui donnai il y a moins d'un mois et on m'annonce qu'elle est presque faite» — Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210; ср.: Грасгоф, 1963, с. 6; Грасгоф, 1966, с. 67; Пирлинг, IV, с. 335).

⁸³ В цитированном письме к архиепископу Бархману от 16 апреля 1730 г. Жюбе писал: «Князь Валашский, которому 22 года, этой весной отправляется в Париж с тем, чтобы получить руководство у лучших наставников; с ним едут два других господина примерно того же возраста, об одном из которых, гвардейском офицере, я

упоминал в предыдущих письмах; на его отъезд получено, наконец, согласие двора» («Le prince de Valachie, âgé de 22 ans, part ce printemps pour Paris dans le dessein de se former sur les meilleurs guides et par occasion deux autres seigneurs à peu près de même âge dont l'un est celui dont j'ai parlé dans mes précédentes, officier dans les gardes, au départ du quel la Cour a enfin consenti» — Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210; ср.: Грасгоф, 1963, с. 6; Грасгоф, 1966, с. 88). Здесь же говорится, что эти двое будущих спутников Кантемира находятся под его влиянием («[...] les deux autres qui suivront ses allures») и горят желанием учиться («Les deux autres ont au moins une ardeur incroyable de s'instruire» — там же).

Г. Грасгоф, опубликовавший данное письмо в отрывках, утверждает в своем монографическом исследовании о Кантемире, что речь идет здесь о сыновьях И. П. Долгорукой, которые, как полагает Грасгоф, должны были отправиться вместе с Кантемиром в Париж (Грасгоф, 1966, с. 67). Кажется, это недоразумение: сыновья Долгорукой были гораздо моложе Кантемира (ее старшему сыну было в это время не более тринадцати лет), тогда как в цитированном письме говорится о его ровесниках. Ср. еще ниже, примеч. 84.

⁸⁴ В том же письме от 16 апреля 1730 г. Жюбе писал архиепископу Бархману: «Я всячески хлопочу о том, чтобы отправить старшего князя Долгорукого не в Париж с тремя господами [имеются в виду А. Д. Кантемир и его спутники, о которых говорится в том же письме, см. выше, примеч. 83] — я опасаясь, как бы они не помешали там его благу, — но в Амерсфорт. В настоящее время он у меня исповедуется и хорошо учится, по примеру других, и он, мне кажется, так же любит молиться, как и они [...]. Сообщите, пожалуйста, какова годовая плата в Амерсфорте для тех, кто учится в колледже. Я был бы спокоен за него, если бы он оказался в таком хорошем училище» («Je sollicite par toutes les voies que je puis d'envoyer le prince aîné Dolgorouky non à Paris avec ces trois seigneurs, où je craindrois qu'ils ne fussent un obstacle à son vrai bien, mais à Amersfort. Il se confesse à moi à present et étudie bien à l'exemple des autres et il me paroît aussi ardent qu'eux pour la prière [...]. Mandez moi de combien je vous prie est la pension annuelle d'Amersfort pour chacun qui suit le cours du collège, je vous prie. Je serois bien tranquille sur son sujet s'il étoit en si bonne école» — Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210; ср.: Грасгоф, 1963, с. 6—7). Речь идет, по-видимому, о князе Владимире Сергеевиче Долгоруком; насколько можно понять, Жюбе собирается поместить его в какое-то янсенистское учебное заведение; при этом Жюбе выражает в данном письме беспокойство относительно духовного развития своего воспитанника. Беспокойство Жюбе имело основания: кн. В. С. Долгорукий, впоследствии известный дипломат (в 1762—1787 гг. он был посланником при дворе Фридриха Великого) был вольнодумцем и едва ли не атеистом (см.: Долгоруков, 1840, с. 168).

⁸⁵ Между прочим, один из сыновей И. П. Долгорукой, князь Петр Сергеевич Долгорукий (1721—1773), был женат на Софье Петровне Апостол (Долгоруков, I, с. 96, 108), внучке гетмана Даниила Апостола и дочери Петра Апостола, близкого друга Кантемира (об отношениях Кантемира и Петра Апостола см.: Берков, 1961, с. 196—199; Грасгоф, 1966, с. 61—66).

⁸⁶ Кантемир и А. Г. Головкин были хорошо знакомы и переписывались (их переписка за 1732 г. опубликована в изд.: Майков, 1903, с. 3—4, 10, 13—14; относительно позднейшей переписки см., в частности: Грасгоф, 1966, с. 203, 289; в архиве Кантемира сохранились 32 письма от А. Г. Головкина из Гааги за 1742 г. — МИД

АВПР, ф. Парижская миссия, 1742, оп. 94, д. 6). Отметим, что, выехав из России в начале 1732 г., Кантемир специально останавливается (по пути в Лондон) в Гааге, чтобы встретиться с А. Г. Головкиным (Грасгоф, 1966, с. 92—93; Стоюнин, 1867, с. LXXXI; ср.: Майков, 1903, с. 5, примеч. 3). Мы можем догадываться, что беседа двух дипломатов касалась не только международных отношений, но также затрагивала — в той или иной мере — и религиозные проблемы.

⁸⁷ Заслуживает внимания то обстоятельство, что два брата аббата Гуаско — Giovan Francesco Antonio Guasco (1708—1763) и Pier Alessandro Guasco (1714—1780) в 1739—1741 гг. служили в русской армии; они попали сюда по протекции Кантемира, который снабдил их рекомендательными письмами. Для дальнейшего изложения любопытно отметить, что эти братья Гуаско были как-то связаны с французским послом в России маркизом де ла Шетарди: благодаря рекомендации кардинала де Флэри, они жили в его доме. См.: Де Микелис, 1982—1983, с. 91, 101—102, 106; ср.: Лортолари, 1951, с. 34; Монтестье, 1914, с. 380—384; Кантемир, II, с. 148, примеч.; Майков, 1903, с. 140.

⁸⁸ Это не единственный литературный опыт Долгоруких: так, князь Александр Сергеевич Долгорукий перевел на французский язык трагедию Сумарокова «Синав и Трувор»; в 1751 г. этот перевод был издан в Петербурге в типографии Академии наук (Св. кат. XVIII в. на иностр. яз., III, с. 88, № 2822).

⁸⁹ Ср. в этой связи письмо А. Кантемира к И.-Д. Шумахеру от 24 февраля 1729 г. относительно печатания «Турецкой истории» Д. Кантемира. Говоря о достоинствах и недостатках книги своего отца, Кантемир замечает: «Всяк человек (кроме папы) будучи повинен прегрешению, ведаю что не нет и в сем сочинении несовершенств [...]» (Материалы АН, I, с. 456). Кантемир явно пишет о непогрешимости папы в ироническом контексте. Это не противоречит, как мы знаем, его яansenистской ориентации (ср. выше, примеч. 27 и 46).

⁹⁰ Как справедливо отмечает Гуаско (1749, с. 114), при всех своих связях с католиками Кантемир не принадлежал к Католической Церкви. Показательно в этом смысле, что, заболев и чувствуя приближение смерти, Кантемир в октябре 1740 г. обратился в Синод (через Коллегию иностранных дел) с просьбой назначить в Париж священника и выслать походную церковь с антиминсом; в Париже никогда не было до этого православной церкви (при кн. Б. И. Куракине в 1725—1727 гг. здесь был православный священник Даниил Яковлев, однако без церкви); последний раз Кантемир исповедовался и причащался в Лондоне, по-видимому, в 1737 г. (в марте 1744 г. Кантемир объявил своему духовнику, «что за немением при нем священника, семь лет не исповедывался и Божиих таин не причащался»).

27 мая 1741 г. Синод остановился выбором на вдовом и бездетном священнике из Белгородской епархии Андрее Григорьеве Геневском; в причетники были назначены студенты московской Славяно-греко-латинской академии Федор Бутырский (он же и Ушаков) и Александр Стахийев. 3 августа 1742 г. священник с причтом выехал из Петербурга, 21 октября 1742 г. он прибыл в Париж; однако походной церкви с антиминсом ему не дали и, следовательно, он не мог отслужить литургию и причастить Кантемира. Впрочем, у него были с собой запасные дары, однако Кантемир не захотел ими причаститься, поскольку, как сообщил впоследствии священник, «он в запасных дарах имел некое сумнительство».

Узнав о том, что его ожидания были напрасны, Кантемир пришел в ярость. Приняв причетников в свой дом, он отказал священнику в крове и пропитании. Священник оказался в необыкновенно трудном положении и, по существу, был обречен на голодную смерть; однако и Кантемиру становилось все хуже и хуже. В конце концов умирающий Кантемир заставил священника освятить церковь и служить литургию без антими́нса, что совершенно невозможно по православным канонам. После смерти Кантемира, 8 апреля 1744 г. (по ст. стилю) священник обратился в Синод с покаянным письмом, сообщающая о случившемся. Упомянув о том, что покойный «за непривозку к нему из России церкви» поступал с ним «прежестоким образом», священник Андрей Гене́вский писал, что он «принужден был без антими́нса кратким освящением освятить 25 марта, в день Св. Пасхи, церковь в доме министра во имя св. пророка Иоанна Предтечи, в которой, по освящении, отпев божественную литургию точно на одном илитоне, в тот самый день удостоил его, министра, общником быти св. Таин». «В новоосвященном храме, — писал далее Андрей Гене́вский, — при жизни министра, отпето шесть божественных литургий [т. е. литургии служились ежедневно до смерти Кантемира, последовавшей 31 марта/11 апреля 1744 г.], а по умертвии министра, я оный храм запечатал и не дерзаю более священнодействовать в нем без благословения Св. Синода»; в заключение священник слезно просил у Синода прощения за свою вину. Между прочим, на этих службах дважды присутствовали князь Александр и Владимир Сергеевичи Долгорукие, однако не исповедовались и не причащались. См.: Здравомыслов, 1894, с. 213—214; Кантемир, II, с. 276; Пекарский, 1868, с. 28; Архив Воронцова, VI, с. 45. Достоинно внимания, что А. Г. Гене́вский пользовался материальной поддержкой со стороны Жюбе и князей Долгоруких (см. об этом в письме Жюбе к Кантемиру от 6 мая 1743 г. и Александру и Владимиру Сергеевичам Долгоруким от 29 июля 1743 г., которые мы цитируем ниже в примеч. 173).

Эти сведения, почерпнутые из русских архивных источников (главным образом из документов, хранящихся в архиве Синода), дополняет Гуаско, который сообщает, что Кантемир перед смертью обратился к парижскому архиепископу с просьбой предоставить ему престол для алтаря его домово́й церкви («une Pierre Sacrée [...] pour l'Autel, qu'il faisoit construire dans sa Chapelle Domestique»); католический престол должен был заменить, очевидно, православный антими́нс. Архиепископ парижский согласился удовлетворить желание Кантемира при условии, что в его церкви будет отпращиваться лишь католическая месса. Кантемир не принял этого условия и предпочел, чтобы служба была по православному обряду, хотя и без антими́нса. См.: Гуаско, 1749, с. 118—119.

Как видим, Кантемир решительно отвергал возможность исповедаться и причаститься у католического священника. Принадлежность Кантемира к православному вероисповеданию подчеркнута в его завещании, написанном 21 марта 1744 г. (по ст. стилю) в Париже, где говорится: «[...] исполняя то, что Богу долженствовал по христианской православной греческого исповедания вере, в которой я родился и умираю [...]» (Кантемир, II, с. 350).

Для отношения Кантемира к католицизму показательна его эпиграмма «На икону святого Петра», написанная в 1730 г., т. е. в период особенно тесного общения с Жюбе:

«Что с ключем, Петре, стоишь?» — «Хочу впустить дети
Восточныя церкви в рай». — «А что в папски сети
Впали, будут ли они стоять за дверями?» —
«Есть, есть у них свой ключарь; войдут те и сами».

В примечании Кантемир объясняет, что под «ключарем» имеется в виду папа римский: «Папа римский называется наследником святого Петра, которому одному из апостолов, по мнению церкви римской, власть от Христа дана решить и вязать грехи» (Кантемир, I, с. 335, 337; Кантемир, 1956, с. 233, 235). Эта эпиграмма двусмысленна по своему содержанию: с одной стороны, папа римский уподобляется апостолу Петру и уполномочен открыть райские двери для своей паствы, с другой же стороны, апостол Петр как бы снимает с себя попечение о католиках. Эта двусмысленность хорошо характеризует отношение Кантемира к этим вопросам.

⁹¹ Вешняков был также в России с осени 1736 по осень 1739 г. — во время русско-турецкой войны (Кочубинский, 1899, с. 168—171).

⁹² Осенью 1729 г. Вешняков отбыл из Москвы в Константинополь (Кочубинский, 1899, с. 27, 117—118; ср.: де Лириа, 1869, с. 172, 178). Жюбе же, как мы знаем, появляется в Москве лишь в самом конце 1728 г. (см. выше, § 2). Таким образом, общение Вешнякова и Жюбе в России ограничивается 1729-м годом.

⁹³ Жюбе, как мы увидим, инспирировал критику катехизиса Феофана (см. ниже, § 5).

⁹⁴ Известны и другие списки хрущовского перевода Фомы Кемпийского, см., например: ГИМ ОР, Син. 685 (Горский и Невоструев, II, 3, с. 208—210), ГИМ ОР, Царск. 671; ГИМ ОР, Царск. 672 (Леонид, I, № 437, 438). Ср. также списки, указанные у Соболевского (1908, с. 4—5).

Характерно, что Жюбе, приехав в Россию, счел нужным перевести это сочинение на русский язык (см. конспективную записку о деятельности Жюбе в России — Арх. Пирлинга, л. 223; ср.: Пирлинг, IV, с. 334); по-видимому, он не знал о уже существующем переводе.

Относительно А. Ф. Хрушова и круга его чтения см.: Луппов, 1976, с. 227—234; Пореш, 1978; Луппов, 1981; Хотеев, 1986, с. 38—44; о его переводах см.: Николаев, 1988, с. 167—172.

⁹⁵ Ср. упоминания Кантемира в письмах А. Аргамакова к Вешнякову в Константинополь от 8 августа 1730 г., 15 апреля 1731 г. и 13 июня 1732 г. (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1733, д. 37, л. 4; 1730—1732, д. 40, л. 6 об., 13—13 об.). В письме от 15 апреля 1731 г. Аргамаков, между прочим, советовал Вешнякову: «Не прогневайся, батюшка братец, что я принял столкновение смелости тебе сказать, что напрасно не пишешь князь Антиоху Дмитриевичу: он бы не сделал так, как другие делают для того, что в нем честной вести и добродетели гораздо больше, нежели в других» (там же, д. 40, л. 6 об.). Вероятно, речь идет о ситуации, изменившейся с воцарением Анны Иоанновны. Аргамаков — двоюродный брат Вешнякова; впоследствии он стал первым директором Московского университета. В цитированном письме к Вешнякову от 15 апреля 1731 г. Аргамаков сообщает, между прочим, что он готовится к отъезду за границу вместе с Кантемиром и С. К. Нарышкиным. Из письма Вешнякова к Кантемиру от 26 ноября 1732 г. мы узнаем, что Кантемир и Аргамаков поддерживают переписку («J'entends que vous honorez de votre correspondance mon cousin, Monsr. Argamakow; je vois certes avec plaisir les progrès qu'il fait; sans me flatter, c'est à moi qu'il a cette obligation» — МИД АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1734, д. 553, л. 57—57 об.; Грасгоф, 1966, с. 280).

В этом же письме Вешняков, жалуясь на судьбу, заставляющую его находиться в нехристианской стране, просит Кантемира по-прежнему писать к нему в Константинополь и, в частности, знакомить его с новинками литературы («Ah, que j'envie, mon cher Prince, le sort de ceux qui sont en chrétienté. Surtout le vôtre, étant dans un pays où ne règne que la raison et la vérité qui est dans les sciences, au lieu qu'on ne voit ici régner que la Barbarie, le Mensonge, l'injustice, et enfin l'ignorance même [...]. Je vous supplie, mon cher prince, de m'accorder la continuation de vos bonnes grâces & de votre correspondance, surtout de me donner quelques fois de nouvelles de littérature, au milieu de laquelle, et de la meilleure, vous êtes présentement [...]» — там же).

Переписка Кантемира и Вешнякова за 1733 г. отчасти опубликована Майковым (1903, с. 19—21).

⁹⁶ 14 марта 1735 г. Ф. Сеняков писал Вешнякову в Константинополь: «На сих днях был у Его Сиятельства Князь Александра Борисовича Куракина, а потом в другом месте вместе имел я честь быть при обеде, причем довольно о вас разговор с почтением продолжался, и всей компанией пили про ваше здравье [...]» (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1739, д. 43, л. 140). Федор Сеняков или Сенюков служил в свое время в Константинополе, где он, очевидно, и познакомился с Вешняковым: переводчик Сенюков упоминается в реляции Вешнякова с Босфора от 5 января 1731 г. (Кочубинский, 1899, с. XVII). В 1726 г. в Константинополе он перевел книгу «Краткое описание Турецкого государства» (Луппов, 1976, с. 107).

⁹⁷ В письме к Ф. Погонскому от 29 июня 1732 г. Вешняков подтверждает получение этого письма Тредиаковского: «Василию Кириловичю Третияковскому отдай от меня мой всенижайший поклон со благодарением за его письмо» (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1733, д. 24, л. 65 об.).

Федор Погонский — управляющий делами Вешнякова в России.

⁹⁸ С осени 1729 г. в связи с назначением в Константинополь Вешняков может именоваться надворным советником (Кочубинский, 1899, с. 27, 118, примеч.), хотя формально этот чин был закреплен за ним лишь в 1733 г.

⁹⁹ 8 августа 1730 г. А. Аргамаков писал Вешнякову из Москвы в Константинополь: «Сатира, которую вы получили, князь Антиохом Волоским на розной корактеры енерално, еще и другую к вам пришлю новую. Телемака я достал и [...] сколь скоро спешу, немедля к вам пришлю» (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1733, д. 37, л. 4); под «Телемаком» имеется в виду, вероятно, одна из ранних версий выполненного А. Ф. Хрущовым перевода «Похождений Телемака» Фенелона (ср.: Орлов, 1935, с. 11—15). И позднее, в письме от 13 июня 1732 г. из Женевы в Константинополь, Аргамаков сообщал Вешнякову: «Князь Кантемир прислал мне из Лондона письма, наполненные изъявлениями дружеских чувств, и мы продолжаем переписываться как два истинных друга. Что касается сатир, то Вы должны были получить две: одна — разговор с музой [т. е. четвертая сатира], другая — против дворян [т. е. вторая сатира]. Еще есть пять или шесть других сатир, большое количество эпиграмм, он приготовил также перевод рассуждения о множестве миров господина Фонтенеля и, наконец, много чудесных стихов» («Le Prince de Kantemir m'a écrit de Londres des lettres pleines d'amitié et nous continuons notre correspondance comme deux véritable amis. Touchant les Satires vous devez avoir reçu deux: l'une est un entretien avec Sa Muse et l'autre est contre la Noblesse. Il y en a

encore cinq ou six autres, plusieurs Epigrammes, il'a fait aussi une traduction de la Pluralités des mondes de Mr. Fontenelle, enfin plusieurs poësies qui sont tres jolies» — МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1732, д. 40, л. 13—13 об.). Между тем Вешняков писал Кантемиру 26 ноября 1732 г. из Константинополя в Лондон: «Я получил несколько Ваших прекрасных произведений, дорогой князь, и даже кое-что перевел, как мог, на французский язык по просьбе одного из Ваших друзей» («J'ai reçu quelques-uns de vos beaux ouvrages, mon cher Prince, et même j'en ai traduit le mieux que j'avois pu en françois à la sollicitation d'un de vos amis» — Грасгоф, 1966, с. 280). Полгода спустя, в письме от 21 мая 1733 г. Вешняков извещает Кантемира о том, что он подготовил прозаический перевод «первая [...] сатиры» Кантемира: «С нетерпеливостью буду ожидать знаков вашей ко мне милости присылкою стихов, я же с радостью бы прислал перевод первая вашей сатиры, но имянно, милостивой государь мой, время не допустило переписать, однакожь с доброю оказиею, повинуюсь повелению вашему, я исполнить не премину. Весьма великая есть в том моя продерзость, que j'ai osé défigurer un si bel ouvrage, car vous ne devez pas vous attendre, mon cher prince, qu'à une très mauvaise prose, faite à la hate n'ayant pas pu désober à de très fortes sollicitations des personnes auxquelles j'ai beaucoup d'obligations» (Майков, 1903, с. 21). Нумерация кантемировских сатир была определена, по-видимому, не позднее 1731 г., когда Кантемир составил первый сборник своих стихов (см.: Гершкович, 1956, с. 438, 502); таким образом, говоря о первой сатире, Вешняков имеет в виду, надо думать, ту сатиру, которая в последующих изданиях произведений Кантемира именуется «первой».

¹⁰⁰ Уже в 1723 г. Сергей Голицын пишет Вешнякову из Парижа в Амстердам о книге Марсильи, отмечая, что она «велми курioзна et très utile au publique» (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1723—1724, д. 15, л. 10). Вполне вероятно, что именно Вешняков обратил внимание Триаковского на эту книгу. Вешнякову, по-видимому, принадлежит толкование турецких слов и мусульманских реалий в примечаниях к «Военному состоянию...».

¹⁰¹ Как мы уже знаем, первоначально предполагалось отправить в Берлин кн. А. Б. Куракина. Назначение Куракина было, однако, отменено, и вместо Куракина на этот пост был назначен С. Д. Голицын. См. выше, § 1.

¹⁰² Как иногда полагают, С. Д. Голицын является автором сочинения «Ведение о торговле Российской», хотя П. П. Пекарский приписывает это сочинение другому русскому дипломату, кн. И. А. Щербатову. См.: Голицын, 1880, с. 170; Голицын, 1892, с. 374; Пекарский, 1862, I, с. 247—248, 564—567.

¹⁰³ Достойно внимания, что представители этого круга переписываются друг с другом по-французски задолго до того, как это становится общеринятым в русском дворянском обществе. Характерно, что Жюбе распространяет в России книги на французском языке, в частности, Новый Завет во французском переводе (см. письмо Жюбе к неизвестному лицу от 1 ноября 1730 г. — Арх. Пирлинга, л. 215).

¹⁰⁴ Речь идет о работе над книгой «Панегирик или Слово похвальное всемилостивейшей государыне [...] Анне Иоанновне» (см.: Триаковский, 1732; Триаковский, 1963, с. 125—128). Во время написания данного письма книга эта не

была еще напечатана: она вышла из печати в декабре 1732 г., а именно между 4 декабря (см. распоряжение Шумахера от 4 декабря 1732 г. о печатании данной книги — Материалы АН, II, с. 213) и 20 декабря (20 декабря 1732 г. Тредиаковский посылает эту книгу гр. С. А. Салтыкову вместе с сопроводительным письмом — Забелин, 1858, столб. 555—556; Пекарский, II, с. 32—33).

Книга, над которой работает в это время Тредиаковский, включает прозаическое «Слово похвальное...», а также «Стихи всемилостивейшей государыне [...] Анне Иоанновне по Слове похвальном», которые Тредиаковский в цитируемом письме называет «одой». Кроме того, здесь содержатся «Стихи ея высочеству государыне царевне и великой княжне Екатерине Иоанновне, герцогине Мекленбург-Шверинской...», которые Тредиаковский определяет в данном письме как «рондо». Отметим, что эти стихи не соответствуют тому содержанию термина «рондо», которое дается Тредиаковским в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» 1735 г. (см.: Тредиаковский, 1735, с. 32—33; Тредиаковский, 1963, с. 388).

Как видим, Тредиаковский еще не пытается следовать французскому определению стихотворной формы «рондо», предписывающей, в частности, тринадцать стихов (или строф) и всего две рифмы (ср.: Остолопов, III, с. 51 сл.), но довольствуется приближением к французской модели: это приближение осуществляется в данном случае за счет повторения первой строки в начале каждой строфы, а также повторения первой строфы в конце всего стихотворения. В дальнейшем — в «Новом и кратком способе...» — он будет, напротив, точно следовать французской модели, предлагая читателю образец русского рондо (Тредиаковский, 1735, с. 33; Тредиаковский, 1963, с. 388). Равным образом Тредиаковский употребляет здесь термин «ода» в ином смысле, чем французы: он называет «одой» панегирическое стихотворение, не предписывая ему какой-либо обязательной стихотворной формы (строфической структуры, рифмовки и т. п.). Характерно, что полгода спустя, выпуская в свет свою книгу («Панегирик или Слово похвальное...»), Тредиаковский не пользуется ни термином «рондо», ни термином «ода»: соответствующие произведения называются просто «стихи».

Мы можем заключить, что на данном этапе Тредиаковский занял экспериментальным поиском стихотворных форм, которые в той или иной степени соответствуют французским образцам.

¹⁰⁵ Речь идет, видимо, о работе над «Новым и кратким способом к сложению российских стихов» (см.: Тредиаковский, 1735; Тредиаковский, 1963, с. 365—420). Употребление таких терминов, как «ода» или «рондо», показывает, что Тредиаковский находится в это время на достаточно раннем этапе работы (см. выше, примеч. 104).

¹⁰⁶ Речь идет о книге: *Mémoires d'artillerie par Surirey de Saint-Remy*. Эта книга была переведена на русский язык по повелению Петра I; в феврале 1732 г. исправление перевода было поручено Тредиаковскому. Исправленный Тредиаковским перевод был издан в 1732—1733 гг.; см.: Св. кат. XVIII в., № 6429; Материалы АН, II, с. 109—110; Пекарский, II, с. 35—36.

¹⁰⁷ Речь идет о сонете Ж. Барро [J. Des Barreau, 1599—1637]. Барро был либертином чрезвычайно вольных взглядов и поведения; проповедник атеизма, под конец жизни Барро раскаялся и написал этот сонет, знаменующий его обращение (см. о нем: Лашевр, 1902).

Оригинальный текст Барро и стихотворный перевод Третьяковского напечатаны в «Примечаниях к Ведомостям» (СПб., 1732, с. 132). Позднее Третьяковский включил свой перевод сонета в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (см.: Третьяковский, 1735, с. 31; Третьяковский, 1963, с. 387), а затем — в переработанном виде — в «Сочинения...» 1752 г. (см.: Третьяковский, I, с. 563—564).

¹⁰⁸ 7 октября 1729 г. Жюбе сообщал из Никольского об обручении Петра II с княжной Екатериной Долгорукой, отмечая особое благоволение будущей императрицы к Ирине Петровне Долгорукой и ее сыну Александру: «Le 30^{9^{bre}} s'est célébrée la cérémonie des fiançailles de sa M[ajesté] Imp[eriale] avec son A[ltesse] la Princ[esse] Cath^{ol}^{iq}ue Dolg[orouky]. L'impératrice a toujours aimé [en] particulier le jeune Prince Alexandre et la Princ[esse] sa mère qui a toujours été dans la confiance de l'Impératrice» — Библ. Труа, № 2213, л. 41; Арх. Пирлинга, л. без номера).

¹⁰⁹ Историк рода Голицыных утверждает, что Николай Петрович и Алексей Петрович Голицыны перешли в католичество одновременно со своей сестрой И. П. Долгорукой (Голицын, 1892, с. 345). Если это утверждение верно, мы должны принять, что они были в 1720-е гг. в Голландии вместе с семьей кн. С. П. Долгорукого.

¹¹⁰ Текст этого документа, к сожалению, до нас не дошел.

У И. П. Долгорукой было еще два брата, а именно Василий Петрович Голицын (1682—17..) и Александр Петрович Голицын (1714—1753) (Долгоруков, I, с. 288). Надо полагать, однако, что речь идет о доме одного из тех князей Голицыных, которые стали католиками и были непосредственно связаны с Жюбе.

¹¹¹ Прозвища Жюбе вообще достаточно прозрачны: так, в 1724 г. во Франции он принимает имя abbé Ambon, поскольку слово *jubé* означает «амвон» в католических храмах (Пирлинг, IV, с. 314). Точно так же Жюбе, как мы видели, называет «господами Ришековскими» (Mrs Richekowsky) своих воспитанников молодых князей Долгоруких, сыновей И. П. Долгорукой, — явно образуя это прозвище от слова *riche* «богатый» (см. цитированное выше письмо Жюбе Кантемиру от 6 мая 1743 г. — § 4). Мы уже упоминали о прозвище «неофит» (*Néophyte*), которое Жюбе дает Вещнякову (см. выше, § 4); равным образом Жюбе называет в своей переписке кн. И. П. Долгорукую *relisse* («шуба»), принцессу Овернскую — *Madame Isora*, императрицу Анну Иоанновну — *fougrure* («меха»), католическая религия обозначается у него словом *boulevard* («ограда, оплот, защита»), миссионеры — словом *livres* («книги»), русские епископы — словом *doures* («позолота»), Рига — словом *barque* («барка, лодка») (Пирлинг, IV, с. 333, 360; относительно криптонима *livres* см. также § 2 настоящей работы); ср. письмо Жюбе к архиепископу Бархману от 16 апреля 1730 г.: «La fougrure [императрица] dit que le boulevard [католическая религия] est diabolique [...]. La fourrure disait ces jours-ci à la p[re]lisse qu'elle recevoit souvent apparemment des lettres de M-me Isora [принцесса Овернская] qui lui a dit la liaison qu'elles ont eu ensemble! Vous mentez, lui dit-elle, par ce que celle-ci repondit qu'elle n'en avoit point reçu depuis la barque [Рига]. Quoique le gouverneur de la barque soit catholique, on vient d'en chasser en deux livres [католические миссионеры], qui servaient aux 300 catholiques. On a ôté de leurs places 4 doures [русские епископы]» (Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210).

Остается открытым вопрос: не объясняется ли таким же образом и прозвище «философ» (*Philosophe*), которое, как мы знаем, получил в Париже Тредиаковский (см. выше, § 4)? Не исключено, вообще говоря, что это прозвище является одним из тех условных имен, которые Жюбе давал лицам, так или иначе связанным с его предприятием.

¹¹² 1 марта 1729 г. де Лириа выдал Жюбе свидетельство, удостоверяющее, что тот является его «капелланом и духовником» («[...] est mon Aumônier et mon Confesseur») и приехал в Россию по его приглашению; здесь же говорится, что, поскольку кн. Сергей Долгорукий пожелал использовать Жюбе для обучения своих детей, он, де Лириа, разрешил Жюбе жить у Долгорукого (Бурсье, 1753, с. 336—337).

Помощь герцога де Лириа объясняется посредничеством австрийской императрицы Елизаветы-Христины. Опасаясь, что переход И. П. Долгорукой в католичество может навлечь на нее преследование, сорбонские янсенисты обратились за помощью к австрийской императрице. Та в свою очередь связалась с де Лириа (через испанское посольство в Вене) и переслала ему это письмо Сорбонны, сопроводив его просьбой помочь Долгорукой и вообще католикам в России; просьба австрийской императрицы была изложена в зашифрованном письме испанского посла в Вене испанскому послу в Москве от 30 марта 1729 г. Письмо Сорбонны, пересланное герцогу де Лириа, вновь касалось действий, необходимых для успешных переговоров о соединении Церквей. 15 мая 1729 г. де Лириа послал в Вену доношение, где предложил свою линию действий. Определенное значение при этом могло иметь и то обстоятельство, что братом герцога де Лириа был янсенистский епископ. См.: Пирлинг, IV, с. 345—350, 337.

Следует иметь в виду вообще, что янсенисты пользовались в Австрии определенной поддержкой (см.: Дайнгардт, 1929, с. 36—41). В письме из Москвы от 16 июня 1729 г. Жюбе сообщил архиепископу Бархману: «Венский двор к нам благосклонен» («*La Cour de Vienne no[us] est favorable*» — Библ. Труа, № 2213, л. 41; Арх. Пирлинга, л. без номера). Соответственно, 28 апреля 1737 г. Жюбе обращается к австрийской императрице с просьбой помочь И. П. Долгорукой, находящейся в это время в бедственном положении (Библ. Труа, № 2156, л. 322; Арх. Пирлинга, л. 232—233; Пирлинг, IV, с. 368; относительно положения Долгорукой см. § 6 настоящей работы).

¹¹³ В одном из своих писем Жюбе называет своим другом польского посла в Москве: «*L'ambassadeur de Pologne m'est amu*» (письмо к неизвестному лицу от 1 ноября 1730 г. — Арх. Пирлинга, л. 215).

¹¹⁴ Ср.: «Уже увидели русские, что мы, в противоположность лютеранам, храним истинно семь таинств, обряд, посты, призывание святых, почитание икон и прочее, за немногими исключениями соблюдаем общие с ними (русскими) догматы. Уже благоразумные русские не избегают наших храмов и не закрывают для нас свои; напротив, я, несчетное число раз их принимавший и ими принятый, свидетельствую: мы присутствуем на богослужениях друг друга, я служил мессу в присутствии монахов и со своей стороны находился на богослужении, совершаемом ими, в первенствующем их Троицком монастыре: они становятся крестниками тех, кто должен креститься по нашему обряду; и для многих своих, кого надо крестить, приглашают крестниками католиков; я крестил дочь матери-католички, а принимала ее из святой воды великая княжна Московии герцогиня Наталия с испанским послом, и когда должны были крестить девочку из русского

прихода, я, присутствуя, увидел в качестве крестника того же сиятельнейшего господина посла с одной из знатнейших дам из баронской семьи Строгановых» («Viderunt jam Rutheni, nos, contra Lutheranos, vera septem Sacramenta tueri, Ritus, Traditiones, Jejunia, Sanctorum invocationem, Imaginum cultum, coeteraque, paucis exceptis, servare cum eis communia dogmata. Jam Ruthenos cordatos Templi nostra non fugere, nobisque sua non prohibere; testabor, millies eos recipiens, et ab eisdem receptus: Sacris mutuó interesse; qui celebravi Missam, adstantibus Monachis, ab ipsisque celebratae vicissim adfui, in praecipuo eorum Monasterio *Troitzae*: Baptizandum nostró Ritu, Patrinos eos fieri; ad eorumque baptizandos plures, Catholicos Patrinos vocari; qui Catholicae Matris puellam baptizavi, levante eam é Sacro fonte, cum nostro Legato Hyspaniae, Patriná *Magná Moskoviae Ducissá Nataliá*; baptizandaeque puellae á Rutheno Parocho, Patrinum vidi, assistens, Exc^{mum} D. eundem Legatum cum Nobilissima D^{na} ex Baronibus *Strogonow*» — Рибейра, 1733, II, с. 283).

И в другом своем сочинении Рибейра утверждает, что он служил мессу в Троицком монастыре: по его словам, «мудрые греки [т. е. православные] не гнушаются латинами [т. е. католиками], но еще и священнослужения их почитают; так, когда я отправлял святую мессу в великом Троицком монастыре, тогда с благоговением предстоял Архимандрит [монастыря] со многими, о чем тысячекратно свидетельствовать буду [...]» («Graeci sapientes, Latinos non respuunt, imò horum sacra venerantur, sicut á me celebrato sacro Missae sacrificio in magno Monasterio Trinitatis (*Troitza*) devotissimè astitisse Archimandritam cum pluribus, testabor millies» — Рибейра, 1731, с. 35). Феофан Прокопович язвительно осмеял это заявление Рибейры, однако в его обличении улавливается отголосок реальных событий: «Кто бо толь безстудних врак не поплюет? И с чего бы Троецкому Архимандриту (который и церемонии Палежской Церкви никогда прежде не видал, не толко силы их отнюдь не знает, а одно то знает, что Римляны отступники), и с чего бы ему родилось при шептании миссы их умиление и благоговейство? Стоял попик Рибера в необычном платье, в некоей избе, у стола простого, и неведомо что тихо пошептует, с угла стола к углу передавался, пошатывался, на одно колено приламывался, и не однократно к предстоящим незапно, будто спугать хошет, обращался. А сие действие привело бы Архимандрита к теплейшему набоженству? Не паче ли в недоумение приходил Архимандрит, удивляясь, что то делается, комедия ли какая, или волшебство; а когда ему сказано, что то Латинская обедня, не могл он, воинстину, не соблазнится, видя, как их священнослужение не благообразно, без пения, в частых шатостях, в тихих пошептах, в тайных неких и кратких с одним мужичком переговорках, ни от кого не слышимо, толко зримо, а наипаче, что в простой избе и на простом столе, где обычно и ядят и пьют [...]. Но и почему Рибера об Архимандричем благоговействе уведал? Сам ли то усмотрил? Да он спиною к зрителям стоял, и разве нарочно оглядывался, как в школьных диспутациях? и если так, то он не о том мыслил, что делал, набожный священник. А если ему кто сказал о том, то как он о том тысящнократно свидетельствовать смеет? Подлинно, сие не рядовое вранье!» (Феофан Прокопович, 1863, с. 8—9; Чистович, 1861, прилож., с. 23).

¹¹⁵ Вот как излагает этот эпизод анонимный автор «Истории утрехтской иерархии»: «Один [...] из первых вельмож [русского] двора, которого не называют по имени, пожертвовал значительные суммы, по совету Жюбе, на создание в Москве учебного заведения, которое должно было находиться в сношениях с Парижским университетом» («Un [...] des premiers Seigneurs de la Cour qu'on ne nomme pas, avoit déjà consacré des sommes considérables, par le conseil de M. Jubé,

pour fonder un College à Moscou, qui devoit être en correspondance avec l'Université de Paris» — История, 1765, с. 550). Ср. еще письмо Жюбе к неизвестному лицу от 9 августа 1730 г.: «В настоящее время создается фонд для четырех молодых учащихся как в Москве, так и в Киеве, а также в двух других городах, где имеются учебные заведения. Из этих 16 студентов на эти средства четверо будут отправлены в Париж, где для них будет существовать другой фонд [...], там будет избран верный человек, который будет обременен делами фонда и который будет находиться в связи с Киевской Академией» («Actuellement on fait une fondation de 4 jeunes étudiants tant à Moscou qu'à Kiow et à 2 autres villes où il y a [un] college. De ces 16 étudiants la fondation porte qu'on en enverra 4 tous les ans à Paris, où il y aura une fondation [...], dont sera chargé un homme de bien et qui aura relation avec le college de Kiow» — Арх. Пирлинга, л. 214).

¹¹⁶ Характерно, что как Феофилакт Лопатинский, так и Варлаам Ванатович осуществили издание «Камня веры» Стефана Яворского: Феофилакт в Москве в 1728 г. (Соловьев, X, с. 560; ср. также московские издания 1729 и 1730 гг. — Зернова и Каменева, с. 76—77, № 200, 202; Луппов, 1980, с. 33), Варлаам в Киеве в 1730 г. (Крыжановский, 1861, с. 282). Евфимий Колетти был близок к доминиканцу Рибейре, капеллану при испанском посольстве (Чистович, 1868, с. 379—380). Достоинно внимания, что с Рибейрой общался и Софроний Мигалевич, бывший учитель Триаковского в Славяно-греко-латинской академии (см. § 1 настоящей работы): по признанию Софрония, они с Рибейрой «хаживали друг к другу» (Чистович, 1868, с. 500).

Между прочим, как с герцогом де Лириа, так и с Рибейрой был, видимо, достаточно хорошо знаком Вешняков. В письме к Жюбе из Константинополя от 24 февраля/7 марта 1730 г. Вешняков просит передать им привет (Арх. Пирлинга, л. 208).

¹¹⁷ Бурсье (1753, с. 345—346, 356, 358) говорит о частых сношениях Жюбе с рязанским архиепископом и думает, что это Стефан Яворский (ср. то же: История, 1765, с. 550—551). Это явное недоразумение: это может быть либо Гавриил Бужинский, но в таком случае Жюбе путает даты (Гавриил умер в Москве 27 апреля 1731 г., тогда как Жюбе говорит о том, что в июне 1731 г. этот епископ был арестован), либо Сильвестр Холмский, но в таком случае Жюбе путает Рязань и Казань (ср.: Пекарский, 1866а, с. 130, примеч.). Последнее кажется гораздо более вероятным: действительно, Сильвестр в 1731 г. был лишен сана и заключен в крепость, и при этом он был сторонником восстановления патриаршества; в царствование Петра II он пользовался поддержкой Голицыных и Долгоруких (см.: Знаменский, 1878, с. 88—89, 109—110); заметим, что Сильвестр был в 1723—1725 г. рязанским архиереем (Харлампович, 1914, с. 528). Гагарин (1878, с. 16) определенно называет именно Сильвестра Холмского в этом контексте: по его словам, Жюбе общался в России с Феофилактом Лопатинским, Варлаамом Ванатовичем, Евфимием Колетти и Сильвестром Холмским; не исключено, впрочем, что Гагарин воспользовался указаниями Пекарского (1866а, с. 130, примеч.).

¹¹⁸ В связи с деятельностью Жюбе следует поставить то обстоятельство, что в 1729—1730 гг. известный традиционалист М. П. Аврамов, директор Петербургской синодальной типографии, вновь обратился к переписке Сорбонны с русским епископством и даже поручил Маркеллу Родышевскому написать новый трактат относительно соединения Церквей (Пекарский, 1866а, с. 127; Чистович, 1868, с. 298,

453). Характерно, что тот же Аврамов в 1730 г. подал императрице Анне Иоанновне проект, где доказывал, что «наипаче [...] потребно быти в России паки святейшему патриарху» (Шишкин, 1867, с. 405; Чистович, 1868, с. 269; ср. также с. 98, примеч. 1); Аврамов прочил на патриарший престол архимандрита Варлаама Высоцкого (см. ниже, примеч. 119). Активным сторонником восстановления патриаршества был и Маркелл Родышевский (см. обоснование необходимости патриаршей власти в его критике на «Духовный Регламент», 1731 г. — Верховской, II, отд. IV, с. 107 сл.).

До нас дошел анонимный трактат, сочиненный в августе 1730 г. и направленный против предложения сорбонских богословов (начало: «Премноги уже суть на греческом, и на славенском, и на польском от благочестивых греческаго исповедания людей по разных государствах живущих, якоже и в Полци, такожде и на латинском языке книги изданные [...]») — ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 1—92; другой список того же сочинения: ГПБ, Q.I.281, л. 1—164 об.). Ср. запись в конце трактата: «Начая сия книжица или кратки[й] ответ на писание парижских дому Сорбонского учителей феологов к российским епископом писанное о соединении веры с российскою церковию костела римского писатися 1730 году и совершися в том же году месяца августа 18 дня» — ГБЛ, ф. 247, № 567, л. 91 об.—92). Здесь, между прочим, говорится, что сорбонские доктора, поднося свою записку Петру I, надеялись, видимо, на то, что русский монарх, не будучи сведущ в богословии, обладает абсолютной властью и может отдать распоряжение о соединении Церквей: «[...] или надеялися [сорбонские богословы], что де монарх наш — воин и в книжном чтении не упражняется; к тому же зело силен и самодержец крепки[й] вся России: как де прочтет токмо наше писание, данное его величеству, и ему понравится, паче же егда увидит и прочтет согласие римскаго костела, в писании изображенное, с церковию российскою, то де властью своею высокою повелит быти соединению церкви российской с костелом римским» — там же, л. 27 об.—28); автор данного сочинения, кажется, отнюдь не является сторонником церковных реформ Петра I, поставивших Церковь в полную зависимость от самодержавной власти.

Полагаем, что автором этого трактата и является Маркелл Родышевский, т. е. именно этот трактат был написан им по поручению М. П. Аврамова.

¹¹⁹ См. вообще о Варлааме Высоцком: Чистович, 1878, с. 270—273. Кантемир изображает Варлаама во второй редакции третьей сатиры, обращенной к Феофану Прокоповичу (Кантемир, I, с. 69; Кантемир, 1956, с. 94); в первой редакции, которая датируется августом 1730 г., этот портрет отсутствует.

¹²⁰ В конспективной записке о деятельности Жюбе в России отмечается, что «рязанский архиепископ» («l'archevêque de Rezan»), с которым общался Жюбе, — имеется в виду, по-видимому, Сильвестр Холмский (см. выше, примеч. 117) — «вообразил, что в случае соединения церквей он станет патриархом». Это противоречило планам Жюбе, согласно которым патриархом должен был стать князь Яков Петрович Долгорукий («Il s'etoit imaginé que dans la réunion il seroit Patriarche. Mauvais motif et sans fondement puisqu'on avoit jetté les yeux sur un autre tout autrement instruit et qualifié savoir le Prince Jacques Dolgorouky» — Арх. Пирлинга, л. 223).

¹²¹ Бурсье (1753, с. 342, 357) и Пирлинг (IV, с. 351) сообщают, что Яков Петрович Долгорукий приходился племянником князю Василию Лукичу Долгорукому. Это

неверно, однако бесспорным остается тот факт, что родственные отношения сыграли здесь свою роль.

¹²² Характерно, что, возвращаясь из России в 1732 г., Жюбе специально останавливается в Лейпциге, чтобы навести справки относительно того, был ли Буддей автором книги, вышедшей под его именем и направленной против «Камня веры» Стефана Яворского (Бурсье, 1753, с. 304—306; ср.: Буддей, 1729); Жюбе был уверен, что в действительности эту книгу написал Феофан Прокопович. Даже покинув Россию, Жюбе продолжает интересоваться борьбой двух тенденций в Русской Церкви — тенденций, связанных с именем Стефана Яворского и Феофана Прокоповича.

В письме к брату Клоду-Роберу от 10 августа 1733 г. Жюбе отзывается о Феофане как о заклятом враге Католической Церкви: «C'est l'ennemi juré de L'Église latine» — Библ. Труа, № 2337, л. 13; Арх. Пирлинга, л. 227; Пирлинг, IV, с. 373). В письме к австрийской императрице от 27 июня 1737 г. Жюбе объясняет неудачу своей миссии именно противодействием Феофана как врага Католической Церкви: по его словам, ему пришлось уехать из России, потому что «он был в конфликте с архиепископом новгородским, президентом российского духовенства, который, несмотря на то что был взращен в Риме и на деньги Римской Церкви, стал ее самым большим противником и больше всего высказывался против соединения Церквей. Всем, кто его близко знал, известно, что он склонялся к лютеранству» ([...] j'étois en butte à M. l'archevêque de Novgorod président du Clergé de Russie, qui quoiqu'élevé à Rome et aux dépens de l'Eglise Romaine étoit son plus grand ennemy et le plus déclaré contre le réunion. C'est un fait notoire à ceux qui l'ont connu de près qu'il inclinait pour le Luthéranisme» — Библ. Труа, № 2156.1, л. 322 об; Арх. Пирлинга, л. 233). Аналогичный отзыв Жюбе о Феофане приводит Бурсье (1753, с. 299).

Ср. еще о склонности Феофана к лютеранству в конспективной записке о деятельности Жюбе в России: «Ce prélat président du Synode favorisoit ouvertement le luthéranisme [...] il avait donné [...] un catechisme tout luthérien [...]» — Арх. Пирлинга, л. 222.

¹²³ Неясно, на какой именно труд Феофана Прокоповича было написано обличение. Возможно, имеется в виду «Книжица учения христианского», написанная Феофаном в 1717 г., или же «Первое учение отроком» 1720 г. Оба сочинения Феофана связаны друг с другом (Майков, 1913; Успенский, 1983, с. 119), и при этом последнее сочинение могло именоваться катехизисом. Так, Дмитрий Кантемир критикует «Первое учение отроком» в трактате под названием «Места примрачныя в Катихизисе, иже от безыменнаго автора на славенском языке издан и первое учение отроком именован есть» (Извеков, 1870, с. 10; ср.: Шишкин, 1867, с. 386; Чистович, 1868, с. 50). Его сын, А. Д. Кантемир, говоря о данном сочинении, в примечании к третьей сатире (вторая редакция), также называет его «Катехисм православных веры» (Кантемир, I, с. 78; Кантемир, 1956, с. 100); в английском переводе оно вышло под названием: *The Russian Catechism. Translated by J. T. Phillips. London, 1723; 2 ed. London, 1725*; это перевод с немецкого издания: *Erste Unterweisung der Jugend... s. l., s. d.*

Как указывает Бурсье, после акции Жюбе Феофан должен был пересмотреть свой катехизис («fut obligé de réformer son Catéchisme» — Бурсье, 1753, с. 349). Действительно, в 1731 г. Феофан перерабатывает свои катехизические опыты в сочинении, которое было издано в 1765 г. в Петербурге под названием «Сокращенное христианское учение» (Майков, 1913, с. 215); в первоначальном виде

титульный лист имел заглавие «Катехизис» (Майков, 1913, с. 218; Зернова и Каменева, 1968, с. 493, № 1401).

Не исключено, однако, что имеется в виду критика Маркелла Родышевского на «Духовный Регламент» — в этом случае речь идет о сочинении Маркелла Родышевского, написанном 3 марта 1731 г., т. е. еще во время пребывания Жюбе в России (см. издание этого сочинения — Верховской, II, отд. IV, с. 87 сл.). Ср.: Пекарский, 1862, I, с. 42, 497—498; см. также выше, примеч. 118.

¹²⁴ В письме к архиепископу Бархману от 16 апреля 1730 г., которое мы уже неоднократно цитировали, Жюбе замечает: «Князь Валахский сочинил сатиры в стихах на русском языке; в них обличается презрение к наукам, которое господствует в этой нации, и главные недостатки, здесь преобладающие; это хорошие пьесы, которые пользуются успехом среди людей, несколько возвышающихся над средним уровнем» («Le prince de Valachie a fait des satires en vers russes sur le mépris que la nation a des sciences et contre les principaux défauts qui y règnent, ce sont de bonnes pièces et qui ont vogue parmi ceux qui se distinguent un peu» — Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210; ср.: Грасгоф, 1963, с. 6; Грасгоф, 1966, с. 67). Речь идет здесь о первых двух сатирах Кантемира («На хулящих учение. К уму своему» и «На зависть и гордость дворян злонравных»), которые были созданы к весне 1730 г. (ср.: Кантемир, I, с. 22, 50; Кантемир, 1956, с. 62, 77). Во всяком случае Жюбе был, несомненно, посвящен в содержание первой сатиры. В то же время, не зная русского языка, он, естественно, не мог вполне оценить всех оттенков полемической направленности этого произведения.

¹²⁵ Вообще Жюбе (вместе со своими последователями) и Феофан в каких-то вопросах могут быть единомышленниками. Показательно в этом смысле письмо Вешнякова к Жюбе от 24 февраля/7 марта 1730 г. из Константинополя: «Здесь патриарх иерусалимский, очень ученый человек и друг аббата Севена [François Sévin, + 1741, известный ориенталист и путешественник по Востоку]; он сочинил много трудов по-гречески; все они касаются вопроса разделения Церквей, наряду с другими вопросами. Он получил из Лондона книгу, которую там напечатал (в Лондоне изданы почти все его труды). Это трактат на латинском языке, где доказываются на основании учения Св. отцов и церковных соборов, как он говорит, недействительность крещения, совершаемого каким-либо иным способом, нежели погружение в воду. Мы, однако, показали одному из его друзей книгу, которая была выпущена нашим русским Синодом, посвященную действительности или, вернее, тождественности [обливательного крещения]» («Nous avons ici le patriarche de Jérusalem, qui est un homme fort savant et grand ami de M^r l'Abbé Sévin; il a composé beaucoup des ouvrages en grec, tout touchant les causes de la séparation des Eglises; et d'autres sujets, et en dernier lieu, il vient de recevoir de Londres un ouvrage qu'il y a fait imprimé (car c'est là où l'étoient le plus grand partie), c'est un traité où il demontre par les Saints Peres et Conciles, à ce qu'il dit l'invalidité du baptême qui ne se fait pas par immersion dans l'eau, en latin; quoique nous avons bien fait voir à un de ses amis un ouvrage, qui a été fait par notre sinode de l'Empire de Russie, de la validité ou plus tôt de l'égalité [...] — Арх. Пирлинга, л. 207—207 об.). Речь идет о книге Феофана Прокоповича «Истинное оправдание правоверных христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых» (СПб., 1724), в которой доказывается, что «тайнодействие св. крещения поливанием творимое, равне как и творимое погружением, быти правильное важное и сильное». Итак, книга Прокоповича служит сторонникам янсенистов аргументом в религиозной полемике с православными греками — полемике, направленной на соединение Церквей.

Точно так же Жюбе мог обсуждать с Прокоповичем проблему *filioque* и рекомендовать ему в этой связи богословскую литературу (см. конспективную записку о деятельности Жюбе в России — Арх. Пирлинга, л. 222); можно предположить, что и в этом вопросе у них не было расхождений.

¹²⁶ Достоин внимания при этом, что, находясь за границей, Вешняков следит за творчеством Феофана Прокоповича. В августе 1733 г., например, А. Неплюев посылает Вешнякову «une pièce nouvelle de cette année de l'Archeveque de Novgorode» (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1736, д. 54, л. 138 об.).

¹²⁷ Этот интерес к Феофану Прокоповичу, естественно, беспокоил Жюбе. Так, 16 апреля 1730 г., обсуждая намечающуюся поездку Кантемира за границу (см. § 4 настоящей работы), Жюбе писал архиепископу Бархману: «Князь Валашский обладает подлинными талантами, но я очень боюсь, что он слишком разбрасывается и не попадет в хорошие руки [...]. Он тесно связан здесь с архиепископом Новгородским [...]» («Le prince de Valachie a de vrais talents mais je crains fort pour lui s'il se répand trop et s'il ne tombe en bonnes mains [...]. Il est étroitement lié ici avec M. l'arch[evêque] de Novgorod [...] — Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210; ср.: Грасгоф, 1963, с. 6; Грасгоф, 1966, с. 67).

¹²⁸ Еще раньше Москву покидает герцог де Лириа: с октября 1730 г. он готовится к отъезду, а 19 ноября 1730 г. отбывает в Варшаву. См. «Санктпетербургские ведомости» № 89 за 5 ноября 1730 г., с. 356; № 90 за 9 ноября 1730 г., с. 360; № 91 за 12 ноября 1730 г., с. 363; № 96 за 30 ноября 1730 г., с. 384.

¹²⁹ В Петербурге Тредиаковский нашел приют у Адодурова, бывшего в то время академическим студентом и жившего при Академии наук (Материалы АН, VI, с. 172). Адодуров и Тредиаковский были знакомы, вероятно, с 1723 г., когда они вместе учились в Славяно-греко-латинской академии: в 1723 г. Тредиаковский числился в майской трети синтаксисы, а Адодуров — в сентябрьской трети пиитики (ОДДС, X, столб. 1342, 1338). Поскольку Тредиаковский, видимо, к сентябрю 1723 г. перешел в класс пиитики (см. выше, примеч. 6), следует думать, что Тредиаковский и Адодуров были в одном классе. В том же классе (в «сентябрьской пиитике» в 1723 г.) числится, между прочим, и Иван Магницкий, сын Леонтия Магницкого (ОДДС, X, столб. 1332).

¹³⁰ 11 января 1731 г. И.-Д. Шумахер писал к президенту Академии наук Л. Блюментросту о выходе в свет «Езды в остров Любви», упоминая при этом, что кн. А. Б. Куракин обращался в Академию в связи с изданием этой книги. Здесь же отмечается, что на данной книге не указано место печатания, однако не потому, что книга незначительна по своему содержанию, а «по другим причинам» (Пекарский, II, с. 19, примеч. 1).

¹³¹ Это письмо (дата на котором не обозначена) было написано между 3 января 1731 г., когда Тредиаковский прибывает в Москву (о чем он и извещает Шумахера), и 9 января того же года, когда оно было получено в Петербурге (Малеин, 1928, с. 430).

¹³² Императрица прибыла в Петербург 15 января 1732 г. См.: «Санктпетербургские ведомости» № 5 за 17 января 1732 г., с. 22; Пекарский, II, с. 30; ср. письмо Анны Иоанновны московскому главнокомандующему гр. С. А. Салтыкову от 15 января

1732 г., извещающее о прибытии в Петербург (Кудрявцев, 1878, с. 1). Торжественный въезд императрицы в Петербург состоялся в воскресенье 16 января 1732 г., см. описание в «Санктпетербургских ведомостях» № 6 за 20 января 1732 г., супплемент, с. 27.

Еще ранее в Петербург прибыла из Москвы Екатерина Иоанновна, герцогиня Мекленбургская (30 декабря 1731 г. — см. ниже, примеч. 134) и вслед за ней цесаревна Елизавета Петровна (5 января 1732 г. — «Санктпетербургские ведомости» № 2 за 6 января 1732 г., с. 8).

¹³³ О том, что похвальное слово было сочинено по желанию императрицы, Третьяковский говорит в самом этом сочинении (Третьяковский, 1732, с. 1; Пекарский, II, с. 31—32), а также в письме к Вешнякову от 6 мая 1732 г., которое мы цитируем в § 4 настоящей работы (МИД АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1730—1735, д. 39, л. 267—268). Стихи, восхваляющие императрицу, в этом письме именуются «одой».

¹³⁴ Екатерина Иоанновна выехала из Москвы в Петербург 20 декабря и прибыла в Петербург 30 декабря 1731 г. См. «Санктпетербургские ведомости» № 103 за 27 декабря 1731 г., с. 416; № 104 за 30 декабря 1731 г., с. 420; № 1 за 3 января 1732 г., с. 4.

¹³⁵ Евгений Болховитинов полагал даже, что Третьяковский «имел при Императрице Анне Иоанновне титул *Придворного стихотворца*» (см.: Евгений, 1845, II, с. 215).

¹³⁶ В письме к Шумахеру от 18 января 1731 г. Третьяковский сообщает, что «Езда в остров Любви» пользуется успехом при дворе («ceux qui sont à la cour en sont tout à fait contents») и что «многие придворные» («plusieurs courtisans») просят у него «Песнь», посвященную коронации Анны Иоанновны (Письма XVIII в., с. 45—47; Мален, 1928, с. 431); в письме к нему же от 27 января 1731 г. Третьяковский писал: «Я могу поистине сказать, что моя книга [«Езда в остров Любви»] входит здесь в моду, и, к несчастью или же к счастью, я также вместе с ней. Честное слово, сударь, я не знаю, что делать: меня ищут со всех сторон, всюду просят мою книгу [...]» («Je puis dire véritablement que mon livre devint ici à la mode, et par malheur ou bien par bonheur moi aussi avec lui. Ma foi, monsieur, je ne sais que faire; on vient me chercher de tous côtés, on me demande partout mon livre [...]» — Письма XVIII в., с. 47; Мален, 1928, с. 432, примеч. 1). Соответственно, Третьяковский регулярно просит Шумахера прислать ему экземпляры его книги и «Песни» (Письма XVIII в., с. 44, 47; Пекарский, II, с. 26—28) — эти экземпляры явно предназначены для распространения в придворной среде. Равным образом среди придворных распространялся затем «Панегирик или Слово похвальное [...] Анне Иоанновне» 1732 г. (Забелин, 1858, столб. 555—556; Пекарский, II, с. 32—33). Позднее, приводя в трактате о стихотворстве свое рондо, посвященное дню рождения императрицы, Третьяковский отмечает, что это рондо «зделано во всеподданнейшее поздравление, по прошению некоторыя придворныя особы» (Третьяковский, 1735, с. 32; Третьяковский, 1963, с. 387—388). Как видим, придворные даже заказывают в это время Третьяковскому поздравительные стихи, что вполне соответствует роли придворного виршплетя.

¹³⁷ Очень вероятно, что Третьяковский прибыл в Петербург в составе свиты, сопровождающей Екатерину Иоанновну, т. е. 30 декабря 1731 г. См. выше, примеч. 134.

¹³⁸ Один из авторов настоящей работы ранее высказал предположение, что Тредиаковский и Феофан Прокопович могли познакомиться осенью 1730 г. в Петербурге, т. е. сразу же после возвращения Тредиаковского из-за границы (см.: Успенский, 1985, с. 126, примеч. 97). Основанием для такого предположения было свидетельство Г. Н. Теплова (в записке о Тредиаковском 1755 г.) о том, что Тредиаковский был вхож в дом Феофана, когда Теплов был малолетним ребенком и учился в петербургской школе последнего (Теплов, 1868, с. 78). Поскольку в 1731 г. Тредиаковский, видимо, находился в Москве (ср. выше, примеч. 137), это свидетельство Теплова могло относиться либо к осени 1730 г., либо к периоду, начинающемуся с 1732 г. Первое предположение по ряду причин казалось более вероятным.

Тем не менее Тредиаковский и Феофан Прокопович едва ли могли встретиться в Петербурге осенью 1730 г., поскольку Феофан в это время был в Москве или под Москвой: он жил в своей подмосковной резиденции Владыкине. 20 июля 1730 г. императрица удостоила его посещения «в его увеселительной маестности Владыкине» («Санктпетербургские ведомости» № 60 за 27 июля 1730 г., с. 240). В 1730 г. он несколько раз участвует в торжественном богослужении; так, 8 января он отправляет церемонию освящения воды, 16 февраля он встречает Анну Иоанновну в Москве с приветственной речью, 2 марта он произносит речь по случаю присяги императрице, 30 марта он служит в Великий четверг («Санктпетербургские ведомости» № 4, 16, 20, 28 за 12 января, 23 февраля, 9 марта, 6 апреля 1730 г., с. 16, 62, 80, 112). По указанию Чистовича (1868, с. 740, примеч.), Феофан Прокопович с 1729 по 1732 г. вместе со всем Синодом находился в Москве. У нас нет данных о том, что Феофан выезжал в Петербург; во всяком случае, маловероятно, чтобы он успел коротко познакомиться там с Тредиаковским.

¹³⁹ С другой стороны, как нам уже приходилось отмечать, к зачислению Тредиаковского в Академию наук мог иметь отношение и гр. А. Г. Головкин (см. выше, § 3). Оба предположения, разумеется, не противоречат друг другу.

¹⁴⁰ Как мы уже упоминали, Герман Копцевич мог быть в какой-то мере осведомлен об обстоятельствах отъезда Тредиаковского за границу (см. выше, примеч. 68) и, следовательно, о его католических связях. Вполне вероятно, что он не сочувствовал этим связям. Во всяком случае, Жюбе в письме к неизвестному лицу от 9 мая 1731 г. называет его — в не вполне понятном контексте — в числе тех священнослужителей, которые настроены оппозиционно (вероятно, имеется в виду оппозиция по отношению к идее соединения Церквей), ср.: «Il doit y avoir ici une desente du 2 prélats plus opposés dont l'un est le nouvel evêque d'Archangel auteur de certaine thèse dont j'ay parlé» (Арх. Пирлинга, л. 216). Если мы правильно понимаем этот текст, Герман Копцевич находился в оппозиции к деятельности Жюбе и сочинил какую-то «тезу», возможно, выражающую его антикатолические настроения.

¹⁴¹ Слово «псалма», вообще говоря, не обязательно обозначала песню духовного содержания. Так, например, песня-кант Тредиаковского «Начну на флейте стихи печальны...» (1728 г.), опубликованная в приложении к «Езде в остров Любви» под заглавием «Стихи похвалныя России» (Тредиаковский, III, с. 741—742), может фигурировать в рукописных песенниках XVIII в. под названием «Псалом России» (см. об этом: Сохраненкова, 1987, с. 211).

¹⁴² Цитированный документ был сильно поврежден уже и в середине прошлого века, когда его исследовал П. П. Пекарский (см.: Пекарский, II, с. 36). Тем не менее Пекарский имел возможность прочесть какие-то слова, которые сейчас полностью утрачены; таких слов, впрочем, совсем немного. Приводя соответствующий текст, мы исходим прежде всего из рукописи — постольку, поскольку она поддается прочтению, — но восстанавливаем те слова, которые были прочитаны Пекарским и которые сейчас прочесть невозможно.

Невосстановимые лакуны обозначаем многоточиями, взятыми в круглые скобки (принадлежащие нам купюры обозначены многоточиями в квадратных скобках).

¹⁴³ Впрочем, сам Колетти впоследствии отрицал, что он обвинял Третьяковского в ереси: давая показания по этому делу, он заявил, что не усмотрел в песне Третьяковского никакого отклонения от православного вероучения («еретичества и противность он, Колетий, не усмотрел [...]»), хотя она показалась ему сложной «не по правилам грамотическим» и грешившей злоупотреблением «наречениями иностранных»; «[...] говорили ему, Третьяковскому, что в тех псалмах иностранных наречив употреблять было не надобно» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 2 об.).

¹⁴⁴ Последовательность событий неверно представлена в работах: Чистович, 1868, с. 384—385; Успенский, 1985, с. 126—127.

¹⁴⁵ И в рассматриваемом эпизоде (столкновении с Третьяковским) Платон Малиновский выступает как верный последователь Стефана Яворского. Как известно, в своем «Камне веры» (книге, написанной в связи с известным делом Тверитинова) Стефан Яворский обосновывал необходимость казни еретиков, которые, по его мнению, лишь смертью могут очиститься от своих заблуждений. То же самое говорит и Платон Малиновский: обвиняя Третьяковского в ереси, он заявляет: «Кому не бес пролития крови отмстится [...] кровию кровь—де это разве очистит [...] прольется и ваша еретическая кровь» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1; Пекарский, II, с. 37).

¹⁴⁶ Объяснению Платона Малиновского с Третьяковским предшествовало какое-то письмо Третьяковского к Платону, написанное на латыни; вместе с письмом Третьяковский послал Платону свою «псалму» (ЦГАДА, ф. 7, № 515, л. 1 об., 2 об.). По другим сведениям Третьяковский послал Платону какую-то «книгу» (там же, л. 3) — по всей видимости, имеется в виду рукописная книга с «псалмой» Третьяковского.

¹⁴⁷ Чистович (1868, с. 385) указывает, что столкновение Третьяковского с Платоном Малиновским в Петербурге имело место в марте или апреле 1732 г.; это вполне вероятно, хотя мы не знаем, на каком основании исследователь пришел к этому выводу.

¹⁴⁸ Как мы уже упоминали, переезд Третьяковского из Москвы в Петербург был, вероятно, связан с переездом туда двора; не исключено, что он приехал сюда вместе с герцогиней Мекленбургской (см. выше, примеч. 137).

¹⁴⁹ В 1725 г. Петр Смелич вместе с Феофаном Прокоповичем, Афанасием

Кондонди и Рафаилом, архимандритом Калязинским, давал показания против Феодосия Яновского; в 1726 г. он замешан в деле Маркелла Родышевского. См.: Сковрцов, 1878, с. 34—35; Соловьев, X, с. 102.

Для 1724 г. мы располагаем не вполне определенными сведениями о каких-то связях Петра Смелича с католиками: так, францисканец Микель Анджело де Вестинье [Michael Angelus a Vestigné] сообщал в Рим, что Петр Смелич, один из первых советников Синода, был «истинным другом» католика адмирала М. Змаевича («P. Archimandrita Petro [...] è uno de primi Consiglieri del [...] Sinodo, vero amico del [...] ammirale Zmaievich con cui, me presente, si consultò il mezzo d'impedire il ricorso» — Арх. Конгр. Проп. Веры, SORC, vol. 643 (1724), л. 398 об.—399).

¹⁵⁰ После отъезда в Белгород Петр Смелич регулярно сносится через Третьяковского с Академией наук в связи с нуждами Харьковского коллегиума. Харьковский коллегиум находился вообще под надзором белгородского архиерея. В 1737 г. Третьяковский, по поручению Петра, хлопочет об изготовлении при Академии наук необходимых для Коллегиума инструментов, а также заботится о пополнении библиотеки Коллегиума (Пекарский, II, с. 68; Материалы АН, III, с. 316—318; ср.: Лебедев, 1885, с. 9), в 1738 г. он передает просьбу Петра об организации ученой переписки между Академией и Коллегиумом (Пекарский, II, с. 74—75), наконец, в 1737 и 1739 гг. Петр просит Третьяковского содействовать напечатанию в академической типографии тех или иных произведений, включая сюда и стихи Стефана Витынского (Пекарский, II, с. 68, 76; Куник, 1865, с. 85; Материалы АН, IV, с. 204—205, 249).

¹⁵¹ О языковых взглядах Петра Смелича мы знаем из письма Адама Селлия [Burchard Adam Sellius] к Г. А. Франке [Gotthilf August Francke] от 1737 г., направленного из Москвы в Галле. Вот что пишет Селлий: «Приехав несколько лет тому назад в Россию, я занимался русским языком — более из любопытства, а не потому, что я предполагал остаться в этой стране. Вскоре мне посчастливилось попасть в один монастырь, в Невский в Санктпетербурге, прелатом которого был очень любезный господин, при каковой оказии я по его совету довольно много упражнялся в общеупотребительном русском языке, и при этом почти получил отвращение к славянскому — по крайней мере в разговоре и в писании; когда я впоследствии хотел однажды продемонстрировать свои познания в славянском, он самым учтивым образом сделал мне выговор и рекомендовал, чтобы я в будущем, как и до того времени, оставался при общеупотребительном стиле. Когда аббат был посвящен в архиереи, я тоже покинул монастырь и уехал в Москву [...]» («Wie ich vor etlichen Jahren nach Rußland kam, befliesse ich mich der rußischen Sprache, mehr aus Curiosité, als daß ich gedacht hätte, hier im Lande zu verbleiben. Bald darauf fügte mich das Glück in ein Kloster, im Newischen zu St. Petersburg, deßen Praelat ein sehr artiger Herr war, bey welcher Gelegenheit ich mich dann auf desselben Rath in der gemeinen rußischen Sprache ziemlich übte, dabey aber für die slavonische einen halben Abscheu, wenigstens im Reden und Schreiben, bekam, ja wie ich mich hernachmahls einsten bey ihm in der schlavonischen Sprache wolte sehen lassen, so verwieß er mir solches auf eine höffliche Art, befehlend, daß ich inskünfftige wie bis anhero bei der gemeinen Schreib-Art verbleiben möchte. Wie der Abt zum Archierei erkohren ward, verließ ich auch zugleich das Kloster und ging nach Moscau [...]» — Винтер, 1953, с. 413).

Э. Винтер, опубликовавший цитированное письмо Селлия, неправильно его прокомментировал. Вслед за Евгением Болховитиновым и многими другими биографами Селлия, Винтер считал, что Селлий приехал в Россию около 1722 г.

(ср., в частности: Евгений, 1827, II, с. 103); соответственно, он относил пребывание Селлия в Александро-Невском монастыре к 1722—1725 гг. (Винтер, 1953, с. 235), т. е. к тому времени, когда монастырем управлял Феодосий Яновский; Феодосий Яновский, однако, был поставлен в архиереи не в 1725 г., а в 1721 г. (в 1721—1725 гг. он управлял монастырем в сане новгородского архиепископа — Харлампович, 1914, с. 588). Время приезда Селлия в Россию (1732 г.) окончательно установлено Берковым (1966, с. 101; 1966а, с. 269, примеч. 4). Очевидно, таким образом, что в цитированном письме речь идет о Петре Смеличе. Селлий был преподавателем Александро-Невской семинарии: в июле 1734 г. Петр Смелич поручает ему преподавание латинского языка и управление школой, т. е. наблюдение за организацией преподавания в семинарии (Берков, 1966, с. 103; Рункевич, 1913, с. 503). После поставления Петра Смелича в епископы (11 января 1736 г. — ОДДС, XVI, столб. 3; Рункевич, 1913, с. 396) Селлий уехал из Петербурга в Москву (22 мая 1736 г. — Берков, 1966, с. 103; Берков, 1966а, с. 270). Достоинно внимания, что Третьяковский и Селлий, по-видимому, жили в Александро-Невском монастыре в одно и то же время.

¹⁵² Отметим еще, что Петр Смелич был поэтом. Он написал стихи на взятие Хотина и хотел напечатать их при Академии наук. 23 октября 1739 г. дело рассматривалось в Академии, причем Третьяковский ходатайствовал об издании этой книги (Материалы АН, IV, с. 249). Книга, по-видимому, не была издана — во всяком случае, сведения о подобном издании отсутствуют в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (см. изд.: Св. кат. XVIII в.).

¹⁵³ В 1749 г., представляя в канцелярию Академии наук свой перевод «Аргениды», Третьяковский сопровождает его следующим письмом, обращенным к Шумахеру: «Примите, сударь, работу, которая стоила мне много труда [...]. Я буду пить сегодня за г. советника [т. е. Шумахера] в Невском монастыре у его преосвященства, архиепископа, потому что у него доброе вино и доброе сердце. Я буду праздновать — не примите этого во гнев, — пока я буду жив, тот день, в который я имел удовольствие вручить канцелярии мою любезную Аргениду» («Prenez, Monsieur, cet ouvrage qui m'a fait bien de la peine [...]. Je fêterai aujourd'hui M. le conseiller au couvent Nevsky chez son eminence Monseigneur l'Archevêque parcequ'il a du bon vin et de bon coeur. Je fêterai — ne vous en déplaie pas — pendant que je vivrai le jour auquel j'ai eu la satisfaction de remettre à la chancellerie mon aimable Argenis» — Пекарский, II, с. 146—147).

Феодосию Яновскому Третьяковский, между прочим, подарил в 1747 г. свою «Пасхалию» — рукописный трактат о истории календаря (Невская, 1984, с. 196; ср.: ГПБ, Петерб. дух. акад. 240).

¹⁵⁴ При этом Третьяковский предлагал напечатать «Феоптию» и переложение Псалтыри за собственный счет, хотя и намекал, что в воле Синода разрешить финансовый вопрос более благоприятным для автора образом (см. его доношение в Синод от апреля 1757 г. — «Москвитянин», 1851, № 19—20, с. 536; Шишкин, 1989, с. 480); тем более знаменательно, что Синод все же берет расходы на себя. Оба сочинения должны были быть изданы под одной обложкой как одна книга — по-видимому, она рассматривалась Третьяковским как одно целое.

¹⁵⁵ Показательна в этом отношении судьба А. Ю. Ладыженского, дворянина, который при Петре I был отправлен в Европу для обучения, там перешел в

католичество и вступил в Орден иезуитов. В 1735 г. в Вильне его арестовал генерал де Ласси и привез в Петербург, где Ладыженский был заключен в Петропавловскую крепость. Ладыженский не согласился отречься от своей веры; в 1737 г. он был бит шелепами и отослан в Сибирь в солдаты; в ссылке он пробыл около 20 лет (Флоровский, 1948; ср.: ОДДС, XVI, столб. 126—129; Пирлинг, IV, с. 293).

Попутно отметим (поскольку это представляет интерес для нашей темы), что в вопросе о непогрешимости папы Ладыженский занимал позицию, в какой-то мере близкую к позиции янсенистов. Так, будучи испытан в вере, Ладыженский заявлял, что «папу почитает за первого епископа и когда де он один бывает, кроме соборов вселенских, то и погрешить может, а что де на вселенских соборах узаконяет обще, в том погрешать не может» (ОДДС, XVI, столб. 128). О значении этого вопроса для разногласий между янсенистами и ультрамонтанами см. § 2 настоящей работы (см., в частности, выше, примеч. 27 и 46).

¹⁵⁶ Ср. упоминания об этой встрече в письмах Жюбе, написанных по пути в Россию. Так, в письме из Пиллау от ноября 1728 г. Жюбе сообщал, что они встретятся с кн. А. Б. Куракиным «в Курляндии, у герцогини, которую княгиня [И. П. Долгорукая] не может не видеть, потому что они подруги» («Nous nous rejoindrons au moins en Courlande chés la Duchesse que la Princesse ne peut se dispenser de voir, étant son amie» — Библ. Труа, № 2213, л. 42 об.—43; Арх. Пирлинга, л. без номера). В письме из Кенигсберга от 16 ноября 1728 г. Жюбе отмечает, что «герцогиня Курляндская обещала дать лошадей и шесть драгунов» («La Duchesse de Courlande avoit promis des chevaux pour les voitures et six dragons» — Библ. Труа, № 2213, л. 38; Арх. Пирлинга, л. без номера).

¹⁵⁷ Гонения на И. П. Долгорукую и ее семью начались, можно думать, уже в 1731 г. Примечательно письмо Жюбе неизвестному лицу от 9 мая 1731 г. из Москвы: «Удар грома разразился на последней неделе поста. Князь был первым актером, он выступал как глава дома, возмущенный родней. Молодой человек, старший по возрасту, торжественно отрекся. Князь всем своим видом, а также и письменной декларацией подчеркнул, что не признает более других членов семьи своими детьми» («Le coup d'éclat s'est fait la dernière semaine de carême. Le prince a été le 1er acteur, il a agi en maître poussé par le parenté. Le jeune homme, l'aîné a déserté solennellement. Le prince de vive voix et par écrit a marqué qu'il ne reconnoit plus les autres pour ses enfants» — Арх. Пирлинга, л. 216). Кажется, что речь идет о спектакле, публично разыгранном кн. С. П. Долгоруким после того, как вероисповедание его жены и детей перестало быть тайной: князь сделал вид, что ничего не знал об этом и сыграл роль разгневанного главы семейства.

Следует отметить, что вначале императрица какое-то время защищала И. П. Долгорукую от обвинений в католицизме, заявляя, что она сама является «исповедником княгини Голицыной»; вместе с тем в разговорах с Долгорукой она отзывалась о католицизме как о «дьявольской религии» и даже склоняла ее к принятию лютеранства. Ср.: «D'abord, l'Impératrice, par amitié pour la Princesse chez qui demouroit M. Jubé, détournait les coups; et quand on cherchoit à la prévenir, elle disoit qu'elle en sçavoit plus qu'on n'en débitoit sur leur compte, parce qu'elle étoit le *Confesseur de la Princesse Galitzin*: mais quand elle conversoit avec cette Princesse, elle lui avouoit qu'elle ne haïssoit rien tant que la Religion Catholique Romaine, et elle la traitoit de *Diabolique* — *Dès que vous vouliez changer de Religion*, lui ajoutoit-elle, *que ne preniez-vous la Luthérienne?*» (Бурсье, 1753, с. 352). Именно этот разговор передает Жюбе в своем письме к архиепископу Бархману от 16 апреля 1730 г.: «La fourrure

[императрица] dit que la boulevard [католическая религия] est diabolique» (Библ. Труа, № 2229. 17, л. 37; Арх. Пирлинга, л. 210; ср.: Пирлинг IV, с. 360; — относительно условных обозначений, которыми пользуется Жюбе в своем письме, см. выше, примеч. 111).

Можно предположить, что твердая позиция И. П. Долгорукой во время этого разговора вызвала гнев императрицы и привела к разрыву между ними. Таким образом, изменение отношения Анны Иоанновны к И. П. Долгорукой можно датировать второй половиной апреля или началом мая 1731 г.

¹⁵⁸ Как мы уже знаем, императрица прибыла в Петербург 15 января 1732 г. См. выше, примеч. 132.

¹⁵⁹ После удаления И. П. Долгорукой из Москвы Анна Иоанновна распоряжается через московского главнокомандующего гр. С. А. Салтыкова, чтобы ее (Долгорукой) дети были отправлены в Петербург и отданы в кадетский корпус. Это распоряжение не предвещало для Долгоруких ничего хорошего, и Салтыков, кажется, попытался оттянуть его исполнение, чем навлек на себя неудовольствие императрицы. Ср. письмо Анны Иоанновны к С. А. Салтыкову от 13 февраля 1735 г.: «Давно послан к тебе указ о посылке детей князь Сергея Петрова сына Долгорукова сюда в кадетский корпус, на который ты тогда отвечал, что они больны и за тем не высланы, а с тех пор выздоровели они или померли, о том никакой ведомости от тебя и поныне не прислано, того ради по получении сего немедленно их сюда вышли по помянутому прежнему указу, и чтоб конечно ничем не отговаривались, лучше вам по нашим указам исполнять, нежели смотреть на их прихоти» (Кудрявцев, 1878, с. 153—154). Получив это письмо 18 февраля 1732 г., С. А. Салтыков пометил: «Онаго князя Сергея Долгорукова жена и со означенными детьми поехала в Петербург февраля 13 дня до получения сего указа, и о том к Ея Императорскому Величеству репортовано февраля 13 дня» (там же). Нам неизвестно, зачем И. П. Долгорукая отправилась в Петербург и каким образом она решила это сделать, будучи в немилости у императрицы.

¹⁶⁰ Пирлинг (IV, с. 386) указывает, что это событие произошло 15 августа 1745 г., однако он ссылается при этом на Соловьева, который, насколько можно понять, говорит именно о 1744 г.

¹⁶¹ Этот факт можно признать достаточно достоверным, поскольку мы знаем о нем из двух независимых источников — из книги Бурсье и из записок кн. П. В. Долгорукова, известного генеалога, специально занимавшегося историей рода Долгоруких. П. В. Долгоруков не был знаком с книгой Бурсье, и он основывается, надо думать, на семейном предании. Необходимо при этом иметь в виду, что П. В. Долгоруков был прямым потомком И. П. Долгорукой, которая доводилась ему прапрабабкой: его отец Владимир Петрович (1773—1817) был сыном Петра Петровича (1744—1815), который, в свою очередь, был сыном Петра Сергеевича (1721—1773) — сына Сергея Петровича и Ирины Петровны Долгоруких. См.: Долгоруков, I, с. 92, 96, 99, 103, 104; Долгоруков, 1840, с. 168—170, 172—174; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 364.

¹⁶² См. именной указ императрицы Елизаветы Петровны Синоду от 27 марта 1746 г.: «Статского советника князя Сергея князь Петрова сына Долгорукова жена, княгиня Ирина князь Петрова дочь Голицына в прошлых годах, будучи при

муже своим в Голландии, пришла во отвращение от православных католических веры, приняла веру римскую и вывезла в Россию учителя своего иезуита. И как о том было уведано, то еще при сестре нашей блаженной памяти Императрице Анне Иоанновне чрез генерала графа Ушакова и бывшего в кадетском корпусе иеромонаха Луку Конашевича увещевана и паки ко обращению православного греческого исповедания приведена и помянутый учитель ее за границу выслан» (Пекарский, 1868, с. 25—26). Ср. предложение Синоду обер-прокурора Синода кн. Я. П. Шаховского от 16 апреля 1746 г.: «Ея императорское величество, всемилоостивейшая наша государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, минувшего марта 29-го дня изустно мне повелеть соизволила святейшему синоду предложить, чтоб с княгиней Долгоруковою, по начавшемуся об ней делу, не слабо поступать и чего ради она в ответах своих ея императорскому величеству неправду показала, в том ее допрашивать и из дому своего никуда ей не выезжать, и о произшедшем от нея, во отпадении от православия, преступлении надлежит ей публично покаяться учинить. Того ради, я о сем вашему святейшеству, для надлежащего исполнения предлагаю [...]» (Шаховской, 1872, с. 287).

¹⁶³ Ср. предложение Синоду обер-прокурора Синода кн. Я. П. Шаховского от 18 августа 1746 г.: «Ея императорское величество, всемилоостивейшая наша государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, присутствуя в Питергофе, сего августа 17-го дня изустно мне повелеть соизволила святейшему синоду объявить, дабы, по силе ея императорского величества святейшаго синода членам изустнаго повеления о штрафовании князь Сергия Долгорукова, учинить исполнение, также чтоб и сыну ево князь Николаю с ним же на несколько время в монастыре быть и при том за ним истинно ль он православной наш закон содержит и довольно ль тому обучен, по надлежащему наблюдать; а за княгиней Ириною и за дочерью ее, княжнюю Анною, чтоб она православную греческую веру, во всю свою жизнь, твердо и ненарушимо содержали и во оной непоколеблемо пребывая, в установленные посты, по долгу христианскому, исповедывались и святых тайн сообщались, накрепко духовным их отцом предусматривать приказать; о чем вашему святейшеству, для надлежащего исполнения, — чрез сие и предлагаю» (Шаховской, 1872, с. 288—289).

¹⁶⁴ И. П. Долгорукая похоронена в московском Богоявленском монастыре (Голицын, 1892, с. 133, 389; Долгоруков, I, с. 92), в родовой усыпальнице князей Долгоруких; по словам П. В. Долгорукова, «в старину почти все Долгоруковы бывали погребаемы в Богоявленском монастыре (в Китай-городе на Никольской улице), до указа 1771 г., коим воспрещено хоронить внутри Москвы» (Долгоруков, I, с. 92, примеч.; ср.: Благово, 1885, с. 192).

¹⁶⁵ Судьба И. П. Долгорукой, естественно, волновала и французов. До нас дошел документ, озаглавленный: «*Mémoire pour mettre au fait de ce qui regarde Madame la Princesse Dolgorouky avec sa famille, pour communiquer avec eux et les secourir, copié sur le Mémoire de M. De La Cour*» — Библ. Труа, № 2213, л. 36—37; Арх. Пирлинга, л. 1—6). Этот документ, как явствует из его названия, основывается на какой-то записке Жюбе, однако он был составлен после смерти Жюбе, последовавшей в 1745 г.

¹⁶⁶ Указывая, что Кантемир имеет здесь в виду кн. И. П. Долгорукую, П. Н. Берков (1961, с. 219) почему-то полагает, что цитируемая сатира написана до 1729 г.;

З. И. Гершкович (1956, с. 462) датирует эту сатиру 1729—1730 г. Ни с той, ни с другой датировкой согласиться невозможно: если речь идет здесь о И. П. Долгорукой, данное произведение могло быть написано только после ссылки княгини, т. е. не ранее 1732 г. В это время Кантемир был уже за границей. И. П. Долгорукая находилась в тяжелом материальном положении с 1731 г. (Пирлинг, IV, с. 367).

Слово «бармот» означает какую-то принадлежность одежды и, возможно, восходит к фр. *marmotte* как обозначению женского головного убора (Сл. рус. яз. XVIII в., I, с. 143; Берков, 1961, с. 219, примеч. 66).

¹⁶⁷ Между прочим, воцарение Елизаветы Петровны, по-видимому, стимулирует интерес янсенистов к России. В частности, некоторые янсенисты, жившие в Голландии, обратились к Елизавете Петровне с просьбой разрешить им поселиться в России, однако императрица холодно отнеслась к этой идее (см. депешу Кантемира от 12/23 мая 1743 г. и ответный рескрипт от 14 июня 1743 г. — Кантемир, II, с. 297—298).

¹⁶⁸ Тредиаковский получил от этого духовного лица, в частности, сочинения Иоанна Дамаскина. Об этом Тредиаковский пишет в «Пасхалии» (1747 г.), предваряя свой перевод жизнеописания Иоанна Дамаскина из Дюпена [Louis-Ellies Dupin, 1657—1719], «то мы увидим в следующем наблюдении, выбранном из знатного писателя, сорбоннского доктора господина Дюпена из шестаго тома новья его библиотеки о церковных авторах, которое во всем есть согласно с житием Святаго Иоанна Дамаскина, давно ведомое на нашем языке: однако в нашем нет росписи его сочинениям, а в Дюпеновом все до единого описаны, и я из них в прошедшем 1742 м годе, будучи в Москве, почитай всех до единого имел печатныя в разных местах, которыи мне были даны на время от некоторого чужестраннаго духовнаго человека, в одном доме со мною пребывавшаго, а ныне или в Париже, или в Руане пребывающаго» (ААН, р. II, оп. 1, № 138, л. 94—94 об.). Любопытно, что Дюпен — активный янсенист, друг Роллена и вместе с тем автор проекта о воссоединении католиков и англикан.

От этого же человека Тредиаковский получил, по-видимому, «Речи краткия и сильныя...» Иоанна Евсевия Ниремберга, которые он затем переводит с латинского на русский язык (см. рукопись перевода: ААН, р. II, оп. 1, № 67). В письме к Я. Я. Штелину от 28 января 1744 г. и в письме к И.-Д. Шумахеру от 2 февраля 1744 г. Тредиаковский сообщает, что латинский оригинал этой книги был ему одолжен на время каким-то иностранцем, который за несколько недель перед тем покинул Россию (Пекарский, II, с. 101—102).

¹⁶⁹ Шетарди, возможно, имел отношение к отправлению сыновей И. П. Долгорукой — князей Александра и Владимира Сергеевичей Долгоруких — в Париж в феврале 1742 г. (см. § 4 настоящей работы). Во всяком случае, к этому имел отношение Лесток: см. упоминание об этом как в письме Лестока к Кантемиру от 14 июня 1742 г. (Грасгоф, 1966, с. 73), так и в ответном письме Кантемира к Лестоку от 4/15 июня 1742 г. (Майков, 1903, с. 174—175); между тем, как известно, Лесток и Шетарди были непосредственно связаны друг с другом.

¹⁷⁰ В 1739 г. архиепископ белгородский Петр Смелич по причине свирепствовавшей в Харькове эпидемии перевел славено-латинский коллегий из Харькова в свою архиерейскую слободу Грайвороны, поместив его там в своих архиерейских хороммах (Лебедев, 1885, с. 9; Лебедев, 1902, с. 56); Тредиаковский, как мы уже знаем, с февраля 1738 г. по февраль 1739 г. жил в Белгороде у Петра Смелича.

В этой же связи заслуживает внимания то обстоятельство, что, когда Кантемир в октябре 1740 г. обратился в Синод с просьбой назначить к нему в Париж священника, после долгих поисков (так как желающих ехать в Париж не было) выбор пал на священника Белгородской епархии Андрея Григорьева Генеvского (см. выше, примеч. 90). Выбор священника из Белгородской епархии позволяет предположить посредничество в этом деле Третьяковского, поскольку тот был связан с белгородским архиереем (Петром Смеличем) и был знаком с Кантемиром.

¹⁷¹ Стихи Стефана Витынского с корректурными исправлениями Третьяковского хранятся в Архиве Академии наук. См.: Берков, 1936, с. 291, примеч. 69.

¹⁷² В 1742 г. Стефан Витынский просит об увольнении на покой (Харлампович, 1914, с. 717, 719). В упоминавшемся письме от 11/22 августа 1743 г. Третьяковский передает Кантемиру просьбу троицкого архимандрита Кирилла Флоринского ссудить Петру Витынскому 1000 ливров для оплаты долгов в Париже с тем, чтобы тот мог их оплатить и вернуться в Россию (Письма XVIII в., с. 50—51); вероятно, Стефан Витынский уже скончался к этому времени. Кирилл Флоринский был до 1736 г. префектом Харьковского коллегіума и, следовательно, коллегой Стефана Витынского (Смирнов, 1855, с. 198; Харлампович, 1914, с. 661, 718).

¹⁷³ Жюбе в письмах к Кантемиру от 6 мая 1743 г. и к Александру и Владимиру Сергеевичам Долгоруким от 29 июля 1743 г. упоминает о каком-то «молодом русском», который живет у Расина и получает деньги через Долгоруких, а также о некоем православном священнике («попе»), который тоже одно время там жил. Так, Жюбе писал Кантемиру: «[...] помимо 200 франков за одежду, белье и другие вещи, причитающихся от меня за молодого русского, которого я поместил у Расина, последнему полагается 300 франков за еду в течение 6 месяцев, включая сюда и то время, когда там жил православный священник. Прошу Вашу светлость распорядиться о выплате этих денег Расину, который обязался бесплатно обучать молодого русского; он им очень доволен и поместил его в хороший пансион по-соседству с собой [...]» («[...] outre 200 [fr.] pour habits, linges et autres choses dont je me suis chargé en faveur du jeune Russe que j'ai placé chez M. Racine; il lui est dû 300 [fr.] pour la nourriture depuis 6 mois, y compris le tems que le Pope a vecu chez lui. Je supplie Votre Altesse de donner ses ordres pour les faire remettre à M. Racine qui s'est chargé d'instruire gratis le jeune Russe dont il est parfaitement content et l'a placé dans une bonne pension de son voisinage [...]» — МИД АВПР, ф. Парижская миссия, 1743, д. 11, л. 7—7 об.). Вскоре Жюбе писал Долгоруким: «Вы должны отчитаться по поводу выплаты пенсии православному священнику и части пенсии в 500 франков молодому русскому, поскольку он жил у г. Расина. Вы знаете, что такова была наша договоренность, и я сказал г. Расину, что ему будут платить только из этой суммы в 500 франков в год; ему уже вернули то, что он истратил на белье, одежду и т. п.» («Vous me devez aussi une reponse par rapport au paiement de la pension du pope, et de la portion de celle de 500 [fr.] du jeune Russe au pro rata de ce qu'il a été chez M. Racine. Vous savez bien que c'a été la convention, en consequence j'ai donné parole à M. Racine qu'il seroit payé seulement de cette somme de 500 [fr.] par an. Il a été payé des avances faites par lui d'ailleurs pour linges, habits, etc.» — Библ. Труа, № 2213, л. 44 об.; Арх. Пирлинга, л. без номера). Надо полагать, что этот «молодой русский» — не кто иной, как Петр Витынский; что же касается православного священника, то это, несомненно, А. Г. Генеvский (см. о нем выше, примеч. 90 и 170).

Бурсье (1753, с. 352) упоминает о каком-то русском священнике («un Pore»), который был послан в 1740-х гг. неким русским архиереем во Францию для получения образования и который во Франции был связан с Жюбе; надо полагать, что в этом сообщении произошла контаминация Петра Витынского, который действительно был послан во Францию для получения образования, однако не был священником, и А. Г. Генеvского, который был священником, но приехал во Францию вовсе не для того, чтобы получить образование; оба они были связаны с Жюбе. Архиерей, о котором упоминает Бурсье, — это, видимо, белгородский архиепископ Петр Смелич: как Петр Витынский, так и Андрей Генеvский — выходцы из Белгородской епархии, и Петр Смелич должен был иметь то или иное отношение к их отправлению во Францию.

¹⁷⁴ Слово «La Cour» в этой фразе может, вообще говоря, пониматься и как имя собственное (т. е. наименование аббата Жюбе), и как имя нарицательное («двор»). В последнем случае мы должны считать, что Витынский выехал в Голландию по приказанию французского или русского двора, что совершенно невероятно: даже если считать, что Витынский получил официальное распоряжение выехать в Голландию, он мог получить его от администрации, но никак не от двора. Поскольку нам доподлинно известно, что Витынский был связан с Жюбе и пользовался его покровительством, наша интерпретация данной фразы кажется единственно возможной; дополнительное подтверждением может служить и отъезд именно в Голландию — Голландия, как мы знаем, была центром янсенизма, и Жюбе имел прямое отношение к этой стране.

Упоминание о каком-то «Делакуре» мы находим в депеше Шетарди от 11/22 февраля 1742 г. из Петербурга, которая была перлюстрирована и известна нам в русском переводе (Арх. Куракина, I, с. 492), однако содержание этого документа неясно и не дает оснований для каких-либо выводов.

¹⁷⁵ Тредиаковский упоминает в своем письме о каком-то «докторе и библиотекаре Сорбонны» («mr le docteur et bibliothécaire de Sorbonne») (Письма XVIII в., с. 54, 56). Библиотекарем Сорбонны в это время (с 1742 по 1765 г.) был Жан-Батист Ладвока [Jean-Baptiste Ladvoct, 1709—1765], известный гебраист, работавший в области критики текста Ветхого Завета (Франклэн, 1875, с. 205). Как явствует из письма, Тредиаковский не был знаком с Ладвока.

¹⁷⁶ Свадьба в Ледяном доме не могла быть отпразднована непосредственно на масляной неделе, поскольку согласно уставу Православной Церкви на этой неделе не совершаются браки. Равным образом браки не совершаются в «неделю мясопустную», т. е. в воскресенье, предшествующее масленице («седмиче сыропустной»), в субботу (поскольку браки не совершаются вообще накануне воскресных дней), в пятницу (поскольку браки не совершаются накануне «родительских», т. е. поминальных, суббот, а суббота перед «неделей мясопустной» является именно «родительской» субботой) и, наконец, в четверг (поскольку браки никогда не совершаются по четвергам). Таким образом, последним днем перед масляной неделей, когда можно было отпраздновать свадьбу, была среда на неделе, предшествующей масленице (так называемой «пестрой» неделе). Именно в этот день — 6 февраля 1740 г. — и была устроена «дурацкая свадьба» в Ледяном доме; непосредственно примыкая к масленице, это празднество как бы предвосхищало предстоявшее масленичное веселье и, соответственно, включало в себя типичные атрибуты масленичного поведения. При всем том эта свадьба была подлинной, а

не чисто карнавальная, поскольку свадебному торжеству предшествовало венчание в церкви — подобно тому, как это происходило на потешных свадьбах при Петре I, например, на свадьбе князь-папы или «патриарха» Н. М. Зотова в 1715 г. (Голиков, 1790—1797, X, с. 232—252) или на свадьбе князь-папы П. И. Бутурлина в 1721 г. (Берхгольц, I, с. 115—121), а также на потешной свадьбе карликов в 1710 г. (Юль, 1899, с. 261—263, 455; Вебер, 1721, с. 385—388, № 472) и на свадьбах шутов Петра I (Тургенева в 1694 г., Шанского в 1702 г., Кокошкина в 1705 г. — Желябужский, 1840, с. 39—40, 209, 211—212; Голиков, 1790—1797, IV, с. 115; Голиков, 1788—1789, II, с. 76; Голиков, 1790—1797, VI, с. 318; Орфелин, I, с. 291—292; Перри, 1716, с. 238—241).

Впрочем, по другим сведениям, свадьба в Ледяном доме происходила 12 февраля 1740 г., т. е. непосредственно на масляной неделе: эту дату сообщает В. Крафт в статье «Описание лдяного дому» (статья подписана инициалами: В. К.), помещенной в «Примечаниях на [Санктпетербургские] ведомости», ч. 99, от 9 декабря 1740 г., с. 393; ср.: Голицын, 1880, с. 132—133. Крафт, несомненно, ошибается, поскольку его указание расходится с показаниями других источников — в частности с рапортом Тредиаковского в Академию наук от 10 февраля 1740 г. (Пекарский, II, с. 77—79; «Москвитянин», 1845, № 2, с. 43—46; Материалы АН, IV, с. 306—309), с письмом маркиза де ла Шетарди от 19 февраля/1 марта 1740 г. из Петербурга (Пекарский, 1862а, с. 55), с архивными дворцовыми документами (Внутренний быт..., I, с. 292, 295) — однако характерно само стремление приурочить данное событие к масленице.

¹⁷⁷ Маскарадная комиссия была учреждена в 1739 г. и прекратила свое существование в мае 1740 г., см.: Внутренний быт..., I, с. 292—296. Относительно Слонового двора (который помещался на берегу Фонтанки) см. там же, с. 326—341.

¹⁷⁸ П. В. Долгоруков сообщает другой год рождения кн. М. А. Голицына, а именно 1689 г. (Долгоруков, I, с. 290; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 382); Н. Н. Голицын указывает 1687 г. (Голицын, 1880, с. 124; Голицын, 1892, с. 141; ср. также: Др. рос. вивл., IV, с. 290). На могиле М. А. Голицына в Братовщине (по дороге к Троице-Сергиеву монастырю) значилось, однако, что он скончался 18 июня 1775 г. 78 лет от роду — следовательно, в 1697 г. (Полевой, 1890, с. 171—174).

¹⁷⁹ Указание Н. Н. Голицына насчет того, что М. А. Голицын был сделан придворным шутом в 1732 г. (Голицын, 1892, с. 141), подтверждается, по-видимому, письмом Анны Иоанновны к С. А. Салтыкову от 20 февраля 1733 г.: «[...] благодарна за присылку Голицына, Милютин и Балакиревой жены, а Голицын всех лучше, и здесь всех дураков победил [...]» (Кудрявцев, 1878, с. 66). Алексей Милютин — истопник императрицы, см. о нем в записках П. В. Долгорукова (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 380).

¹⁸⁰ Что касается кн. Н. Ф. Волконского, то его превращение в шута было вызвано, несомненно, чисто личными причинами: жена Н. Ф. Волконского, княгиня Аграфена Петровна Волконская, дочь Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, бывшего обер-гофмейстером в Курляндии при дворе Анны Иоанновны, в свое время интриговала против Анны Иоанновны и Бирона (Соловьев, X, с. 91, 131, 135—136, 259; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 381). После восторжества Анны Иоанновны на престол кн. А. П. Волконская была отправлена в Тихвинский монастырь (Соловьев, X, с. 259; Шубинский, 1869, с. 30); когда же она умирает,

муж ее становится придворным шутом — так мстит императрица своему бывшему врагу. 15 августа 1732 г. Анна Иоанновна писала в Москву гр. С. А. Салтыкову: «Объявляю вам, что княгиня Аграфена Волконская умерла, того ради изволь сыскать мужа ея князя Никиту Волконскаго и к нам его немедленно выслать в Петербург и скажи ему, что ему велено быть за милость, а не за гнев [...]» (Кудрявцев, 1878, с. 44). В дальнейшем императрица поручает С. А. Салтыкову составить шуточное «Житие князь Никиты Волконскаго». Так, в письме от 2 ноября 1732 г. она велит Салтыкову: «Пошли кого нарочно князь Никиты Волконскаго в деревню его Селявино и вели распросить людей, которые больше при нем были в бытность его тамо, как он жил и с кем соседями знался, и как их принимал, спесиво или просто, так же чем забавлялся, с собаками ль ездил, или другую какую имел забаву, и собак много ль держал, и каковы, а когда дома, то каково жил, и чисто ли в хоромах у него было, и какова была пища, не едал ли кочерыжек и не леживал ли на печи, и о том обо всем и тех его людей распрося их подлинно, вели взять сказки и пришли к нам [...], и где он сыпал, бывали ль у него тут горшки и кувшины, так же и деревянная посуда, и о том обо всем его житии сделал тетрадку, написав подлинно, и подписать сперва „Житие князь Никиты Волконскаго“ [...]» (Кудрявцев, 1878, с. 53). В следующем письме Салтыкову от 6 ноября 1732 г. императрица добавляет: «[...] к житию Волконскаго вели приписать, спрося у людей, сколько у него рубах было и по скольку дней он нашивал рубаху [...]» (там же, с. 54). Во исполнение этого поручения были «о житие его князь Никиты Волконскаго сочинены две тетрадки и отправлены к Ея Императорскому Величеству при доношении ноября 27 [1732 г.]» (там же, с. 53, примеч.). Ср. еще распоряжение Салтыкову в письме от 16 апреля 1733 г.: «По получении сего изволь послать в дом князь Никиты Волконскаго и все письма его взять и сюда к нам прислать, так же и в деревню его послать осмотреть, нет ли и там каких писем, а деревня та ж, в которой описывали его житие [...]. А нам письма Волконскаго надобно ради смеху» (там же, с. 76).

Продолжая свои развлечения, Анна Иоанновна затем «женит» одного шута на другом — Н. Ф. Волконского на М. А. Голицыне, причем заставляет Волконского написать к своему приказчику, что он подлинно женился. 2 сентября 1734 г. императрица сообщала Салтыкову: «[...] да здесь играючи женила я князь Никиту Волконскаго на Голицыном, и при сем прилагается его письмо к человеку его, в котором написано, что он женился в правду, и ты оно сошли к нему в дом стороною, чтоб тот человек не дознался, и о том ему ничего сказывать не вели, а отдать так что будто то письмо прямо от него писано [...]» (Кудрявцев, 1878, с. 138). Ср. затем следующее предписание от 1 октября 1734 г.: «Возьми у человека князь Никиты Волконскаго то письмо, которое он к нему о женитьбе своей писал, и взяв подлинное пришли сюда, а у него вели оставить копию [...]» (там же, с. 142—143).

На кн. Н. Ф. Волконского была возложена, между прочим, обязанность ухаживать за любимой левреткой Анны Иоанновны, Цытринькой (Миних, 1817, с. 159; Манштейн, II, с. 70; Внутренний быт..., I, с. 221; Шубинский, 1888, с. 43—44).

¹⁸¹ Как сообщает Манштейн (II, с. 72), орден «Сан-Бенедетто» внешне походил на уменьшенный орден св. Александра Невского и носился в петлице на красной ленте (ср.: Долгоруков, 1867—1871, I, с. 381; Шубинский, 1873, с. 342; Спасский, 1963, с. 115). Таким образом, он мог восприниматься одновременно и как насмешка над национальными чувствами и православной религией — подобно тому, как петровский Всешутейший собор одновременно был направлен против патриарха и

против папы римского (ср.: Успенский, 1982а, с. 212, 225—226, примеч. 38). Любопытно при этом, что орденом «Сан-Бенедетто» были награждены шути-иностранцы: можно предположить, что этот орден предстал как вариант ордена Александра Невского, предназначенный для иноземцев.

Традиция шутовских орденов восходит в России к петровскому времени: так, при Петре I был шутовской орден Иуды-Предателя, которым был награжден в 1709 г. князь Юрий Шаховской (Юль, 1899, с. 93, 220); этот орден первоначально предназначался, вероятно, для гетмана Мазепы (Платонов, 1927, с. 193—198; Спасский, 1963, с. 109—110).

¹⁸² Вообще шутовские потехи при дворе Анны Иоанновны нередко выходили за границы пристойности. Позднее, после падения Бирона, это ставилось ему (Бирону) в вину: Бирон обвинялся в том, что он «будто для забавы ея величества [...] под образом шуток и балагурства, такая мерзкия и Богу противныя дела затеял, о которых до его времени в свете мало слыхано: умалчивая о нечеловеческом поругании, произведенном не токмо над бедными от рождения, или каким случаем дальняго ума и разсуждения лишенными, но и над другими людьми, между которыми и честной породы находились, о частых между оными заведенных до крови драках и о других оным учиненных мучительствах и безстыдных мужеска и женска пола обнажениях и иных скаредных между ними, его вымыслом произведенных пакостях, уже и то чинить их заставлял и принуждал, что натуре противно и объявлять стыдно и непристойно» («Дело о Бироне» — Пекарский, 1862а, с. 64—65).

¹⁸³ Ср. в «Чине избирания» князь-папы (1717 г.): «Князь-цесарь повелевает принести яйца [так в черновом автографе Петра; в беловом списке: *муде*] для выбирания, и служители раздают по два каждому; на каждое имя едино натуральное и другое обшито, отцем же сидящим в епанчах и муде тайно держащим. Потом князь-цесарь осматривает чашу покрытую и заключает оную своею печатью и повелевает гласити перваго имя и носити на его имя, поднося чашу к каждому. Отцем же подобает класти яйца [так в черновом автографе Петра; в беловом списке: *муде*]: аще кого соизволяет, то натуральное, аще же кого не соизволяет, то обшито да кладет. Когда же всем яйца уже положившим, тогда приносят чашу пред цесаря, он же отверзает пред всеми и сыплет на стол пред собою, и разделяет, сколько натуральных и сколько обшитых, и повелит записать. Потом паки пустую чашу заключает и равным же образом на другога имя и третьяго балатирует. Потом же, когда уже на все имена балатировано, тогда архидиякон велегласно читает пред князь-цесарем, сколько на кого вынялось, и на ком более натуральных будет, тот да наречется [...]. И потом бывает орлочитание за радость избраннаго [т. е. пьют за него]. Когда все совершится, тогда князь-цесарь повелевает новоизбранному и прочим итти к столу, где точно поставляюся яйца [так в черновом автографе Петра; в беловом списке: *муде*], бывшия на избирании, прочее же ничто» (ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, № 67, л. 30 [черновой автограф Петра I], 32 [беловой список, выполненный писцом]; ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, № 240, д. 14, л. 9 [другой беловой список]; ср.: Семевский, 1885, с. 304—305). При завершении данной церемонии новоизбранного князь-папу «целуют в яя», под которыми на этот раз определенно понимаются *testiculi*: «Потом целуют его [князь-папу] все в руку, держашую орла [т. е. кубок] и в яя под лonom и пинют из десницы в знак присяги в верности закона» (ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, № 67, л. 9 об., 11 об., 16; ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, № 240, л. 5 об., 7; Семевский, 1885, с. 305).

¹⁸⁴ Эта преемственность отчетливо проявляется, между прочим, и в шутовской свадьбе М. А. Голицына, которая, как мы уже отмечали, непосредственно продолжает традицию потешных свадеб петровского времени (см. выше, примеч. 176). Она, т. е. преемственность, прослеживается даже в конкретных деталях: так, изображение «Весны», которым открывалась процессия участников «Всешутейшего собора» (ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, № 67, л. 4, 10, 12, 13; Семевский, 1885, с. 300), находит затем точное соответствие в процессии участников шутовской свадьбы М. А. Голицына в 1740 г. (см. ниже, примеч. 203). Равным образом к петровскому потешному ритуалу восходит традиция шутовских орденов (см. выше, примеч. 181), а также шутовских титулов: к петровскому времени восходит, в частности, шутовской титул «самоедского хана» в церемониале свадьбы М. А. Голицына (см. ниже, примеч. 193).

¹⁸⁵ Не менее показательны потешные свадьбы всешутейшего «патриарха» Н. М. Зотова в 1715 г. или князь-папы П. И. Бутурлина в 1721 г., о которых мы упоминали выше (см. примеч. 176): в первом случае жених был в облачении кардинала, во втором — в облачении римского первосвященника. По словам И. И. Голикова, наряжая Зотова в «папские уборы», Петр высмеивал обряды Католической Церкви: «Мудрый Государь, дабы мечтаемую Папою власть над Христианством и самую его особу в большее привести у подданных своих презрение, наименовал бывшего учителя своего, реченнаго Г. Зотова, папою, наряжал его смешным образом в его папские уборы, представлял многие обряды папские в таком же смешном виде» (Голиков, 1790—1797, X, с. 233, ср. с. 238). Орфелин сообщает, что Петр поставил «своего дворнаго [т. е. придворного] шута в достоинство Папежское, во обличение тех, которые обожают оно» (Орфелин, II, с. 121; ср.: Голиков, 1788—1789, VI, с. 175); имеется в виду, по-видимому, П. И. Бутурлин.

Характерно, что кардиналом именовался и Вымени, шут Петра I (см. ниже, примеч. 193).

¹⁸⁶ Первой женой М. А. Голицына была Марфа Максимовна Хвостова (Долгоруков, I, с. 290; Голицын, 1892, с. 141). По сведениям Н. Н. Голицына, М. М. Хвостова родилась в 1694 и скончалась в 1721 г. (Голицын, 1892, с. 141); между тем из прошения второй жены М. А. Голицына, Марии-Франциски, на высочайшее имя выясняется, что по крайней мере в 1722 г., когда она с мужем направлялась из-за границы в Петербург, первая жена М. А. Голицына была жива (ОДДС, IV, столб. 552); более правдоподобно поэтому сообщение С. Н. Шубинского, согласно которому она умерла в 1729 г. (Шубинский, 1888, с. 44). Бракосочетание М. А. Голицына с Марией-Франциской состоялось в Ганновере не позднее 1722 г., см. определение Синода «о наложении на князя Михаила Алексеевича Голицына пятнадцатилетней епитимии, за вступление в Ганновере во второй брак при жизни первой жены» (ОДДС, IV, столб. 551—554). Эта Мария-Франциска именуется в документах как «баронессой», так и «фрейгершей» (от *Freiherr* — «барон»).

¹⁸⁷ В дальнейшем, после смерти Е. И. Бужениновой в 1742 г. — приживалки Анны Иоанновны, с которой М. А. Голицын был обвенчан в 1740 г., — Голицын еще раз женился: в 1744 г. он сочетался браком с Аграфеной Алексеевной Хвостовой (1723—1750) (Голицын, 1892, с. 142; Долгоруков, I, с. 290; Шубинский, 1869, с. 39). По православным канонам четвертый брак невозможен — ясно, что, с точки

зрения Православной Церкви, это был не четвертый, а третий брак, т. е. брак М. А. Голицына с Марией-Франциской не считался законным. В декабре 1744 г. Синод дал специальное разъяснение по этому поводу (ОДДС, IV, столб. 554).

Между прочим, дочь М. А. Голицына от его брака с А. А. Хвостовой, Анна Михайловна (1748—1813), была замужем за поэтом Ф. Г. Каринным (Долгоруков, I, с. 293; Голицын, 1892, с. 154).

¹⁸⁸ 5 октября 1724 г. Мария-Франциска представила в Синодальную канцелярию заключенное между ней и М. А. Голицыным соглашение о расторжении брака (ОДДС, IV, столб. 552—553). По-видимому, она была к этому принуждена; не исключено, однако, что это соглашение было фиктивным (см. ниже, примеч. 190, 191).

¹⁸⁹ Определение Синода о наложении епитимии было вынесено 24 февраля 1725 г. и объявлено кн. М. А. Голицыну 11 августа того же года. 16 октября 1726 г. отец М. А. Голицына, князь Алексей Васильевич Голицын, подал в Синод прошение об освобождении сына от епитимии. 30 октября 1727 г. Синод предписал Леониду, архиепископу сарскому и подонскому, «освидетельствовать достоверно, и буде он, князь Михайло Голицын, познав свое согрешение, истинное приносит покаяние [...], от помянутой епитимии разрешить [...]». Как Леонид выполнил это предписание, из дела не видно (ОДДС, IV, столб. 553—554).

По сообщению Н. Н. Голицына, М. А. Голицын не подчинился наложенной на него епитимии (Голицын, 1892, с. 247); означает ли это, что он продолжал считать себя католиком и не признавал правомочности епитимии, наложенной Православной Церковью?

¹⁹⁰ Документы устойчиво именуют эту итальянку «женой» М. А. Голицына, что определенно говорит о том, что их связь признавалась законной, т. е. они, видимо, были венчаны. Если они были венчаны по католическому обряду, то это могла быть не Мария-Франциска, а какая-то другая женщина только в том случае, если Мария-Франциска умерла: только тогда было бы возможно предположить, что М. А. Голицын женился на какой-то другой католичке. Отметим при этом, что, когда в 1744 г. обсуждается вопрос о возможности бракосочетания М. А. Голицына и А. А. Хвостовой — что предполагает, как мы уже упоминали, решение вопроса о том, сколько жен было у Голицына до этого времени, — разъяснения даются лишь по поводу его брака с Марией-Франциской, и речь не идет ни о какой другой жене-иноземке (ОДДС, IV, столб. 554); см. выше, примеч. 187. Не исключено, таким образом, что Мария-Франциска и итальянка — это одно и то же лицо; ср. подробнее ниже, примеч. 191.

¹⁹¹ 16 января 1735 г. Анна Иоанновна писала в Москву главнокомандующему гр. С. А. Салтыкову: «Осведомься под рукою в Немецкой слободе, где живет князь Михаила Голицына жена, которую он с собою из Италии привез, а больше надобно спрашивать у католических попов, какое она пропитание имеет и от кого, о том обо всем отпиши к нам немедленно, буде же ея в Москве нет, то куда съехала и с кем и на чем коште [...]» (Кудрявцев, 1878, с. 151—152). Выполнение этого поручения было возложено С. А. Салтыковым на каптенармуса Преображенского полка Лакостова, который явился к католическому священнику в Немецкой слободе под видом офицера, якобы приехавшего из Воронежа от адмирала Змаевича; Змаевич, как мы уже знаем, был католиком (см. выше, примеч. 70, 149), и ссылки на его имя оказалось достаточно, чтобы получить нужную информацию; после этого

Лакостов без труда разыскал княгиню Голицыну и нашел ее в самом бедственном положении.

21 января 1735 г. Лакостов доносил С. А. Салтыкову: «Пришел я католической церкви к патеру Фабиянусу и объявил ему, что я приехал из Воронежа офицер, и при отъезде оттуда просил меня итальянский патер, который при вице-адмирале Змаевиче службу отправляет, чтоб я уведомился о жене князя Михайла Алексеевича Голицына, на которой женился он, князь Голицын, в Италии, где отечество ее ныне, от кого она пропитание имеет и на чем коште живет. На что оный Фабиянус объявил мне: она нанимает квартиру бедную, и в той квартире хозяин выставил двери и окошки за то, что она княгиня за квартиру не платит, а ей де не токмо платить деньги, и дневной пищи не имеет; и для ее бедности дал ей два рубля денег, и не откуда, никакой помощи к пропитанию не имеет, и валяется де на полу, постлать и одеться нечем; в праздник Рождества Христова пришла сюда и говорит де мне, что я умираю с голоду, не имею куска хлеба, и в то время дал ей денег семь алтын; она де хуже всякой нищей, одежи и пищи никакой не имеет. И приказал оный Фабиянус служителю своему указать квартиру, где она живет; в Старой Басманной, в доме лейб-гвардии Преображенскаго полка, у сержантской жены Андреевской, Полозова вдовы Марьи Федоровой [т. е. у Марьи Федоровны Полозовой, вдовы сержанта Андрея Полозова], в маленькой комнаточке, найму дает по три рубля в год. Она княгиня объявила мне, что она от князя Михайла Алексеевича Голицына ничего после разлучения с ним от него не получила, и пищи ни откуда не имеет, разве кто милостыню подаст, и со временем говорила: „хотя бы де мне дьявол денег дал, я бы ему душу свою отдала; видишь де ты, какое на мне платье и какая у меня постель“. Одежда на ней понятная, черная, ветха; постель наволока холстинная толстая, набита сеном; одевается нагольною шубою ветхою. При том же она говорила и тужила, где де ныне мой сын, князь Иван, котораго я родила с ним, князем Михайлом Алексеевичем» (Шубинский, 1888, с. 50—51). Из этого сообщения видно, что жена М. А. Голицына была разлучена не только со своим мужем, но и с сыном (о судьбе которого мы ничего не знаем).

Через некоторое время после этого княгиня Голицына по высочайшему повелению была секретно вытребована в Петербург. 2 сентября 1736 г. Анна Иоанновна отдает Салтыкову следующее распоряжение: «Вели в слободе Немецкой сыскать Голицына жену, Италианку, и как скорее пришли ее к нам в Петербург на почте, дав провожатова, чтоб ее бережно довес, только [бы] никто про это не ведал в Москве, пока она к нам приедет, и дорогою не вели сказывать, что она едет. А как привезут ее в Петербург, вели явитца у Генерала Ушакова тайным же образом» (Дубровский, 1865, с. 64; Кудрявцев, 1878, с. 177). 9 сентября 1736 г. жена кн. М. А. Голицына была секретно отправлена в Петербург с солдатом Измайловскаго полка Иваном Раевским, которому была дана следующая инструкция за подписью С. А. Салтыкова: «Ехать тебе с нею до С.-Петербурга денно и ночью со всяким поспешением, к тому же дорогою о ней никому не сказывать, что она едет; а как скоро в Петербург приедеш, то тайным же образом явитца тебе и посланное с тобою к Ея Императорскому Величеству письмо подать Генералу и Кавалеру Г. Ушакову, и сие тебе иметь секретно; буде же против сего ты не исполниш, и за то штрафован будеш по военному артикулу» (Дубровский, 1865, с. 64—65). С тем же солдатом Салтыков отправил письмо на имя генерала Родиона Кошелева (от того же числа), в котором сообщал, что «по именному Ея Императорскаго Величества Указу, отправлена отсюда к Ея Императорскому Величеству, Всемилостивейшей Государыне, некоторая посылка [...], под которую куплена здесь, на шет Придворной Конюшенной Конторы, покоевая коляска», и

просил эту коляску принять (там же, с. 65—66). Рапортуя об исполнении возложенного на него поручения, Салтыков в тот же день (т. е. 9 сентября 1736 г.) извещал императрицу: «[...] по тому Вашего Императорского Величества, Всемилостивейшей Государыни, Указу оная Голицына жена Италиянка тайно здесь сыскана, и в Москве о ней никто не ведает, которую к Вашему Императорскому Величеству, Всемилостивейшей Государыни, всенижайше рабски отправил при сем с нарочным, Лейб-Гвардии Измайловскаго полку солдатом, Иваном Раевским, на почте, которому от меня найкрепчайше приказано, чтобы он ее вес бережно и никому про нее не объявлял, и по приезде в С.-Петербург велел явитца у Генерала Ушакова тайным образом» (там же, с. 65).

15 сентября 1736 г. жена М. А. Голицына была доставлена в Петербург (см. ответное письмо Р. Кошелева к С. А. Салтыкову от 16 сентября 1736 г. — Дубровский, 1865, с. 66). Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Любопытно сопоставить эти сведения с сообщением П. В. Долгорукова, которому цитированные документы, по-видимому, не были известны. Вот что говорит Долгоруков: «Овдовев, князь Михаил [Голицын] отправился путешествовать; в Италии он женился на итальянке и под ее влиянием обратился в католичество. Поскольку его жена была самого простого происхождения, он не решился объявить о своем браке, опасаясь упреков со стороны своей родни, которая состояла из богатых и высокопоставленных людей. Вернувшись в Россию со своей женой, он поселил ее в Москве, в Немецкой слободе, и лишь в 1736 г. при дворе узнали о его браке и о местонахождении его жены [...]. Князь Михаил Алексеевич был приговорен к роли придворного шута [...]. Жена его была арестована в Москве, препровождена в Петербург и передана в Тайную канцелярию; не знаю, что с ней стало, но брак был расторгнут и признан недействительным» («Devenu veuf, le prince Michel avait voyagé; en Italie il avait épousé une personne du pays, et sous son influence, il avait embrassé le catholicisme. Cette personne étant d'une naissance fort ordinaire, il n'avait osé déclarer ce mariage, craignant les reproches de sa parenté, composée de gens riches et haut placés dans la société russe. Revenu en Russie avec sa femme, il l'avait logée à Moscou, au quartier allemand (*niémétskaia sloboda*), et ce fut seulement en 1736 qu'à la cour l'on apprit son mariage et le lieu de séjour de sa femme [...]. Le prince Michel Alexéievitch fut condamné à remplir, à la cour, l'office de bouffon [...]. Sa femme fut arrêtée à Moscou, conduite à Pétersbourg, et remise entre les mains de la chancellerie secrète; j'ignore ce qu'elle devint, mais le mariage fut cassé et déclaré non-avenu» — Долгоруков, 1867—1871, I, с. 382). Сведения Долгорукова в ряде моментов могут быть неточны, но кое-что ему определенно было известно: так, он правильно указывает, где жила княгиня Голицына (итальянка) в Москве и когда она была отправлена в Петербург. Вместе с тем сообщение о незнатном происхождении этой женщины, как кажется, находит подтверждение в письме маркиза де ла Шетарди от 19 февраля/1 марта 1740 г. из Петербурга. Говоря здесь о свадьбе в Ледяном доме, Шетарди отмечает, что «князь Голицын [...] подал к тому повод, хотел вступить в неравный брак. Дело шло о предании осмеянию подобной свадьбы» (Пекарский, 1862а, с. 55). Впрочем, эта фраза Шетарди может, вообще говоря, быть понята и в другом смысле (см. об этом ниже).

Итак, цитированное сообщение П. В. Долгорукова в принципе заслуживает внимания. Если отнестись к этому сообщению с доверием, то можно предположить, что М. А. Голицын не ранее 1727 г. (когда рассматривалось дело о снятии с него епитимии и когда он определенно находился в России — см. выше, примеч. 189) еще раз отправился за границу и женился там на итальянке, которую

привез в Россию; можно предположить, что это случилось после смерти Марии-Франциски (см. выше, примеч. 190).

В этой связи представляют интерес следующие указания С. Н. Шубинского (который основывался на каких-то неизвестных нам источниках): «Потеряв в 1729 г. первую жену, Марфу Максимовну, рожденную Хвостову [...], Голицын испросил себе позволение ехать за границу [...]. Во время пребывания своего во Флоренции [он] влюбился в одну итальянку низкого происхождения, женился на ней и по ее внушению перешел в католическую веру. По возвращении в Россию, в 1732 г., князь Михаил Алексеевич жил в Москве, тщательно скрывая от всех жену и перемену религии; обстоятельство это скоро обнаружилось, привело в отчаяние всю многочисленную фамилию Голицыных и, разумеется, дошло до сведения императрицы [...]. Она велела представить его себе [...] и тотчас сделала своим шутом [...]. Разумеется, брак князя Михаила Алексеевича был признан недействительным, и он более уже не увидел своей жены-итальянки» (Шубинский, 1888, с. 44—46). Заслуживает внимания при этом замечание С. Н. Шубинского, что М. А. Голицын вернулся из-за границы в 1732 г.; как мы уже отмечали, именно в этом году (и во всяком случае не позднее февраля 1733 г.) Голицын был призван ко двору для того, чтобы стать придворным шутом (Голицын, 1892, с. 141; ср. письмо Анны Иоанновны к С. А. Салтыкову от 20 февраля 1733 г. — Кудрявцев, 1878, с. 60) — это совпадение, видимо, подтверждает достоверность сообщаемых С. Н. Шубинским сведений. При этом ни П. В. Долгоруков, ни С. Н. Шубинский ничего не говорят о браке М. А. Голицына с баронессой (Марией-Франциской): оба они утверждают, что М. А. Голицын женился на итальянке (в Италии) после того, как он овдовел; речь идет при этом о смерти первой жены М. А. Голицына, Марфы Максимовны (урожденной Хвостовой), но нельзя ли считать, что они смешивают двух жен — Марфу Максимовну и Марию-Франциску? Поскольку ни тот, ни другой автор явно не знали о существовании Марии-Франциски, такое предположение кажется в принципе возможным. Тогда мы можем считать, что М. А. Голицын женился на итальянке после смерти Марии-Франциски.

Вместе с тем цитированное выше свидетельство маркиза де ла Шетарди (в письме из Петербурга от 19 февраля/1 марта 1740 г.) о том, что кн. М. А. Голицын сам подал повод к шутовской свадьбе, «хотев вступить в неравный брак», и что «дело шло о предании осмеянию подобной свадьбы», — может быть понято и иначе: слова о «неравном браке» в принципе могут относиться не к браку Голицына с итальянкой, а к его браку с калмычкой Е. И. Бужениновой (приживалкой Анны Иоанновны), т. е. непосредственно к свадьбе в Ледяном доме. Шетарди, возможно, полагал, что инициатива этого последнего брака принадлежала М. А. Голицыну, т. е. что он сам захотел жениться на Бужениновой; тогда его слова означают, что императрица пошла навстречу его (Голицына) желанию, однако сделала это бракосочетание посмешищем. Такая интерпретация кажется вполне возможной, если принять во внимание то, что пишет Манштейн: «Поскольку его [Голицына] первая жена умерла, императрица предложила ему жениться, обещав взять на себя расходы по устройству свадьбы. Голицын принял предложение; выбрав девушку простого происхождения, он потребовал от ее величества, чтобы она сдержала слово. Желая позабавиться, императрица вознамерилась вместе с тем продемонстрировать свое могущество, показав огромное количество разных народов, ей подчиненных» («Sa premiere femme étant morte, l'Impératrice lui dit qu'il feroit bien de se remarier, et qu'elle se chargerait volontiers des frais de ses noces. Galitzin accepta la proposition, et ayant choisi une fille du commun, il somma Sa Majesté de tenir sa parole. L'Impératrice voulant s'amuser, se proposoit aussi de donner une idée de sa puissance, en

montrant le grand nombre de nations diverses qui obéissoient à ses lois» — Манштейн, II, с. 73). Итак, Манштейн считал, что М. А. Голицын сам выбрал Е. И. Буженинову в невесты; при этом подчеркивается ее простое происхождение. То же мог иметь в виду и Шетарди; очевидно, во всяком случае, что такого рода слухи могли ходить в Петербурге. Не исключено, вообще говоря, что подобные слухи отразились и в приведенных выше высказываниях П. И. Долгорукова и С. Н. Шубинского, а именно в указании, что жена М. А. Голицына, которую он привез из-за границы (итальянка), была простолудинкой. Если предположить, что произошла контаминация двух браков М. А. Голицына — его брака за границей и свадьбы в Ледяном доме, — то это указание может не соответствовать действительности. В таком случае его жена-итальянка может быть тем же самым лицом, что и баронесса Мария-Франциска.

Итак, вопрос о том, сколько жен иностранного происхождения было у М. А. Голицына (т. е. являются ли Мария-Франциска и «итальянка» одним и тем же лицом или разными лицами), остается открытым. Вопрос этот, однако, не так важен для нашей темы: нам достаточно констатировать, что М. А. Голицын был женат на католичке и что этот брак так или иначе связан, по-видимому, с его обращением в католическое вероисповедание.

¹⁹² В церемониале свадьбы фигурирует, между прочим, «дурацкий герб» жениха на оловянном жетоне, висящем на медных цепочках, — явно высмеивающий княжеское достоинство М. А. Голицына. См.: «Описание дурацкой свадьбы» (ГПБ, Ф. XVII.12, л. 352 об.).

¹⁹³ «Самоедским королем» или «самоедским ханом» именовался, между прочим, — еще во времена Петра I — шут Лакоста (Вебер, 1721, с. 339, § 432; Катифор, 1772, с. 408—409; Голиков, 1788—1789, VII, с. 36—37; Манштейн, II, с. 71). Может быть, Лакоста был посаженным отцом М. А. Голицына (подобно тому, как другой придворный шут — Балакирев — выступал в роли тысяцкого, см.: «Описание дурацкой свадьбы» — ГПБ, Ф. XVII.12, л. 351 об.)? Вместе с тем это был обычный шутовской титул — так, «самоедским королем» был прозван Вымени (+ 1714), шут Петра I, который, кстати сказать, именовался и «кардиналом»; он также был католиком (Письма и бумаги Петра, V, с. 148 и примеч. на с. 562; Вебер, 1721, с. 20, 29, § 107, 151). По свидетельству Х. Ф. Вебера, «самоедский король» по традиции «всегда занимал должность советника увеселений» при дворе («allemal ein lustiger Rath bekleidet» — Вебер, 1721, с. 339, § 432).

Как указывает А. Катифор, шут Лакоста был произведен в графы (Катифор, 1772, с. 408—409). Кажется, титул графа мог выступать в петровское время как шутовской титул, который в этом случае не переходил по наследству: так, в частности, всешутейший «патриарх» Н. М. Зотов в 1710 г. также получил графское достоинство — он именовался «графом Магнусом Наклевании» (или «магнусом на клевании?»), однако после смерти Н. М. Зотова, последовавшей в 1717 г., его сыновьям и внукам запрещено было называться графами (Корсакова, 1916, с. 478—480).

¹⁹⁴ Н. Н. Голицын почему-то полагает, что М. А. Голицын выступал в роли самоедского хана, а Буженинова — в роли мордовской ханши (Голицын, 1892, с. 359—360). Это очевидное недоразумение.

¹⁹⁵ Одновременно наименование «Кваснин» или «Квасник» обыгрывало, видимо,

фамилию матери М. А. Голицына, которая была из рода Квашниных (Семевский, 1857, с. 565). Это прозвище послужило поводом для очередных издевательств над князем-шутом: однажды, например, императрица сочла нужным вылить квас ему на голову (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 383). Прозвище Голицына должно было, видимо, заменить его фамилию; ср. сообщение маркиза де ла Шетарди в письме от 19 февраля/1 марта 1740 г. о том, что М. А. Голицына после свадьбы в Ледяном доме запрещали называть «иначе, как только по имени, данному при крещении» (Пекарский, 1862а, с. 57), а также свидетельство В. А. Нащокина, по словам которого князь Голицын «тогда имел новую фамилию Квасник» (Нащокин, 1842, с. 64).

Гастрономический характер этого прозвища распространялся, между прочим, на отца М. А. Голицына, князя Алексея Васильевича Голицына: если М. А. Голицына императрица называет «Квасником» или «Квасниным», то отца его она именует, соответственно, «Кислышиным». Так, 20 июня 1737 г. Анна Иоанновна писала в Москву С. А. Салтыкову: «Семен Андреевич. При сем прилагается письмо Михайлы Кваснина, которое отдать отцу его, князь Алексею Кислышину [...]. Отпишите к нам, как он сие письмо примет и что говорить будет» (Кудрявцев, 1878, с. 187). Судя по всему, императрица заставила М. А. Голицына написать своему отцу какое-то шутовское письмо, унижительное как для того, так и для другого.

¹⁹⁶ Ср. в шутовском приветствии Третьяковского, прочитанном на «дурацкой свадьбе»:

Кваснин дурак и Буженинова блядка

Сошлись любовно, но любовь их гадка.

(Третьяковский, 1935, с. 171; Голицын, 1880, с. 129)

¹⁹⁷ Об особом отношении к колтунам и к бороде см.: Успенский, 1982, с. 171—175. Наличие бороды приобретает особый смысл после гонений на бороду при Петре I.

¹⁹⁸ Шуба, вывернутая наизнанку (т. е. обращенная шерстью наружу), представляет собой обычный компонент ритуалов языческого происхождения, восходящих в конечном счете к культу Велеса-Волоса; в частности, ряженые в вывернутых шубах могли изображать медведя и т. п. Существенно при этом, что вывернутая шуба играет важную роль в свадебных обрядах. См.: Успенский, 1982, с. 101—102, ср. также с. 106, 168.

¹⁹⁹ Старинная гравюра с изображением свадебного поезда во время «дурацкой свадьбы» М. А. Голицына и Е. И. Бужениновой воспроизведена в изд.: Шубинский, 1888, с. 45. Изображение Ледяного дома см. в изд.: Крафт, 1741.

²⁰⁰ Ледяной дом был построен (в начале января 1740 г.) на Неве между Адмиралтейской крепостью и императорским Зимним домом (стоявшим на том же месте, что и нынешний Зимний дворец); инициатором этого сооружения был камергер Алексей Данилович Татишев (Крафт, 1741, с. 11, 13; Внутренний быт..., I, с. 294—295; ср.: Семевский, 1857, с. 558-559; Шишкин, 1860, с. 94).

²⁰¹ Мотив ледяного дома с ледяными атрибутами встречается в русских заговорах на остуду (призванных охладить любовь человека, от имени которого произносится заговор, отвлечь его от предмета его воцелений). Ср. заговор на остуду, дошедший до нас в записи 1734 г.: «[...] есть под севером ветром ледяная клетка. И в

той ледяной клетки стоит ледянный престол. И на том ледяном престоле сидит ледянный муж и пред ним стоят 39 слуг ледянных» (Покровский, 1987, с. 260). Нельзя ли предположить, что идея Ледяного дома для «дурацкой свадьбы» кн. М. А. Голицына возникла под влиянием такого рода заговоров, т. е. что Ледяной дом как бы призван был остудить чувство Голицына к жене-католичке, с которой его разлучили? Таким образом, Ледяной дом, сооруженный для князя-шута, возможно, сочетал в себе две противоположные символические функции — символика брачного чертога могла соединяться здесь с символикой колдовской остыды.

²⁰² От брака М. А. Голицына и Е. И. Бужениновой 24 ноября 1740 г. родился сын, князь Андрей; потомки князя Андрея Михайловича Голицына по мужской линии составляли в дальнейшем старшую ветвь рода Голицыных (Голицын, 1880, с. 132; Голицын, 1892, с. 142, 249; Долгоруков, 1867—1871, I, с. 382).

По некоторым сведениям, у М. А. Голицына и Е. И. Бужениновой был еще один сын — князь Алексей, не оставивший потомства (Шубинский, 1888, с. 51; Долгоруков, I, с. 290). Вероятно, при этом имеется в виду князь Алексей Михайлович Голицын (1749—1751), родившийся уже после смерти Е. И. Бужениновой — от брака М. А. Голицына и А. А. Хвостовой (Голицын, 1892, с. 142, 154, 248).

²⁰³ Несчастная судьба М. А. Голицына и его свадьба запомнились XVIII веку. Г. Р. Державин писал в оде «Фелица» о гуманном царствовании Екатерины II, когда

[...] свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не шелкают в усы вельмож,
Князья наседками не клохчут [...]
(Державин, I, с. 88)

И сама Екатерина, полемизируя с Фонвизиним, говорит от имени вымышленного ею персонажа: «Дедушка замечает, что шуты были и прежде, что он помнит маскарад, бывший при Петре Великом, когда Бахус, сидя на бочке и в сопровождении семидесяти кардиналов переехал через Неву; знает все похождения неусыпаемой обители и может рассказать о свадьбе в ледяном доме и как весна свистела» (Афанасьев, 1860, с. 201). «Неусыпаемая обитель», о которой упоминает здесь Екатерина, — то же, что потешный «беспокойный монастырь» (das unruhige Kloster) в петровских карнавальных церемониях, о котором пишет, в частности, в своем дневнике Берхгольц (II, с. 49; III, с. 26, 142; IV, с. 16, 18). Что же касается упоминания того, «как весна свистела», то это, скорее всего, прямая цитата из стихотворного приветствия Тредиаковского, прочитанного на шутовской свадьбе: «Свищи весна, свищи красна!» (Тредиаковский, 1935, с. 171; Голицын, 1880, с. 129) — эти слова Тредиаковского были обращены к людям, представлявшим «Весну» в свадебном маскараде. «Весну» изображали здесь 12 человек, которые специально для этой цели были привезены из Твери (Соловьев, X, с. 530); по воспоминанию В. А. Нащокина, «поезжане каждой показывал свое веселье, где у котораго народа какие веселья употребляются, в том числе города Твери ямщики оказывали весну разными высвисты по птичью» (Нащокин, 1842, с. 65); ср. в этой связи изображение «Весны» в процессии петровского «Всешутейшего собора» (см. выше, примеч. 184).

Равным образом Щербатов в трактате «О повреждении нравов в России» вспоминал, что Анна Иоанновна «любила шутов и дураков, и были при ней князь Никита Федорович Волконской, Балакирев и князь Михайло Голицын, которые иногда и с бóльшими есть [sic!] шутками ее веселили. Се высший знак деспотичества, что благороднейших родов люди в толь подлую должность были определены» (Щербатов, II, столб. 192).

²⁰⁴ «Потешная салла» находилась в манеже герцога Курляндского, т. е. Бирона, где для участников маскарада был устроен обед после того, как свадебный поезд проехал мимо императорского дворца и объехал главные улицы города; именно во время обеда и был сюда доставлен Тредиаковский (Шишкин, 1860, с. 99—100). После обеда начался бал, по окончании которого новобрачные были отвезены в Ледяной дом (там же; Манштейн, II, с. 74—75; Семевский, 1857, с. 567 сл.).

²⁰⁵ Эти стихи были сочинены Тредиаковским на заданную тему, которая была определена организаторами праздника и письменно изложена в краткой записке. Тредиаковский так говорит об этом в своем рапорте в Академию наук от 10 февраля 1740 г.: «[...] его превосходительство [А. П. Волынский], не выслушав моей жалобы [на кадета Криницына], начал меня бить сам пред всеми толь немилостиво по обеим щекам, а притом всячески браня, что правое мое ухо оглушил, а левый глаз подбил, что он изволил чинить в три или четыре приема. Сие видя, помянутый господин кадет ободрился и стал притом на меня жаловаться его превосходительству, что я его будто дорóгою бранил и поносил. Тогда его превосходительство повелел и оному кадету бить меня по обеим же щекам публично. Потом, с час времени спустя, его превосходительство приказал мне спроситься зачем я призван у господина архитектора и полковника Петра Михайловича Еропкина, который мне и дал на письмо самую краткую матерю, из которой должно мне было сочинить приличные стихи к маскараду» (Материалы АН, IV, с. 307; «Москвитянин», 1845, № 2, с. 44—45). В прошении на высочайшее имя от апреля 1740 г. Тредиаковский заявлял, что он сочинил эти стихи, находясь уже в «несостоянии ума» от побоев: «После тех побой получил я от него, г. Волынского, приказ, дабы спросить у г. полковника Еропкина: что мне делать надобно? А оный Еропкин велел сочинить вирши к дурацкой свадьбы [sic!], которые по тому приказу в самом моем уже несостоянии ума и исполнил, пришел в дом [...]» (Пекарский, II, с. 78).

Стихи Тредиаковского по списку ИРЛИ (ф. 93, оп. 3, № 1235, л. 1) опубликованы в изд.: Тредиаковский, 1935 (с. 171) и затем в изд.: Тредиаковский, 1963 (с. 354—355); по списку ГПБ (Ф. XVII.12, л. 354) они опубликованы в изд.: Голицын, 1880, с. 129. Предшествующие публикации («Москвитянин», 1842, № 3, с. 117; Тредиаковский, I, с. 754) содержат невозстановимые лакуны. Для понимания общенного смысла этих стихов необходимо иметь в виду, что глагол *пахать* означает *future* (ср.: Успенский, 1983а, с. 51—52; Успенский, 1988а, с. 217—218 и с. 269, примеч. 61); *плешиныцы* — производное от *плешь* «penis, vulva» (Успенский, 1982, с. 105), *волочайки* — «потаскушки» (Даль-Бодуэн, I, столб. 580; СРНГ, V, с. 69).

²⁰⁶ В публикации М. П. Погодина («Москвитянин», 1842, № 3, с. 117), повторенной затем — с некоторыми исправлениями — в издании А. Ф. Смирдина (Тредиаковский, I, с. 754), стихи Тредиаковского называются не «казанием», а «сказанием»: «Сказание, говоренное Васильем Тредьяковским при дурацкой

свадьбе, под изображением Самоядского Хана, сына его дурака, именуемаго Кваснина, который женится у ханши Мордовской, на дочери ея, на дурке и ... именуемой Бужениновой». Мы не знаем, по какому списку здесь публикуются стихи Тредиаковского; по-видимому, переписчик (или издатель?) воспринял слово *казание* как опisku и исправил его на *сказание*.

²⁰⁷ Это превращение в шута было озаменовано, помимо всего прочего, избиением Тредиаковского, которое имело, по-видимому, в какой-то мере ритуальный характер. Необходимо иметь в виду, что шутовские драки были одним из любимых развлечений Анны Иоанновны: шутов заставляли нападать друг на друга, бить друг друга по лицу и т. п.; эти драки нередко доходили до кровавых потасовок (Долгоруков, 1867—1871, I, с. 384; Шубинский, 1888, с. 37; ср. «Дело о Бироне» — Пекарский, 1862а, с. 64—65; см. также выше, примеч. 182). Показательно в этой связи, что Волынский бьет Тредиаковского «по обеим [...] щекам публично», а затем то же делает по распоряжению Волынского и кадет Криницын (см. выше, примеч. 205): избиение превращается для окружающих в буффонаду. Тредиаковский бьют 4 февраля на Слоновом дворе, «где маскарад обучался» (куда его привез кадет Криницын), затем 5 февраля — сначала во дворце Бирона (куда Тредиаковский явился с жалобой и где его встретил Волынский) и потом в Маскарадной комиссии (где Тредиаковский находился под караулом с 5 по 7 февраля) — и, наконец, 7 февраля уже по завершении всего действия в доме Волынского (когда Волынский, как сообщает Тредиаковский, «объявил [...] мне, что разстаться со мною хочет еще побивши меня», после чего велел «по отдании уже шпаги, кланяться себе в землю»; см. рапорт Тредиаковского в Академию наук от 10 февраля и его доношение на высочайшее имя от апреля 1740 г. (Пекарский, II, с. 78—79; «Москвитинян», 1845, № 2, с. 45—46; Материалы АН, IV, с. 307—308). Не случайно в «Оде Тресотину», сочиненной в связи с ломоносовским «Гимном бороде» (1757 г.), — «Ода Тресотину» также приписывается иногда Ломоносову, причем под именем *Тресотин* здесь выведен Тредиаковский (ср.: Успенский, 1984, с. 87—88 и с. 112, примеч. 28—29), — Тредиаковский изображен как шут, которого для потехи избивают другие шуты, Педрилло и Балакирев:

Ну ж хватай
Поскоряй!
Не теряй минуты!
Тешся так,
Как и сам,
В пляску, в валку, в жгуты!
Как Петрил тебя катал
И Балакирев гонял.
Все ревут тебе: «Кураж,
Тресотин, угодник наш!»
(Ломоносов, VIII, с. 829)

Можно предположить, что избиение Тредиаковского, учиненное Волынским, претворяется в этих стихах в буффонадное, шутовское избиение.

²⁰⁸ Будучи астраханским губернатором, Волынский покровительствовал капуцинам. Л. Н. Майков и вслед за ним А. В. Флоровский высказывали предположение, что Волынский не только был хорошо осведомлен о деятельности капуцинов, но и причастен к определению молодого Тредиаковского к ним в учение (Майков, 1897,

с. 5; Флоровский, 1962, с. 333). Третьяковский, однако, поступил на учение к капуцинам до того, как Волынский стал губернатором (см. § 1 настоящей работы).

²⁰⁹ Некоторые исследователи предполагают, что Третьяковский стал жертвой антагонизма между А. Б. Куракиным и А. П. Волынским и что Волынский будто бы мстил за какую-то сатирическую песню, сочиненную Третьяковским и направленную против Волынского (Соловьев, X, с. 533; Корсаков, 1891, с. 317, 319). Кажется не слишком вероятным, чтобы Третьяковский осмелился публично выступить против кабинет-министра. Во всяком случае, басня Третьяковского «Самохвал», которую цитирует по этому поводу Соловьев, не имеет к Волынскому никакого отношения.

²¹⁰ Этому восприятию в большой степени способствовали сумароковские комедии «Тресотиниус» и «Чудовищи», которые были сыграны в придворном театре в 1750 г. в присутствии будущей императрицы Екатерины II. См.: Гринберг и Успенский, в печати.

²¹¹ См., например, приписываемую Ломоносову «Оду Тресотину», которую мы цитировали выше (в примеч. 207) и где Третьяковский, наряду с Педрилло и Балакиревым, выведен именно как придворный шут.

²¹² Ср. пронизательное замечание Л. Н. Майкова: «По нашему мнению, до сих пор всего менее разъясненными остаются *Lehr- und Wanderjahre* Третьяковского, а между тем именно эти годы оказали, как нам думается, самое решительное влияние на всю его дальнейшую судьбу» (Майков, 1897, с. 3).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аиссе, 1853 — [Aïssé Ch.-E.]. *Lettres de mademoiselle Aïssé à Madame Calandrini*. Paris, 1853.
- Айхлер, 1967 — *Eichler E.* Die slawistischen Studien des Johann Leonhard Frisch: Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Slawistik. Berlin, 1967. («Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik», hrsg. von H. H. Bielfeldt. Nr. 40)
- Александренко, I-II — Реляции князя А. Д. Кантемира из Лондона. С введением и примечаниями В. Н. Александренко. Т. I (1732—1733 гг.) — II (1734—1735 гг.). М., 1892—1903.
- Александренко, 1896 — *Александренко В. Н.* К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшава, 1896.
- Архив Воронцова, I-XL — Архив князя Воронцова. Кн. I-XL. М. 1870—1895. Роспись сорока книгам с азбучным указателем... М., 1897.

- Архив Куракина, I-X — Архив князя Ф. А. Куракина, I-X. СПб. — Саратов— Астрахань, 1890—1892.
- Афанасьев, 1860 — *Афанасьев А. Н.* Литературные труды Е. Р. Дашковой // Отечественные записки. 1860. № 3—4.
- Афанасьев, 1872 — [*Афанасьев А. Н.*] Русские заветные сказки. [Женева, 1872.]
- Байер, 1783 — [*Bayer G.-S./ Байер Г.*] История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная С. Петербургской Академии наук покойным профессором Беером с российским переводом и с приложением родословия князей Кантемиров. [Перевел и издал Н. Н. Бантыш-Каменский.] М., 1783.
- Бантыш-Каменский Д., I—III — *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей Русской земли... Ч. I—III. СПб., 1847.
- Бантыш-Каменский Н., I—IV — *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. Ч. I—IV. М., 1894—1902.
- Берков, 1936 — *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936.
- Берков, 1958 — *Berkov P. N.* Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard // *Revue des études slaves*. T. XXXV. 1958. Fasc. 1—4.
- Берков, 1961 — *Берков П. Н.* Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726—1729) // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.—Л., 1961.
- Берков, 1966 — *Берков П. Н.* Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.) // *Вестник Ленинградского университета*. 1966. № 20 / Серия истории, языка и литературы. № 4.
- Берков, 1966a — *Berkov P. N.* Zwei Dokumente zur Biographie von Burchard Adam Sellius // *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen: Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag*. Berlin, 1966 («Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas». Bd. XV).
- Берхгольц, I—IV — [*Bergholz F. W. von.*] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца (1721—1725). Ч. I—IV. М., 1902—1903.
- Биографический словарь, I-XLVI — *Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours avec les renseignements bibliographiques et l'indication des sources a consulter*. Publié par M.M. Firmin Didot frères, sous la direction de M. le Dr Hoefer. T. I-XLVI. Paris, 1862—1877.
- Благово, 1885 — Рассказы бабушки [Яньковой Е. П. (1768—1861)]: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. СПб., 1885.
- Большая французская энциклопедия, I—XXXI — *La Grande Encyclopédie: Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une société de savants et de gens des lettres*. T. I—XXXI. Paris, s. a.
- Боргезе, 1961 — *Borghese. D. V. I.* Kurakin a Roma // *Studi Romani*. 1961.

- Брюно, I—XI — *Brunot F.* Histoire de la langue Française... Т. I—XI. Paris, 1966—1969.
- Буддей, 1719 — [*Buddeus J. F.*] Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconcilialis seu scriptum aliquod doctorum quorundam Sorbonicorum Augustissimo Russorum Imperatori ad utriusque ecclesiae unionem ei suadendam exhibitum, modeste expensum et animadversionibus illustratum ab Joan. Francisco Buddeo [...] Ienae, 1719.
- Буддей, 1719а — *Buddeus J. F.* Erörterung der Frage, ob eine Vereinigung der Römisch-Catholischen und Russischen Kirchen zu hoffen sei? Aus Lateinischen ins Teutsche übersetzt [...] Jena, 1719.
- Буддей, 1729 — [*Buddeus J. F.*] Epistola apologetica pro Ecclesia Lutherana contra calumnias et obtreactiones Stephani Javorskii Resanensis et Muromiensis Metropolitanae. Ad amicum Moscuae degentem scripta a Joanne Francisco Buddeo [...] Jenae, 1729.
- Бурсье, 1753 — Relation des demarches faites par les Docteurs de Sorbonne pour la réunion de l'Eglise de Russie dans les années 1717 et suivantes // Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu; opuscules de M. Boursier relatifs à cet ouvrage... Т. 3. S.l., 1753.
- Вебер, 1721 — [*Weber Fr. Chr.*] Das Veränderte Rußland, in welchem die ietzige Verfassung des Geist- und Weltlichen Regiments; der Krieges-Staat zu Lande und zu Wasser; der wahre Zustand der Rußischen Finantzen; die geöffneten Berg-Wercke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vasallen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Tzarewizen und was sonst merckwürdiges in Rußland zuge tragen. Nebst verschiedenen andern bißher unbekanntten Nachrichten. In einen biß 1720. gehenden Journal vorgestellet werden [...] Franckfurth, 1721.
- Верховской, I—II — *Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. I—II. Ростов-на-Дону, 1916.
- Винокур, 1959 — *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Винтер, I—III — *Winter E.* Russland und das Papstum. Teil I—III. Berlin, 1960—1972 («Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas», hrsg. von E. Winter. Bd. VI. Teil 1—3).
- Винтер, 1953 — *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde in 18. Jahrhundert. Berlin, 1953 («Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik», hrsg. von H. H. Bielfeldt. Nr. 2).
- Внутренний быт..., I—II — Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. I—II. М., 1880—1886.

- Воскресенский, 1945 — *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.—Л., 1945.
- Воскресенский, 1891 — *Воскресенский Г.* Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия (К столетиям со дня основания Академии Ломоносова). Речь, произнесенная на публичном акте Московской духовной академии 1 октября 1890 г. М., 1891.
- Гагарин, 1878 — P[ère] *Gagarin J.* L'impératrice Anne et les catholiques en Russie. Lyon, 1878.
- Гейтус, 1978 — *Heithus C. V. K.* Trediakovskij und Hamburg // Die Welt der Slaven. Jg. 23 (N.F. 2). 1978. H. 2.
- Гершкович, 1956 — *Гершкович З. И.* Примечания // В изд.: Кантемир, 1956 (с. 429—525).
- Голиков, 1788—1789 — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Ч. I—XII. М., 1788—1789.
- Голиков, 1790—1797 — *Голиков В. В.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. I—XVIII. М., 1790—1797.
- Голицын, 1880 — *Голицын Н. Н.* Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Киев, 1880.
- Голицын, 1892 — *Голицын Н. Н.* Род князей Голицыных. Т. I. СПб., 1892.
- Головкин, 1912 — *Головкин Ф. Г.* Двор и царствование Павла I: Портреты, воспоминания и анекдоты. М., 1912.
- Городцов, 1915 — *Городцов П. А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Год 24. 1915. Вып. 26. Тобольск, 1916.
- Горский и Невоструев, I—III — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. I—III. М., 1855—1917.
- Грамматика 1638 г. — Грамматики или писменница языка Словенскаго тшательем въкратъце издана. Кременец, 1638.
- Грасгоф, 1963 — *Gräßhoff H. A.* Kantemirs Verhältnis zu den Jansenisten: Eine französische Übersetzung der 1. Satire aus dem Jahre 1744 // Zeitschrift für Slawistik. Bd. VIII. 1963. H. 1.
- Грасгоф, 1963а — *Грасгоф Х.* Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963.
- Грасгоф, 1966 — *Gräßhoff H.* Antioch Dmitrievic Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966. («Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik», hrsg. von Н. Н. Bielfeldt. Nr. 35.)
- Гринберг и Успенский, в печати — *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х гг. Готовится к печати.

- Гуаско, 1749 — [*Guasco O. de.*] *Vie du Prince Antiochus Cantemir // Satyres de Monsieur le Prince Cantemir avec l'histoire de sa vie. Traduites en François. A Londres. 1749.*
- Дайнгард, 1929 — *Deinhardt W.* *Der Jansenismus in deutschen Ländern. München, 1929.*
- Даль-Бодуэн, I—IV — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е испр. и значительно дополн. изд. под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I—IV. СПб.—М., 1911—1914.
- Дашкова, 1906 — [*Дашкова Е. Р.*] *Записки княгини Е. Дашковой. СПб., 1906.*
- Державин, I—VII — [*Державин Г. Р.*] *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е академич. изд. (без рисунков). Т. I—VII. СПб., 1868—1878.*
- Добровольский, 1900 — *Добровольский В. Н.* Значение народного праздника «Свечи» // *Этнографическое обозрение. Кн. XLVII. 1900. № 4.*
- Добровольский, 1900а — *Добровольский В. Н.* О некоторых архаических обычаях, переживаемых народом в Смоленской губернии // *Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском университете. Т. ХСVII. Труды этнографического отдела. Т. XIV: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера... М., 1900.*
- Долгоруков, I—IV — *Долгоруков П.* Российская родословная книга... Ч. I—IV. СПб., 1854—1857.
- Долгоруков, 1840 — [*Долгоруков П. В.*] *Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840.*
- Долгоруков, 1867—1871 — [*Долгоруков П. В./Dolgoroukow P.*] *Mémoires du Prince Pierre Dolgoroukow. Т. I—II. Genève, 1867—1871.*
- Др. рос. вивл., I—X — *Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся, издаваемая ежемесячно Н. Новиковым. Ч. I—X. СПб., 1773—1775.*
- Дубровский, 1865 — *Дубровский Н.* О жене князя Михаила Алексеевича Голицына, италиянке // *ЧОИДР. 1865. Кн. 3.*
- Евгений, 1827 — [*Митрополит Евгений (Болховитинов).*] *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Изд. 2-е, испр. и умнож. Т. I—II. СПб., 1827.*
- Евгений, 1845 — Митрополит *Евгений [Болховитинов].* *Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. I—II. М., 1845.*
- Желябужский, 1840 — *Желябужский И. А.* *Дневные записки. СПб. 1840.*
- Живов, в печати — *Живов В. М.* *Неизвестное сочинение митрополита Стефана Яворского как памятник церковной мысли эпохи петровских преобразований. Доклад на Второй международной научной конференции, посвященной 1000-летию крещения Руси, «Богословие и духовность Русской Православной Церкви» (Москва, 11—19 мая 1987 г.). Готовится к печати.*

- Журнал Петра, 1722 — Журнал или Поденная записка, Блаженные и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 г., даже до заключения Нейштадтского мира. Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его императорского величества. Ч. II. Отдел 1. СПб., 1772.
- Забелин, 1858 — Письмо В. К. Тредьяковского к графу С. А. Салтыкову и ответ последнего. Сообщено И. Е. Забелиным // Библиографические записки. Т. I. 1858. № 18.
- Забелин, 1869 — *Забелин И.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869 (= *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. II).
- Завойко, 1914 — *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. Кн. СIII—CIV. 1914. № 3—4.
- Захария, 1942 — P[ère] *Zacharie d'Haarlem*, O.F.M.Cap. Les Capucins à Astrakhan' (1710—1725) et à Moscou (1720—1725) // Collectanea Franciscana. Roma, 1942. T. XII, fasc. 4.
- Захария, 1942a — P[ère] *Zacharie d'Haarlem*, O.F.M.Cap. Les Capucins à Saint-Petersbourg (1720—1725) // Collectanea Franciscana. Roma. 1942. T. XII, fasc. 2—3 (p. 210—245, 351—376).
- Захария, 1955 — P[ère] *Zacharias Anthonisse*, O.F.M.Cap. Die Anfänge der Kapuzinerniederlassungen in Russland // Analecta Slavica: A Slavonic miscellany presented for his seventieth birthday to Bruno Becker, professor of Russian history, language and literature in the University of Amsterdam. Amsterdam, 1955.
- Здравомыслов, 1894 — *Здравомыслов К. Я.* К истории основания русской церкви в Петербурге (По поводу 150-летия со дня кончины князя А. Д. Кантемира) // Церковный вестник. СПб., 1894. № 14.
- Зернова и Каменева, 1968 — [Зернова А. С., Каменева Т. Н.] Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968.
- Знаменский, 1878 — *Знаменский П. В.* Сильвестр, митрополит Казанский // Православное обозрение. 1878, апрель (с. 573—595), май (с. 68—139).
- Извеков, 1870 — Д. И-в [Извеков Д.] Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича // Заря. Год II. СПб., 1870, август.
- История, 1765 — Histoire abrégée de l'Eglise metropolitaine d'Utrecht, principalement depuis la revolution arrivée dans les VII Provinces-Unies des Pays-Bas sous Philippe II jusqu'à présent. Utrecht, 1765.
- Калайдович и Строев, 1825 — *Калайдович К., Строев П.* обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстова. М., 1725.
- Кантемир, I—II — *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. Т. I—II. СПб., 1867—1868.
- Кантемир, 1956 — *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений. Вступ.

- статья Ф. Я. Приймы. Подг. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. (Библиотека поэта.)
- Катифор, 1772 — [*Catiforo A. / Катифор А.*] Житие Петра Великого императора и самодержца всероссийского, отца отечества, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италианском, а потом и на греческом: с коего на российский язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772.
- Коль, 1723 — *Kohlius J. P. Ecclesia Graeca Lutheranzans sive exercitatio de consensu et dissensu orientalis Graecae speciatim Russicae, et occidentalis lutheranae Ecclesiae, in dogmatibus...* Lubecae, 1723.
- Копелевич, 1977 — *Копелевич Ю. X.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.
- Корсаков, 1891 — *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891.
- Корсакова, 1916 — *Корсакова В. А.* Зотов, Никита Моисеевич //Русский биографический словарь. Том «Жабокритский — Зяловский». Пг., 1916.
- Кочубинский, 1899 — *Кочубинский Ал.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции: Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735—1739). Одесса, 1899.
- Крафт, 1740 — *В. К. [Крафт В. / Krafft G. W.]* Описание ледяного дому //Примечания на [Санктпетербургские] ведомости. Ч. 99 от 9 декабря 1740 г. СПб., 1740 (с. 393—396).
- Крафт, 1741 — *Крафт Г. В. [Krafft G. W.]* Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома и всех находящихся в нем домовых вещей и уборов [...]. СПб., 1741.
- Крейкрафт, 1971 — *Cracraft J.* The Church reform of Peter the Great. Stanford, 1971.
- Крыжановский, 1861 — *Крыжановский Е.* Феофан Прокопович и Варлаам Ванатович //Труды Киевской духовной академии. 1863, март. Перепечатано: *Крыжановский Е. М.* Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1890 (с. 296—343).
- Кудрявцев, 1878 — Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову 1732—1742 гг. С предисловием А. Кудрявцева //ЧОИДР. 1878. Кн. 1.
- Куник, 1865 — *Куник А.* Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. Ч. I—II. СПб., 1865. Продолжающаяся пагинация в обоих выпусках.
- Лашевр, 1902 — *Lachèvre F.* Le prince des libertins du XVII s.: Des Barreau. Paris, 1902.
- Лебедев, 1885 — *Лебедев А. С.* Харьковский Коллегиум как просветительный центр Слободской Украйны до учреждения в Харькове университета //ЧОИДР. 1885. Кн. 4.

- Лебедев, 1902 — *Лебедев А. С.* Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности (по архивным документам). С портретами и автографами. Харьков, 1902.
- Леонид, I—IV — Архимандрит *Леонид [Кавелин]*. Систематическое описание в 4 частях, с 13 снимками славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. I—IV. М., 1893—1894.
- Летопись жизни Ломоносова — Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского и В. Л. Ченакала. М.—Л., 1961.
- Линчевский, 1870 — *Линчевский М.* Педагогика древних братских школ и преимущественно древней Киевской Академии //Труды Киевской духовной академии. Т. III. Киев, 1870. Вып. 7 (с. 104—154), 8 (с. 437—500), 9 (с. 535—588).
- Лириа де, 1869 — Письма о России в Испанию дука де-Лириа, бывшего первым испанским посланником в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны. [Пер. с испанского К. Л. Кустодиева] //Осмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. Кн. II. М., 1869. Ср.: *Diario del Viaje a Moscovia del Duque de Liria y Xerica // Coleccion de Documentos ineditos para la Historia de Espana.* Madrid, 1889.
- Лозинский, 1925 — *Lozinski G.* Le prince Cantemir et la police parisienne (1741) // *Le monde slave.* 1925. № 2.
- Ломоносов, I—XI — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. I—XI. М.—Л., 1950—1983.
- Лотман и Успенский, 1975 — Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина Российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва). Статья, публикация и комментарий Ю. Лотмана и Б. Успенского. //Труды по русской и славянской филологии, XXIV. Тарту, 1975 (Ученые записки Тартуского Гос. Университета. Вып. 358).
- Лортолари, 1951 — *Lortholary A.* Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris, [1951].
- Луппов, 1976 — *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976.
- Луппов, 1980 — *Луппов С. П.* К вопросу об уточнении репертуара русской книги первой половины XVIII века //Книжное дело в России в XVI—XIX веках. Л., 1980.
- Луппов, 1981 — *Луппов С. П.* Новое о библиотеке А. Ф. Хрущева //Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1980. Л., 1981.
- Майков, 1897 — *Майков Л.* Молодость Третьяковского до его поездки за границу //ЖМНП. 1897. № 7.
- Майков, 1903 — *Майков Л. Н.* Материалы для биографии князя А. Д. Кантемира. СПб., 1903 (Сб. ОРЯС. Т. LXXXIII. № 1).
- Майков, 1913 — *Майков В. В.* Заметка о «Катехизисе» Феофана Прокоповича //Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913.

- Малеин, 1928 — *Малеин А. И.* Новые данные для биографии В. К. Тредиаковского // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского [...]. Л., 1928. (Сб. ОРЯС. Т. СІ. № 3).
- Манштейн, I—II — [*Manstein Chr. H. von* // *Манштейн Х. Г.*] Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie [...] par le Général de Manstein. Т. I—II. А Lyon, 1772.
- Марков, 1980 — *Марков А.* Автограф В. Тредиаковского // Волга (Астрахань). № 25 (18201) от 31 января 1980 г., с. [4].
- Марков, 1983 — *Марков А.* Кому подарил книгу Василий Тредиаковский // Волга (Астрахань). № 13 (19086) от 16 января 1983 г., с. [4].
- Марсильи, 1737 — [*Marsigli L. F. de*] Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком, сочинено чрез графа де Марсильи [...] [Перевод и примечания В. К. Тредиаковского]. Ч. I—II. СПб., 1737.
- Матвеев, 1972 — [*Матвеев А. А.*] Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Публикация подг. И. С. Шарковой под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972.
- Материалы АН, I—X — Материалы для истории имп. Академии наук. Т. I—X. СПб., 1885—1900.
- Микелис де, 1982—1983 — *De Michelis C. G.* Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A. Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale / Sezione storico-politico-sociale, IV—V (1982—1983).
- Миних, 1817 — [*Münnich I.-E. von* // *Миних И.-Э.*] Записки графа [И.-Э.] Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих. СПб., 1817.
- Миропольский, I—III — *Миропольский С.* Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. I—III. СПб., 1894—1895.
- Михнева, 1985 — *Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739—1758). М., 1985.
- Монтескье, 1914 — [*Montesquieu Ch. L. de*] Correspondance de Montesquieu. Publié par F. Gebelin avec la collaboration de A. Morize. Т. I—II. Paris, 1914.
- Морда Эванс, 1958 — *Morda Evans R. J.* Antiokh Kantemir and his first biographer and translator // Slavonic and East-European Review. Vol. 37. 1958. N 88.
- Морозов, 1880 — *Морозов П.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.
- Морозов, 1962 — *Морозов А. А.* М. В. Ломоносов — путь к зрелости (1711—1741). М.-Л., 1962.
- Нащокин, 1842 — [*Нащокин В. А.*] Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. Изд и примеч. Д. Языкова.

- Невская, 1984 — *Невская Н. И.* Петербургская астрономическая школа XVIII века. Л., 1984.
- Николаев, 1987 — *Николаев С. И.* Ранний Третьяковский (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // *Русская литература.* 1987. № 2.
- Николаев, 1988 — *Николаев С. И.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // *Русская литература.* 1988. № 1.
- Новиков, 1772 — *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известиям и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.
- ОДДС, I—L — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. I—L. СПб., 1868—1916.
- Орлов, 1935 — *Орлов А. С.* «Тилемахида» В. К. Третьяковского // XVIII век. [Сб. I]. М.—Л., 1935.
- Орфелин, 1772 — [*Орфелин З.*] Житие и славные дела государя императора Петра Великого самодержца всероссийского с предположением [sic!] краткой географической и политической истории о Российском царстве, ныне первое на славенском языке списана и издана. Ч. I—II. Венеция, 1772.
- Остолопов, I—III — *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. Ч. I—III. СПб., 1821.
- Памятники дипломатических сношений, I—X — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I—X. СПб., 1851—1871.
- Пекарский, I—II — *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. Т. I—II. СПб., 1870—1873.
- Пекарский, 1862 — *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I—II. СПб., 1862. (Т. I: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Т. II: Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 годов.)
- Пекарский, 1862а — *Пекарский П.* Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740—1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге [...] с примечаниями и дополнениями. СПб., 1862.
- Пекарский, 1864 — *Пекарский П.* Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях: По поводу письма Лейбница к Петру Великому, 22 января 1715 г. // *Записки имп. Академии наук.* СПб., 1864. Т. IV.
- Пекарский, 1865 — *Пекарский П.* Отчет о занятиях в 1863—64 гг. по составлению истории Академии наук. СПб., 1865. Оттиск из изд.: *Записки имп. Академии наук.* Т. VII, прилож. № 4.
- Пекарский, 1866 — *Пекарский П.* Материалы для биографии В. К. Третьяковского // *Записки имп. Академии наук.* СПб., 1866. Т. IX. Кн. 2.
- Пекарский, 1866а — *Пекарский [П.]* Разбор сочинения г. Чистовича «Фефан Прокопович» // Тридцать четвертое, и последнее, присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград, 25 июня 1865 г. СПб., 1866.

- Пекарский, 1868 — *Пекарский П.* Отзыв о сочинении г. Чистовича «Феофан Прокопович» // Отчет о десятом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1867 г. СПб., 1868.
- Пекарский, 1872 — *Пекарский П.* Известия о братьях Коржавиных (1753—1760 годов) // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Приведены в порядок и изданы П. Пекарским. СПб., 1872 (Сб. ОРЯС. Т. IX).
- Перри, 1716 — *Perry J.* The State of Russia under the Present Czar. London, 1716.
- Петров, 1872 — *Петров П. Н.* Головкины // Всемирная иллюстрация. 1872. № 208 (с. 422).
- Пирлинг, I—V — *Père Pierling [P.] (S.J.)*. La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques. Т. I—V. Paris, 1896—1912.
- Письма XVIII в. — Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
- Письма и бумаги Петра — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I—XII. СПб.—М., 1887—1977.
- Письма и донесения иезуитов, 1904 — Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904.
- Пишон, 1894 — [*L'abbè Jean Pichon.*] Motifs et Moyens pour procurer la réunion de l'église de Moscovie à l'orthodoxe de l'église Latine [1717] // В изд.: Шмурло, 1894, приложения (с. 213—222).
- Платонов, 1927 — *Платонов С. Ф.* Орден Иуды 1709 года // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии за 1926 год. Вып. 1 (34). Л., 1927.
- Покровский, 1987 — *Покровский Н. Н.* Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987.
- Полевой, 1890 — *Полевой П. Н.* Могила князя-шута // Исторический вестник. Год XI. 1890, январь.
- Полуденский, 1865 — *Полуденский М.* Петр Великий в Париже // Русский архив. III. 1865 (столб. 675—702).
- Пореш, 1978 — *Пореш В. Ю.* Библиотека А. Ф. Хрушова (собрание преимущественно французских книг) // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978.
- Порошин, 1881 — *Порошин С.* Записки, служащие к истории его имп. высочества [...] Павла Петровича. Изд. 2-е, испр. и значит. доп. по рукописям [...]. СПб., 1881.
- Преображенский, I—II — *Н. Прский [Преображенский Н.С.]* Этнографические очерки Кадниковского уезда [Вологодской губернии], I (Баня, игрище, слушанье и шестое января) // Современник. 1864. № 10; II (Сельский праздник) // Современник. 1865. № 2.
- Пумпянский, 1941 — *Пумпянский Л. В.* Кантемир; Третьяковский // История русской литературы. Т. III. Ч. 1. М.—Л., 1941.
- Рибейра, 1731 — *Ribera Bernardus.* Responsum ant-apologeticum Ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias Joannis Francisci Buddei nomine evulgatas in orthodoxos Latinos et Graecos. Viennae, 1731.

- Рибейра, 1733 — *Ribera Bernardus*. Echo Fidei. Ab Orientali Ecclesia Moscoviae personans, Romanam Vocem vix non ingeminans, Arctoeae Hydrae Strepitus superans, Photianò licetò vinclò balbutiens; Angelicae theologiae Pharmaco convalescens; Etherodoxià repurgatà Ecclesiam adunans. Opus theologicum [...]. Т. I—II. Viennae, [1733].
- Рогов, 1959 — *Рогов А. И.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // *История СССР*. 1959. № 3.
- Родосский, 1893 — *Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893.
- Россия и Италия, I—IV — Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. I—IV. СПб./Л., 1907—1927.
- Рункевич, 1913 — *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра, 1713—1913. СПб., 1913.
- Рыболовский, 1908 — *Рыболовский А. П.* Варлаам Ванатович, архиепископ Киевский, Галицкий и Малыя России // *Труды Киевской духовной академии*. 1908, май.
- Самаренко, 1962 — *Самаренко В. П.* В. К. Тредиаковский в Астрахани (Новые материалы к биографии В. К. Тредиаковского) // XVIII век. Сб. 5. М.—Л., 1962.
- Самарин, I—V — *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. Т. I—XII. М., 1877—1911.
- Св. кат. XVIII в. — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800). Т. I—V. М., 1963—1967; Дополнения... М., 1975.
- Св. кат. XVIII в. на иностр. яз., I—III — Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Т. I—III. Л., 1984—1986.
- Селлий, 1736 — [*Sellius Burch.-Ad.*] Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt [...] Reveliae, 1736.
- Семевский, 1857 — *Семевский М.* Ледяной дом: Шуты и забавы при дворе Анны Иоанновны // *Общезанимательный вестник*. Год I. 1857. № 16.
- Семевский, 1885 — *Семевский М. И.* Петр Великий как юморист (1682—1725) // *Семевский М. И.* Слово и дело! 1700—1725. СПб., 1885 (с. 279—338).
- Сен-Симон, I—XXII — [*Saint-Simon Louis, duc de.*] Mémoires du duc de Saint-Simon. Vol. I—XXII. Paris, 1873—1886.
- Скворцов, 1878 — *Скворцов В.* Петр Смелич, архиепископ Белгородский и Обоянский // *Курские епархиальные ведомости*. Год VIII. 1878. № 1 (с. 29—41), 2 (с. 85—91).
- Сл. рус. яз. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. I—V. Л., 1984—1989 (издание продолжается).
- Словарь капуцинов, 1951 — *Lexicon sarucinum. Promptuarium historico-*

- bibliographicum ordinis fratrum minorum sarucinozum (1525—1950). Roma, 1951.
- Смирнов, 1855 — *Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Смирнов, 1927 — *Смирнов М. И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде: по этнографическим наблюдениям // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Вып. I. Старый быт и хозяйство Переславской деревни. Переславль-Залесский, 1927.
- Смирнов, 1962 — *Смирнов Н. А.* Описания о бунтах в Константинополе в 1730—1731 гг. // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.
- Соболевский, 1908 — *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. СПб., 1908 (Сб. ОРЯС. Т. LXXXIV. № 3).
- Сойе, 1987 — *Sohier Jean.* Grammaire et Methode Russes et Françoises. 1724. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского [vol.] I—II. München, 1987 (Specimina philologiae slavicae, Bd. 69).
- Соловьев, I—XV — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. I—XV. М., 1962—1966.
- Сохраненкова, 1987 — *Сохраненкова М. М.* В. К. Третьяковский как композитор // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1986. Л., 1987.
- Спасский, 1963 — *Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963.
- Списки дипломатов, I—III — Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Bd. I (1648—1715), hrsg. von L. Bittner und L. Groß. Oldenburg—Berlin, 1936; Bd. II (1716—1763), hrsg. von F. Hausmann. Zürich, 1950; Bd. III (1764—1815), hrsg. von O. F. Winter. Graz—Köln, 1965.
- СРНГ, I—XXIII — Словарь русских народных говоров. Вып. I—XXIII. Л., 1965—1987 (издание продолжается).
- Стефан Яворский, I—III — Проповеди блаженной памяти Стефана Яворского, местоблюстителя Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола патриаршаго. Ч. I—III. М., 1804—1805.
- Стоюнин, 1867 — *Стоюнин В.* Князь Антиох Кантемир // Кантемир, I (с. XI—CXIII).
- Строчков, 1963 — *Строчков Я. М.* Примечания // Третьяковский, 1963 (с. 467—541).
- Сумцов, 1881 — *Сумцов Н.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.
- Тамборра, 1986 — *Tamborra A.* Studi storici sull'Europa orientale. [Roma, 1986.]
- Теплов, 1868 — *Теплов Г. Н.* Записка о Третьяковском [1775 г.] // Записки имп. Академии наук. СПб., 1868. Т. XIV.
- Тихонравов, I—III — *Тихонравов Н. С.* Сочинения. Т. I—III. М., 1898.

- Толстой, 1863 — *Tolstoy D.* Le catholicisme romain en Russie: Études historiques. Т. I. Paris, 1863.
- Тредиаковский, I—III — [*Тредиаковский В. К.*] Сочинения Тредиаковского. Т. I—III. СПб., 1849. (Полное собрание сочинений русских авторов. Изд. А. Смирдина)
- Тредиаковский, 1732 — [*Тредиаковский В. К.*] Панегирик или Слово похвальное всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне чрез всеподданнейшаго ея величества раба Василья Тредиаковского сочиненное, и ея императорскому величеству в день тезоименитства ея поднесенное февраля в 3 день 732 года. Ныне же повелением ея императорского величества напечатанное. СПб., 1732.
- Тредиаковский, 1733 — [*Тредиаковский В. К.*] Ода приветственная всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне в день отправляющагося торжества то есть 19 генваря для радостнаго всем нам возшествия ея величества на всероссийский престол. СПб., 1733.
- Тредиаковский, 1734 — [*Тредиаковский В. К.*] Ода торжественная о злоче города Гданска, сочиненная в вящую славу имени всепресветлейшия, державнейшия великия государыни Анны Иоанновны императрицы и самодержицы всероссийския. Чрез Василья Тредиаковского Санктпетербургския императорския Академии наук секретаря. СПб., 1734.
- Тредиаковский, 1735 — [*Тредиаковский В. К.*] Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Чрез Василья Тредиаковского С.Петербургския императорския Академии наук секретаря. СПб., 1735. Ср. изд.: Куник, 1865 (с. 17—74).
- Тредиаковский, 1735а — [*Тредиаковский В. К.*] Речь, которую в Санктпетербургской императорской Академии наук, к членам Российскаго собрания, во время перваго оных заседания, марта 14 дня, 1735 года, говорил Василий Тредиаковский Санктпетербургския императорския Академии наук секретарь. СПб., 1735. Ср. изд.: Куник, 1865 (с. 8—15).
- Тредиаковский, 1751 — [*Тредиаковский В. К.*] Предуведомление от трудившагося в переводе //Аргенида повесть героическая сочиненная Иоанном Барклаием а с латинскаго на славенороссийский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского профессора элоквенции и члена императорския Академии наук. Т. I. СПб., 1751 (с. I—CIV).
- Тредиаковский, 1775 — [*Тредиаковский В. К.*] Деидамия трагедия, покойным надворным советником и императорской Санктпетербургской Академии наук красноречия профессором Васильем Кириловичем Тредиаковским, сочиненная в 1750 году. М., 1775.

- Тредиаковский, 1935 — *Тредиаковский [В. К.] Стихотворения*. Под ред. А. С. Орлова [...]. Вступ. статья С. М. Бонди. [Л.], 1935. (Библиотека поэта.)
- Тредиаковский, 1963 — *Тредиаковский В. К. Избранные произведения*. Вступ. статья и подг. текста Л. И. Тимофеева. Примеч. Я. М. Строчкова. М.—Л., 1963 (Библиотека поэта).
- Тургенев, 1843 — Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлеченных [...] А. И. Тургеневым из разных актов и донесений [...] //ЖМНП. Ч. XXXVII. 1843.
- Успенский, 1974 — *Успенский Б. А. Доломоновский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский* //Вопросы языкознания. 1974. № 2.
- Успенский, 1975 — *Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики)*. М., 1975.
- Успенский, 1982 — *Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*. М. 1982.
- Успенский, 1982а — *Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен* //Художественный язык Средневековья. М., 1982.
- Успенский, 1983 — *Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*. М., 1983.
- Успенский, 1983а — *Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая)* //Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. XXIX. 1983.
- Успенский, 1984 — *Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.)* //Russian Linguistics. 1984. Vol. VIII. N 2.
- Успенский, 1985 — *Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века (Языковая программа Карамзина и ее исторические корни)*. М., 1985.
- Успенский, 1988 — *Успенский Б. А. Одна из первых грамматик русского языка (Грамматика Жана Соёе 1724 г.)* //Вопросы языкознания. 1988. № 1.
- Успенский, 1988а — *Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Семантика русского мата в историческом освещении)* //Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian. Ed. M. Halle, K. Pomorska, E. Semeka-Pankratov, B. Uspenskij. Columbus, [1988].
- Феофан Прокопович, 1721 — [Феофан Прокопович.] Первое учение отроком в немъже буквы и слоги [...] СПб., 1721.
- Феофан Прокопович, 1863 — [Феофан Прокопович.] Примечания на книгу, изданную доминиканцем Бернадом Риберою, бывшим [sic!] при

- испанском посланнике герцоге де Лирии, в Москве, во время коронации императрицы Анны Иоанновны (собственноручная записка Феофана Прокоповича) [1734 г.] // ЧОИДР. 1863. Кн. 2.
- Флоровский, 1948 — *Флоровский А. В.* Первый иезуит из московских дворян // *Acta Academiae Velehradensis*. XIX. Olomouc, 1948.
- Флоровский, 1962 — *Флоровский А. В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб. V. М.—Л., 1962.
- Флоровский, 1966 — *Флоровский А.* Московские навигаторы в Венеции в 1697—1698 гг. и римская церковь // *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen: Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag*. Berlin, 1966 («*Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas*»). Bd. XV).
- Флоровский, 1966а — *Флоровский А. В.* Петр Великий и Эфиопия // *Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966.
- Флоровский, 1975 — *Флоровский А. В.* Из истории русских «встреч с Западом» на переломе XVII и XVIII веков // *The Religious World of Russian Culture*. Ed. A. Blane. The Hague — Paris, 1975 (= *Russia and Orthodoxy: Essays in Honor of Georges Florovsky*. Vol. II).
- Франклен, 1875 — *Franklin A.* La Sorbonne, ses origines, sa bibliothèque, les débuts de l'imprimerie à Paris, et la succession de Richelieu, d'après des documents inédits. 2 éd., cor. et augm. Paris, 1875.
- Харлампович, 1914 — *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914.
- Хотеев, 1986 — *Хотеев П. И.* Французская книга в Библиотеке петербургской Академии наук (1714—1742 гг.) // Французская книга в России в XVIII веке: Очерки истории. Л., 1986.
- Черниловская и Шульгина, 1986 — Описание рукописей собрания Черткова. Сост. М. М. Черниловская, Э. В. Шульгина. Новосибирск, 1986.
- Чистович, 1859 — *Чистович И. А.* Заметка о В. К. Тредьяковском // *Известия имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности*. Т. VIII. 1859. Вып. 2.
- Чистович, 1861 — *Чистович И.* Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб., 1861.
- Чистович, 1868 — *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
- Читаделла, 1944 — *Gio Crisostomo da Citadella*. Biblioteca dei Fratri minori cappuccini della Provincia di Venezia. Padova, 1944.
- Шабэн, 1983 — *Chabin M.-A.* Les Français et la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle: la famille Delisle et les milieux savants. Thèse de l'École nationale des chartes. 1983. Dactyloscript.
- Шаховской, 1872 — [*Шаховской Я. П.*] Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора Св. Синода; генерал-прокурора и конференц-министра при Елизавете, сенатора при Екатерине II. [Предисл. и примеч. М. И. Семевского.] СПб., 1872.

- Шишкин, 1860 — *Шишкин И.* Артемий Петрович Волынский // Отечественные записки. 1860. Т. СХХХ.
- Шишкин, 1867 — *Шишкин И.* Михаил Аврамов, один из противников петровской реформы // Невский сборник (учено-литературный). I. СПб., 1867.
- Шишкин, 1983 — *Шишкин А. Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983.
- Шишкин, 1984 — *Шишкин А. Б. В. К.* Тредиаковский: годы ученья // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae.* XXX. 1984.
- Шишкин, 1986 — *Шишкин А. Б.* Из неопубликованных поэтических трудов В. К. Тредиаковского (стихотворная «Псалтирь») // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1984. Л., 1986.
- Шишкин, 1989 — *Шишкин А. Б.* Документы Архива Синода о книгах В. К. Тредиаковского; Судьба «Псалтири» Тредиаковского // *Trediakovskij V. K. Psalter. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky.* Paderborn—München—Wien—Zürich, 1989.
- Шмурло, 1894 — *Шмурло Е.* Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. // Ученые записки Юрьевского имп. университета. Год 2-й. 1894. № 1—4.
- Шубинский, 1869 — *Шубинский С. Н.* Придворные шуты и шутовские свадьбы в царствование Петра Великого и Анны Ивановны // *Шубинский С. Н.* Исторические очерки и рассказы. СПб., 1869.
- Шубинский, 1873 — *Шубинский С. Н.* Императрица Анна Иоанновна: Придворный быт и забавы // Русская старина. Т. VII. 1873.
- Шубинский, 1888 — *Шубинский С. Н.* Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888.
- Щербатов, I—II — *Щербатов М. М.* Сочинения. Т. I—II. Под ред. И. П. Хрущева и А. Г. Воронова. СПб., 1896—1898.
- Юль, 1899 — [*Juel J.*] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. Пер. с дат. Ю. Н. Щербачева // ЧОИДР. 1899. Кн. 2—4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (СПб.).
 Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук (СПб./Л).
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (М.).

СОКРАЩЕНИЯ ПРИ ССЫЛКАХ НА АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ААН — Архив Академии наук СССР (Ленинград, СССР).
 Арх. Конгр. Проп. Веры — Конгрегация распространения веры. Архив (Sacra Congregatio pro Gentium Evangelizatione seu de Propaganda Fide. Archivum) (Рим, Италия).
 Арх. Пирлинга — Славянская библиотека в Париже. Отдел рукописей, собр. Пирлинга (Bibliothèque Slave. Section des manuscrits, Archives Pierling) (Медон, Франция). Мы всякий раз ссылаемся на документы, помещенные в папке 63.2 (boîte 63.2) собрания Пирлинга, не отмечая этого специально при ссылках; иначе говоря, цитируя Арх. Пирлинга, мы указываем номер документа, но не указываем номер папки*.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград). Рукописный отдел.
 Библ. Труа — Муниципальная библиотека города Труа. Отдел рукописей. (Bibliothèque municipale de Troyes. Section des manuscrits) (Труа, Франция).
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва, СССР). Отдел рукописей.
 ГИМ ОПИ — Государственный Исторический музей (Москва, СССР). Отдел письменных источников.
 ГИМ ОР — Государственный Исторический музей (Москва, СССР). Отдел рукописей.
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград, СССР). Отдел рукописей.
 ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) (Ленинград, СССР). Рукописный отдел.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР (Ленинград, СССР). Архив.
 МИД АВПр — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР (Москва, СССР).
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва, СССР).
 ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград, СССР).

*Мы цитируем копии, снятые о. Пирлингом с документов Муниципальной библиотеки г. Труа (см.: Библ. Труа); именно они хранятся в папке 63.2 архива Пирлинга. Как правило, мы ссылаемся как на подлинные документы библиотеки Труа, так и на копии Пирлинга. В отдельных случаях, однако, ссылки делаются только на копии Пирлинга: это означает, что в библиотеке Труа нам не удалось обнаружить соответствующих оригиналов (по-видимому, они утеряны).

Secr. Mr Trediahowsky del^t Petersbourg du 6. may. 1732.
recu à Cronstadt le . . . . . 23. juin —
répondu le . . . . . 22. juillet —

Monsieur

264

Vous m'avez prevenu dans une priere, que
l'avois dessein de vous faire. & peut être
n'y auroit il pas longtems, que j'aurois pris
la liberté de vous adreper ces lignes, si j'avois
sû, par quel Canal il falloit faire mes
devoirs envers vous. Ainſi, Monsieur, je
vous supplie de n'avoir plus cette mauvaise
opinion de moy, que de croire, que je vous ai
oublié. Cette injustice fait Prejudice
à mes bonnes intentions, que j'ai, et que
j'aurai toute ma vie. Vos Bontés, dont je
puis comblés excitem toujours des Sentimens
en moy.

D'avoir la Bonté de me permettre,
que Je vous entretiens de temps en temps
par mes Lettres; Par ce moyen Je repare
rai en quelque façon la Perte, que
Je fais en votre absence; Et Trouvée
pour agreable, que Je vous dise souvent
que Je suis avec Respect,

Monsieur,

Votre Très humble,
Très obeissant
et très reconnoissant
Serviteur

à St Petersbourg

Le 6 May

1732

B. Crédiakoffski

Tiré à part de СИМВОЛ 23
©1990 by Bibliothèque Slave de Paris